78 02
11

78 02/11

Бунинъ

КЪ СТОЛѢТНЕЙ ПАМЯТИ ЛОМОНОСОВА.

Н. Булича.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1865.

КЪ СТОЛѢТНЕЙ ПАМЯТИ ЛОМОНОСОВА.

Н. БУЛИЧА.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1865.

Перепечатано изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Университета 1865 года.

Гос. Истор.-Науч. Б-ка
НКП РСФСР
Инв. № 32762
193 г.

I.

Въ апрѣлѣ настоящаго года, по разнымъ городамъ нашего отечества, отъ Вятки до Риги, отъ Петербурга до Кіева, въ образованномъ слоѣ общества, поминалась столѣтняя память Ломоносова, поминалась торжественно и единодушно, на сколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ, собирая вокругъ себя и людей разныхъ сословій и людей разныхъ поколѣній. Общая струя этого увлеченія, по разнымъ причинамъ, о которыхъ мнѣ нѣтъ надобности распространяться здѣсь, миновала однакожъ нашъ городъ. Казань запоздала своимъ сочувствіемъ къ памяти Ломоносова, осталась глухою на общій призывъ и не думала о праздникѣ въ честь перваго по времени нашего ученаго и поэта. Это тѣмъ болѣе грустно, что въ исторической жизни Россіи юбилей въ память писателя есть явленіе новое, не встрѣчавшееся прежде и конечно въ высшей степени радостное, потому что оно свидѣтельствуетъ о ростѣ общественнаго сознанія.

Очень возможно, что въ юбилеѣ этомъ принимали не малое участіе и увлеченіе, и подражаніе, и совершенно понятное желаніе не отстать отъ другихъ, самолюбивое желаніе заявить и о своемъ сотрудничествѣ въ всероссійскомъ торжествѣ, но фактъ юбилея существуетъ. Мы читали рѣчи, желавшія опредѣлить значеніе Ломоносова и въ русской жизни и въ русскомъ образованіи, читали стихи, которые произносились на пиршествахъ и актахъ въ честь Ломоносова, стихи, гдѣ обычная реторика довольно часто мѣшалась однакожъ съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ именемъ, которое вдругъ по чему-то сдѣлалось почти народнымъ. Впродолженіе нѣсколь-

---

(1) Статья эта предназначалась для прочтенія на предполагавшемся торжественномъ актѣ Казанскаго Университета въ память Ломоносова, а потомъ (въ маѣ мѣсяцѣ) вошла въ содержаніе публичныхъ чтеній въ пользу Ломоносовскихъ стипендій въ Петербургѣ.

кихъ недѣль имя Ломоносова было на устахъ у каждаго; столбцы газетъ наполнялись статьями, написанными по поводу юбилея или корреспонденціями о ходѣ Ломоносовскихъ торжествъ то въ томъ, то въ другомъ углу нашего обширнаго отечества. Имя Ломоносова, названія его трудовъ доходили до ушей лицъ, которые о Ломоносовѣ не слыхали съ того времени, какъ сошли съ школьной скамейки. Вновь ожили воспоминанія о бѣдномъ рыбачьемъ сынѣ, поднявшемся изъ народа силою науки, томившемся жаждою знанія. Люди, которые вдумывались въ смыслъ этого внезапнаго увлеченія Ломоносовымъ, желали знать что же такое Ломоносовъ, вызывающій теперь пиршественные клики, громкіе тосты и громкія риѳмы, гдѣ его дѣло, за что онъ дорогъ обществу, такъ дружно почтившему его память? Но справившись съ воспоминаніями школы и свѣдѣніями, вынесенными изъ нея о Ломоносовѣ, оказалось, что свѣдѣнія о немъ состоятъ всѣ изъ пустыхъ фразъ, что отношеніе нашихъ современниковъ къ Ломоносову и смутно и неопредѣленно, что роль, которую играетъ Ломоносовъ въ нашей умственной жизни затемнѣна до невѣроятности восторгомъ, что предъ нами не дѣло Ломоносова, связь съ которымъ не дается непосредственно, а надобно искать ее путемъ обдумыванія и труда, а только слова о немъ. Къ счастію, этотъ недавній юбилей былъ причиною появленія въ свѣтъ нѣсколькихъ сочиненій, богатыхъ матеріалами для опредѣленія дѣятельности Ломоносова и для уясненія его жизненныхъ отношеній. Нѣсколько подробнѣе съ помощію этихъ матеріаловъ узнается теперь Ломоносовъ, нѣсколько опредѣленнѣе выступаетъ передъ нами эта личность, до сихъ поръ походившая на миѳъ, опредѣляемый двумя — тремя крупными чертами, которыя отъ продолжительнаго и неумѣреннаго употребленія, сдѣлались похожими на общее мѣсто.

Мы не имѣемъ права отнимать у Ломоносовскаго юбилея его великаго историческаго значенія; мы радостно привѣтствуемъ этотъ юбилей, какъ первое торжество литературнаго имени на Руси, хотя нельзя не замѣтить, что между Ломоносовымъ и современнымъ обществомъ, такъ сочувственно откликнувшимся на его столѣтнюю память, нѣтъ никакихъ непосредственныхъ связей, что Ломоносовъ имѣетъ только ис-

торическое значеніе, не всѣмъ и не каждому ясное, что послѣ современнаго увлеченія, вызваннаго юбилеемъ, имя это опять должно скрыться въ прежній полумракъ. Такова судьба большинства русскихъ дѣятелей въ мысли и словѣ, безпрестанно смѣняемыхъ новыми именами, столь же недолговѣчными.... Въ нашей русской жизни мы конечно должны радоваться такому рѣдкому явленію, какъ юбилей писателя, чѣмъ бы и какъ бы ни вызывался этотъ юбилей. Дѣло въ томъ, что онъ соединяетъ въ одно людей мыслію, что онъ заставляетъ ихъ передумывать прожитое и отдавать отчетъ въ духовной дѣятельности, вообще рѣдкой и мало цѣнимой въ нашемъ обществѣ.

Чѣмъ далѣе общество уходитъ впередъ въ историческомъ развитіи своемъ, тѣмъ опредѣленнѣе въ душѣ его, отъ всего содержанія жизни, отдѣляются духовные представители народа, выразители его мысли, его судьбы, надеждъ и стремленій, выразители его воли. Это выдѣленіе людей мысли и духовнаго дѣла, сознаніе ими произведеннаго, составляетъ тотъ процессъ, называемый *духовной исторіей* народа, по которому народъ заслуживаетъ названіе *историческаго* народа. Это самая высокая и лучшая сторона его исторіи. Не вдругъ эта жизнь мысли появляется въ народной исторіи. Часто проходятъ вѣка, пока изъ общаго, безмолвнаго лона народной жизни, выдѣлится личность говорящая, дѣйствующая словомъ и мыслію. Не вдругъ также сама она получаетъ значеніе въ обществѣ. Отношеніе къ ней окружающей среды, участіе къ ней, — растетъ по мѣрѣ роста духовнаго самаго общества. Все дѣйствительно великое, все народное въ этой личности получаетъ оправданіе, вырастаетъ въ значеніи: отпадаетъ и умираетъ только то, что не имѣло жизни, что не заключало въ себѣ зерна. Это непреложный законъ исторіи, хотя довольно плохо сознаваемый. Этотъ законъ развитія примиряетъ тѣ часто жаркіе споры, которые повторяются въ общественномъ развитіи каждое десятилѣтіе между старымъ и новымъ поколѣніемъ, когда они спорятъ о достоинствѣ духовныхъ представителей народа, когда старое поколѣніе обвиняетъ молодое въ презрѣніи къ прошедшему, въ неуваженіи къ отцовской святынѣ, когда молодое поколѣніе, стремясь къ новымъ идеаламъ, смѣется надъ вѣрованіями стариковъ.

Это знакомое намъ явленіе антагонизма служитъ великому дѣлу исторіи. Горевать о немъ, — значитъ высказывать свою близорукость и недостатокъ думы. Конечно, тяжелъ этотъ споръ поколѣній, потому что въ немъ много сердечныхъ началъ, потому что говоритъ въ немъ вообще личное и живое чувство, котораго не знаетъ исторія. Оскорбленіе насмѣшкою сильнѣе, если она идетъ отъ людей близкихъ и дорогихъ. Это семейная ссора, а въ ней-то и высказываются самые язвительные упреки. Но эта ссора, это недовѣріе къ прошлому и борьба за него — есть повѣрка жизни, движеніе исторіи. Вражда эта уничтожаетъ все то, что было несправедливаго, ложнаго въ увлеченіи, все то, въ чемъ не отдавалось отчета. И Ломоносовъ, это имя, которое въ недавній юбилей его сдѣлалось дорогимъ русскимъ именемъ, когда-то тоже было именемъ, вызывавшимъ противоположныя мнѣнія; вокругъ него тоже кипѣла когда-то вражда поколѣній. Правда, содержаніе было ея не глубоко: вопросъ шелъ о достоинствѣ поэзіи Ломоносова; споръ касался эстетики, но и самое содержаніе жизни тогда не было глубоко. Теперь вражда эта забыта; кажется и пустою и смѣшною. Прошли года духовнаго развитія русскаго народа; враждующія поколѣнія исчезли и имя Ломоносова чисто отъ обвиненій всякаго рода. Его историческое значеніе признано. Время отшлифовало его, какъ алмазъ, дорого цѣнимый всѣми.

Чѣмъ больше въ народной исторіи представителей духовной дѣятельности, чѣмъ сознательнѣе къ нимъ чувство уваженія, чѣмъ опредѣленнѣе ихъ образъ представляется живымъ поколѣніямъ, не раздѣляя ихъ споромъ о достоинствѣ, а соединяя ихъ въ общей любви къ людямъ мысли и слова, тѣмъ болѣе для мыслящаго человѣка увѣренности, что окружающее его настоящее имѣетъ смыслъ и значеніе, что не вялые и дряблые люди, утонувшіе въ мелкихъ интересахъ пустой жизни, а люди-граждане окружаютъ его.

Но это сознательное отношеніе общества къ духовнымъ представителямъ своимъ, доказательство, что оно ставитъ силу духа выше силы грубой—является не вдругъ. Намъ нужно было пережить многое, чтобъ дожить даже до Ломоносовскаго праздника въ настоящемъ году. Чтобы ни примѣшивалось къ этому празднику, во всякомъ случаѣ онъ составляетъ замѣча-

тельное явленіе въ нашей жизни. Ломоносовъ одинъ, изъ нашего скуднаго духовнаго запаса личностей понятенъ почти каждому. Его типическая жизнь и ея обстоятельства усвоиваются нами съ дѣтства. Онъ одинъ опредѣленно выступаетъ изъ того тумана, которымъ покрыты имена русскихъ духовныхъ дѣятелей. Всѣ они неясны, всѣ они вызываютъ противорѣчіе; достоинство ихъ оспаривается. Печальный фактъ этотъ оправдывается ходомъ русской исторіи, въ которой было много грубой и черной работы, вызываемой и природой и обстоятельствами. Мы не можемъ похвалиться давностію нашей духовной аристократіи. Съ грубымъ порывомъ измученнаго работника, не въ мысли ищемъ мы отдыха и наслажденія. Часто доходятъ до насъ извѣстія съ Запада о празднуемыхъ тамъ юбилеяхъ въ честь поэтовъ, мыслителей, художниковъ, бросившихъ въ наслѣдство своимъ соотечественникамъ богатство ума, фантазіи и образовъ. Въ самое это время, далеко отъ насъ, на Югѣ Европы, память о глубоко-народномъ имени поэта, мыслителя и патріота собираетъ вокругъ себя цѣлую страну. Въ долгой и многострадальной исторіи Италіи, она только въ ликомъ имени Данте, въ его стихахъ—видѣла и утѣшеніе и надежду и призывъ къ патріотической дѣятельности. Такого всенароднаго имени, подымающагося впереди націи какъ хоругвь, за которою всѣ идутъ,—нѣтъ у насъ въ области нашей духовной исторіи.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, русская жизнь выросла до того, что имя Ломоносова, черезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, не даромъ звучитъ между нами. Оно уже извѣстно каждому грамотному русскому; оно дорого намъ, какъ народное достояніе; оно собираетъ русскихъ людей. Значитъ въ жизни общества явилась пора сознанія, когда оно цѣнитъ трудъ своей мысли когда выдѣляетъ съ гордостію отъ темной массы,—представителей духовной жизни и окружаетъ ихъ поклоненіемъ. Мы приблизительно только знаемъ годъ рожденія Ломоносова; мѣсяцъ и число этого рожденія—неизвѣстны. Матеріальныя заботы жизни помѣшали намъ сохранить эти свѣдѣнія о жизни типическаго человѣка русской земли. Его дѣйствительный юбилей, столѣтній день рожденія — не былъ помянутъ; да и трудно было вспомнить о немъ посреди тяжелыхъ испытаній двѣнадцатаго года. Прошло полстолѣтія еще; мы жи-

ли не даромъ. Недавнія событія, и внутреннія и внѣшнія, подняли уровень народнаго сознанія, возбудили народное чувство. Теперь только стало возможно и понятно, теперь имѣетъ смыслъ празднованіе памяти Ломоносова. Не смотря на то, что до сихъ поръ, къ стыду нашему, мы не имѣемъ сколько нибудь сносной біографіи Ломоносова, не смотря на то, что сочиненія его изданы самымъ жалкимъ образомъ, кой-какъ, что неизвѣстна вполнѣ его научная и служебная дѣятельность, что только теперь она выходитъ наружу изъ подспуда,—имя Ломоносова не есть звукъ пустой. Каждый грамотный русскій привыкъ къ этому имени и дорожитъ имъ. Оно не вызываетъ спора о достоинствѣ, отдаленное отъ насъ столѣтіемъ. Не одни люди, которымъ дороги мысль и слово по призванію, а люди всѣхъ сословій общества повторяли имя Ломоносова; не въ однихъ стѣнахъ университетовъ оно поминалось. Чѣмъ шире и торжественнѣе было это воспоминаніе, чѣмъ бо́льшее число русскихъ принимало въ немъ участіе, тѣмъ больше чести для страны, тѣмъ, значитъ, сознательнѣе ея жизнь, тѣмъ сильнѣе въ ней вѣра въ народное значеніе. Юбилейные восторги видятъ въ Ломоносовѣ *типическаго* представителя русской земли; въ силѣ и энергіи его борьбы видятъ силу народа, изъ котораго онъ вышелъ. Теперь нѣсколько охладѣлъ этотъ восторгъ, вызванный праздничнымъ настроеніемъ духа; теперь, кажется можно болѣе хладнокровно взглянуть и на личность и на дѣятельность Ломоносова. Въ этомъ отношеніи много помогутъ изданные недавно къ юбилею матеріалы для его біографіи. Къ сожалѣнію эти матеріалы относятся къ болѣе поздней поръ жизни Ломоносова, именно, когда возвратившись изъ за-границы и сдѣлавшись членомъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, онъ разомъ кинулся въ самую разнообразную и пеструю дѣятельность, вызываемую тогдашнимъ состояніемъ русскаго образованія. Объ эпохѣ болѣе молодой, о юношескихъ стремленіяхъ Ломоносова, о томъ времени, когда пробудилась въ немъ томительная жажда науки, выдвинувшая его впередъ въ исторіи русскаго образованія, вновь изданные матеріалы не говорятъ ничего и къ крайнему прискорбію изслѣдователь, говоря о развитіи Ломоносова, долженъ невольно повторять то, что давно и слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ. Не весело повторять то, что повто-

рялось столько разъ съ тѣхъ поръ, какъ Ломоносова причислили къ русскимъ знаменитостямъ, что твердилось на разные лады и на недавнихъ юбилеяхъ Ломоносова. Немногія и бѣдныя свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни обыкновенно распространяются и разукрашиваются тѣми, кому приходится писать о немъ.

При всей однакожъ бѣдности свѣдѣній о жизни Ломоносова, мы можемъ представить себѣ довольно ясно его молодость, исполненную лишеній, борьбы всякаго рода и неудержимыхъ, тревожныхъ стремленій, цѣли которыхъ Ломоносовъ самъ не сознавалъ опредѣленно. Элементы этой жизни вполнѣ народны и собственно эта жизнь и ея отношенія дѣлаютъ Ломоносова народнымъ типомъ. Далекая родина Ломоносова— Архангельской губерніи, недалеко отъ Холмогоръ, на островѣ Сѣверной Двины, деревня Болото или Денисовка, съ своею бѣдною природою, заключала однакожъ въ себѣ условія для того, чтобъ подѣйствовать на перваго представителя духовныхъ стремленій новой Россіи. Ломоносовъ былъ потомкомъ старинныхъ новгородскихъ колонистовъ, заселившихъ этотъ пустынный край. Семья, гдѣ онъ выросъ, занималась рыбными промыслами по Бѣлому морю и Сѣверному океану. Отецъ Ломоносова былъ человѣкъ достаточный, вслѣдствіе своей предпріимчивости; въ трудныхъ плаваніяхъ, онъ встрѣчался часто съ разными опасностями и разсказы его и бывалыхъ людей объ ужасахъ Ледовитаго океана, о страшныхъ зимахъ, проведенныхъ на островахъ Колгуевѣ, Новой Землѣ, Шпицбергенѣ, были первыми впечатлѣніями, поразившими дѣтское воображеніе Ломоносова. Мальчикомъ онъ участвовалъ въ промыслахъ отца, который бралъ его съ собою. Они ходили далеко въ Бѣлое море и даже въ Сѣверный океанъ. Первыя впечатлѣнія свои о видѣнномъ, о печальной и вмѣстѣ величавой природѣ этихъ отдаленныхъ мѣстностей, онъ сохранилъ потомъ въ зрѣломъ возрастѣ, чтобъ повѣрить ихъ наукою. Безжизненныя пространства, песчаные бугры и каменныя луды, покрытыя раковинами, часто вспоминались ему въ Германіи, гдѣ онъ учился естественнымъ наукамъ. Величественное явленіе полярныхъ странъ, сѣверное сіяніе, дающее какую-то особую жизнь безконечной ночи подъ широтою полюса, возбудившее потомъ его научныя объясненія, осталось навсегда законченнымъ образомъ

въ его поэзіи. Такія явленія родной сѣверной природы и невольно подымавшіеся въ душѣ вопросы, вызываемые ими, требовавшіе объясненія, наполняя его душу мыслію о величіи творца природы, рано возбуждали его любопытство, развивали его сознаніе, ставили его, какъ даровитаго мальчика, высоко надъ сверстниками.

Первыя впечатлѣнія Ломоносова на его далекой родинѣ имѣли глубокое нравственное вліяніе на него. Природа сѣвера, съ своими величавыми явленіями, далекія и трудныя плаванія близкихъ ему людей и его самого—должны были рано образовать душу Ломоносова и дать ему ту силу воли, которая спасла его въ жизни и выдвинула его впередъ. Въ родной семьѣ встрѣтилъ онъ однако отрицательныя условія для развитія. Она не давала ему ничего отъ себя. Подобно множеству русскихъ людей, Ломоносовъ рось посреди домашней борьбы, придающей иногда силу молодой душѣ, приготовляющей ее для жизни. «Имѣючи отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, говоритъ Ломоносовъ, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, *въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ*, и терпѣть стужу и голодъ, пока не уполъ въ Спасскія школы». (1) Такъ передаетъ Ломоносовъ тяжелое начало своего знакомства съ наукою въ началѣ жизни, обставленной враждою. Его мать, дьяконская дочь изъ сосѣдней волости, умерла. Онъ не помнитъ ее. Когда началось ученье Ломоносова грамотѣ, — положительно сказать нельзя, но началось оно не рано, тогда уже, когда Ломоносовъ познакомился съ моремъ, и началось обыкновеннымъ для русскихъ, вѣковымъ путемъ— чтеніемъ и изученіемъ богослужебныхъ книгъ. Первымъ учителемъ Ломоносова былъ грамотный крестьянинъ ихъ же волости—Иванъ Шубной, принимавшій значительное участіе въ судьбѣ Ломоносова и чуть ли не внушившій ему мысли — бѣжать въ Москву (2). Черезъ два года ученья, Ломоносовъ былъ

---

(1) Письмо къ Шувалову. Матеріалы для біографіи Ломоносова. Собраны Акад. *Билярскимъ*. Спб. 1865. стр. 210.

(2) Или Шубинъ. См. Извѣстія, собранныя академикомъ Лепехинымъ, у *Перевлъсскаго*, Избр. Соч. Лом–ва, стр. LXXXVI. Впрочемъ тотъ, кто помогалъ бѣгству Ломоносова, называется здѣсь сосѣдомъ *Ѳомою* Шубинымъ.

уже отличнымъ чтецомъ въ церкви. Первыя мысли и свѣдѣнія, первые поэтическіе образы достались ему на языкѣ церкви и были усвоены имъ въ первоначальной формѣ своей. Формы церковно-славянскаго языка, чуждыя всего обыденно-житейскаго, отрѣшенныя отъ жизни и потому какъ бы на вѣки окрѣпшія съ своимъ всеобщимъ содержаніемъ, держали складъ ума его постоянно въ возвышенной сферѣ. Христіанская поэзія каноновъ и церковныхъ гимновъ, пѣсни Давида и слова пророковъ, — заучивались Ломоносовымъ и образовали въ душѣ его выраженіе того положительнаго и твердаго религіознаго чувства, которое составляетъ какъ бы существенное свойство русской натуры, чувства, чуждаго и мечтательности и вялаго піэтизма. Вѣра Ломоносова, часто спасавшая его въ жизни, выросла подъ впечатлѣніями дѣтства. Это была крѣпкая вѣра моряка, у котораго, посреди грозящихъ отвсюду опасностей, ничего не остается, кромѣ этой вѣры. Горячая молитва и въ слѣдъ за нею увѣренность въ близкую помощь Божію, эти народныя свойства вѣры, составляли и религіозное чувство Ломоносова. «Я полагаюсь на помощь Всевышняго, говоритъ онъ, который былъ мнѣ въ жизни защитникомъ и никогда не оставилъ, когда я пролилъ предъ нимъ слезы въ своей справедливости». Сѣверъ Руси, обширныя пространства, составляющія теперешнія губерніи Олонецкую и Архангельскую, тундры по теченію Сѣверной Двины, Печоры и Мезени, съ конца XVII вѣка были полны религіознымъ движеніемъ раскола, занесеннаго сюда московскими выходцами. Оно было въ полной силѣ во время дѣтства Ломоносова. Расколъ развивался тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ жесточе были преслѣдованія, чѣмъ суровѣе развертывалась кругомъ печальная обстановка трудной жизни и бѣдной природы. Душа уходила отъ внѣшняго міра и въ глубинѣ своей искала вознагражденія за лишенія, которыя давались жизнію. Молодой Ломоносовъ, по собственному признанію, былъ окруженъ этою религіозною жизнію, близкіе люди увлекали его въ расколъ. Но фактъ этотъ остался безъ вліянія на него. Его вѣра была чужда всякаго фанатизма. Его благочестіе имѣло реальный характеръ.

За то *историческая дѣйствительность* русской жизни, новая жизнь, въ которую вступала страна съ реформою Петра, очень рано и могущественно поразила Ломоносова. Царь, добиваясь моря

и пути въ Европу, нѣсколько разъ посѣщалъ далекую родину Ломоносова въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка, окруженный всею военною помпою, кораблями, войскомъ, пушками. Онъ строилъ верьфи, закладывалъ корабли, ласкалъ моряковъ-промышленниковъ. Ломоносовъ не могъ видѣть самъ Петра, но онъ видѣлъ свѣжіе слѣды его пребыванія въ Архангельскѣ, на Двинѣ, на Соловецкомъ островѣ; онъ видѣлъ собственноручно сдѣланные царемъ громадные кресты изъ лиственницы, поставленные имъ, по обычаю прибрежныхъ жителей Бѣлаго моря на утесахъ и въ глухихъ тундрахъ, гдѣ проходилъ царь; онъ слышалъ кругомъ себя одушевленныя воспоминанія о царѣ и величавый, строгій образъ Петра, остался въ его умѣ навсегда, подобно образу миѳическаго Геркулеса въ борьбѣ съ первобытными силами природы. Въ этомъ отношеніи, Ломоносовъ раздѣлялъ убѣжденія всѣхъ сколько нибудь образованныхъ современниковъ своихъ въ царствованіе Елисаветы. Не видавъ никогда царя, онъ сердечно жалѣлъ о томъ. «Блаженны тѣ очи, говоритъ онъ, которыя божественнаго сего мужа на землѣ видѣли! Блаженны и треблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою съ нимъ и за него проливали и которыхъ онъ за вѣрную службу въ главу и въ очи цѣловалъ помазанными своими устами»! Петръ, по убѣжденію Ломоносова, уничтожилъ въ Россіи «ночь варварства»; онъ поставилъ ее «на пути яснаго познанія». Петръ неотразимо властвовалъ надъ душею Ломоносова. Онъ слился для него въ одно съ народомъ и вездѣ онъ видѣлъ царя. «Я въ полѣ межъ огнемъ, говоритъ онъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самого Океана духомъ обращаюсь; *вездѣ Петра Великаго вижу* въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что *одинъ вездѣ Петръ*, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча». Нѣтъ ни одной рѣчи Ломоносова, въ которой бы съ восторгомъ не упоминалось о Петрѣ и о томъ, что онъ сдѣлалъ для Россіи. Вся исторія Россіи возводится къ нему и всею душею Ломоносовъ сдѣлался сыномъ реформы, проводя въ жизнь ея идеи. Онъ никогда не видѣлъ черныхъ сторонъ преобразованія.

Нельзя назвать бѣдною впечатлѣніями молодую жизнь на родинѣ Ломоносова. Море, сѣверная природа, вѣра, достаточная жизнь въ средѣ народа и исполинскій образъ царя, въ которомъ олицетворялась для Ломоносова вся Россія, были могущественными стихіями его духовнаго развитія. Немногимъ на долю изъ его современниковъ выпало столько благопріятныхъ условій. Они спасли его посреди искусственной, мишурной жизни Петербурга, дали ему средства сохранить здѣсь цѣльность и оригинальность своей натуры. Сюда надобно присоединить и первое чтеніе, первыя книги, по которымъ образовался Ломоносовъ, послѣ знакомства съ церковною службою и канонами. Образованіе заходило и на пустынную родину Ломоносова. Въ домѣ односельца своего, Христофора Дудина, онъ узналъ о существованіи книгъ не церковныхъ и послѣ долгихъ усилій, добылъ ихъ себѣ (3). Изъ трехъ знаменитыхъ тогда книгъ, изучаемыхъ Ломоносовымъ «въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ»—грамматики Смотрицкаго, псалтыри, переложенной въ силлабическіе стихи С. Полоцкимъ и ариѳметики Магницкаго, двумъ послѣднимъ особенно, многимъ былъ обязанъ Ломоносовъ. Первая учила его духовной поэзіи; вторая, энциклопедія своего рода, давала ему множество разнообразныхъ свѣдѣній, интересовавшихъ его: по естественнымъ наукамъ, физикѣ, математикѣ. Не этимъ книгамъ, конечно, а внутренней силѣ души и воли, внутреннему голосу, жаждѣ знанія и образованія, томившей его, обязанъ былъ Ломоносовъ рѣшеніемъ, которое увлекло его изъ родины въ Москву и сдѣлало знаменитымъ человѣкомъ русской земли. Какъ человѣкъ, сильный волею, уже окрѣпшею въ нерадостной жизни, онъ въ этомъ рѣшеніи, конечно обязанъ былъ болѣе всего самому себѣ. Самъ онъ говоритъ только о своемъ твердомъ упованіи на

---

(3) Такъ передаетъ первый біографъ Ломоносова, епископъ Дамаскинъ Рудневъ, писавшій по разсказамъ и запискамъ Штелина, свѣдѣнія котораго потомъ только распространялись. См. Полное собраніе сочиненій Ломоносова. 3 Изд. Спб. 4°. 1803 г. Ч. 1. стр. IV. Извѣстіе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что фамилія Дудиныхъ встрѣчается и въ позднѣйшей, академической жизни Ломоносова. Такъ, безъ сомнѣнія, сынъ старика Дудина—Осипъ Христофоровъ, вѣроятно не безъ вѣдома Ломоносова, въ 1757 году, представляетъ въ Академію мамонтовую кость, вывезенную имъ изъ Пустозерска, а сынъ Осипа учится въ академической гимназіи. См. Матеріалы, стр. 349 и 372.

Бога. О постороннемъ вліяніи, о чужихъ совѣтахъ въ столь важномъ рѣшеніи, измѣнившемъ участь Ломоносова, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній и тѣмъ лучше. Личность Ломоносова оттого болѣе выигрываетъ и становится выше.

Жизнь Ломоносова не романъ съ придуманными препятствіями, а правда и, слава Богу, не рѣдкая въ странѣ нашей дѣйствительность. Многимъ приводится также пробиваться сквозь толстую кору невѣжества, семейнаго гнета, бѣдности и поруганій, но конечно слишкомъ немногимъ выпадаетъ значеніе Ломоносова. Онъ былъ уже зрѣлымъ юношей, лѣтъ 18 или 19, когда ушелъ въ Москву. Отецъ позаботился уже пріискать ему въ Колѣ невѣсту, разсчитывая на помощь взрослаго и здороваго сына въ рыболовномъ промыслѣ. Ломоносовъ бѣжалъ тайно изъ отцовскаго дома. Прежній учитель, Шубной или Шубницъ, далъ ему на дорогу китайчатое полукафтанье да три рубля денегъ (4). По дорогѣ онъ прожилъ нѣсколько времени въ Сійскомъ монастырѣ, гдѣ читалъ и пѣлъ на крылосѣ. Можетъ быть бывалые монахи этого монастыря помогли Ломоносову совѣтомъ и матеріальными средствами. Отсюда, пѣшкомъ, съ обозомъ рыбы, Ломоносовъ добрался до Москвы. Первую ночь въ незнакомомъ городѣ онъ провелъ въ рыбномъ ряду, въ саняхъ, и первое московское впечатлѣніе былъ звонъ колоколенъ, главы и кресты церквей, на которые онъ усердно молился, чувствуя свое одиночество въ шумѣ новой жизни. Онъ молился, какъ самъ говоритъ, «чтобы Богъ его призрѣлъ и помиловалъ». Случайно встрѣченный имъ, землякъ по фамиліи Пятухинъ, бывшій чымъ-то прикащикомъ, пріютилъ его къ себѣ и далъ ему уголъ между слугами того дома, гдѣ самъ служилъ. Онъ помогалъ ему и деньгами и онъ же доставилъ ему потомъ знакомство между монахами Заиконоспасскаго монастыря. Сначала Ломоносовъ добился позволенія учиться на Сухаревой башнѣ, въ первой навигаціонной школѣ, заведенной Петромъ. Школа эта, съ своимъ первоначальнымъ ученіемъ, не могла удовлетворить уже взрослаго Ломоносова. Въ Москвѣ было тогда одно высшее училище: Славяно-греко-латинская

---

(4) Свѣдѣнія эти записалъ Академикъ Лепехинъ въ 1788 году, со словъ односельца и пріятеля Ломоносова—Кочнева. См. *Перевлъсскій*, Избр. Соч. Лом-ва, стр. LXXXIV.

или Заиконоспасская академія, но бѣглому крестьянскому сыну трудно было попасть въ него. Чтобъ поступить въ это училище, Ломоносовъ, по однимъ извѣстіямъ, выдалъ себя за дворянскаго, по другимъ за поповскаго сына. Сохранилось преданіе, что знаменитый сподвижникъ Петра В., Ѳеофанъ Прокоповичъ помогъ ему, когда онъ боялся послѣдствій своего самозванства. «Не бойся ничего, говорилъ онъ Ломоносову, хотя бы со звономъ въ большой колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ, — я твой защитникъ». (5)

Московская академія, гдѣ Ломоносову пришлось знакомиться съ началами науки, сдѣлала много для его духовнаго развитія. Знакомство съ наукою происходило однако въ той неизбѣжной схоластической формѣ, которая составляла сущность тогдашняго ученія. Схоластическая рутина эта, о которой привыкли говорить съ презрѣніемъ, имѣла свои хорошія стороны. Она давала образованіе, основанное на языкахъ классическихъ, то, которое извѣстно Европѣ и такимъ образомъ невольно вводила ученика въ кругъ обще-человѣческихъ представленій. Въ академическомъ ученіи были историческія преданія и извѣстныя формы, въ которыя укладывался умъ. Человѣкъ получалъ здѣсь опредѣленный характеръ, который не дастъ образованіе, не имѣющее твердыхъ началъ. Для пылкаго, неустановившагося, неразвитаго ума Ломоносова необходима была такая строгая школа. Въ академіи онъ познакомился съ языкомъ латинскимъ, тогда общимъ языкомъ европейской науки, познакомился съ латинской литературой, имѣвшей потомъ вліяніе на складъ поэтическихъ и прозаическихъ его произведеній и самъ выучился писать латинскіе стихи. Въ академіи онъ читалъ русскія лѣтописи, подробно узналъ Св. писаніе, отцевъ церкви и въ особенности современныя теоріи риторическія, въ рамки которыхъ должна была уложиться его поэзія.

Тяжелы были для Ломоносова эти первые годы знакомства его съ наукой. «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, пишетъ онъ къ И. И. Шувалову, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ никогда кромѣ меня дѣтей не имѣя, говорилъ, что я, будучи

(5) Собр. Сочиненій, ч. I. стр. VI.

одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужія расхитятъ. Съ другой стороны *несказанная бѣдность*: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть пропитанія въ день больше, какъ за денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что зная отца моего достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребяты кричатъ и перстами указываютъ: смотрите какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться»! (6) Эта горькая нужда и тяжелая дѣйствительность образовали характеръ Ломоносова, дали ему гордость, стоическое терпѣніе и силу «бороться съ гонителями наукъ», дали ему «благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже». Онъ могъ выдержать «борьбу до гроба», не измѣнивъ себѣ и своимъ началамъ. Жизнь Ломоносова вырастаетъ передъ нами, какъ подвигъ, какъ борьба.

Посреди этихъ тяжелыхъ лишеній и упорнаго труда, требовавшаго сильной воли и физически-крѣпкой натуры, послѣ годовой, по собственному желанію, отлучки въ Кіевъ, гдѣ Ломоносовъ разсчитывалъ поучиться въ тамошней, болѣе славной, чѣмъ московская, академіи, онъ попадаетъ въ Петербургъ и съ этого времени судьба его, на долго, до самой смерти, соединяется съ судьбою Академіи Наукъ. Послѣдняя, чтобъ сколько нибудь доказать свою связь съ страною, пріютившею иностранныхъ академиковъ и дававшею имъ жалованье и чины, желала учить русскихъ людей въ соединенной съ нею гимназіи. Съ этою цѣлію она не разъ требовала отъ московской духовной академіи знающихъ по латыни студентовъ (что было необходимо, такъ какъ сами члены академіи не знали по русски), для обученія ихъ физикѣ и математикѣ. Первая подобная посылка студентовъ изъ Москвы была въ 1732 или 1733 году. Половина присланныхъ (ихъ было 12) взята бы-

---

(6) Матеріалы, стр. 204.

ла въ отправлявшуюся тогда академіей камчатскую экспедицію и изъ нихъ, по свидѣтельству Ломоносова, удался одинъ только Крашенинниковъ, извѣстный авторъ «Описанія Камчатки»; прочіе же «отъ худова присмотра всѣ испортились», а тѣ, которые оставались въ Петербургѣ, безъ призрѣнія и ученія, пошли въ подъячіе или ремесленники (7). Новая посылка, также двѣнадцати студентовъ изъ Москвы, послѣдовала въ концѣ 1735 года (8). Въ ихъ числѣ былъ и Ломоносовъ, какъ достаточно знающій латинскій языкъ. Въ Петербургъ онъ прибылъ 1 января 1736 года. Время, проведенное Ломоносовымъ въ академической гимназіи, было слишкомъ коротко; ему, уже двадцатичетырехлѣтнему молодому человѣку, нечему было въ ней учиться; притомъ и содержаніе и ученіе въ гимназіи были жалки. Шумахеръ, заправлявшій тогда академіей, видѣлъ въ ученикахъ гимназіи доходную статью. Очень понятно, что «ученики терпѣли крайнюю нужду и въ наукахъ не имѣли наставленія», что заставило ихъ потерять всякое терпѣніе и даже жаловаться Сенату на Шумахера. Ломоносовъ, бывшій въ это время уже въ Германіи, говоритъ о своихъ товарищахъ, что «многіе изъ нихъ, безъ призрѣнія и добраго смотрѣнія, будучи въ униженіи, отъ унынія и отчаянія, пустились въ подлость и тѣмъ потеряны». Не смотря на все это, Ломоносовъ обязанъ Академіи Наукъ возможностію получить средства для того, чтобъ принести дѣйствительную пользу русскому образованію. Академія отправила его за границу.

Государство нуждалось въ сильной степени въ практически знающихъ людяхъ почти на каждомъ шагу. Необходимость имѣть «опытнаго въ горномъ дѣлѣ химика» была причиною отправки за границу Ломоносова. Съ этою цѣлію баронъ Корфъ, сдѣланный въ 1734 году Анною Ивановною изъ лучшие Бирономъ, изъ лифляндскихъ камеръ-юнкеровъ президентомъ Академіи Наукъ, писалъ въ концѣ 1735 года къ Генкелю,

---

(7) Матеріалы, стр. 052.

(8) Очень можетъ быть, что Л-въ былъ выбранъ для посылки въ академію будущимъ его соперникомъ въ поэзіи и сослуживцемъ—Тредіаковскимъ. Послѣдній въ своемъ «доношеніи» Разумовскому, говоритъ между прочимъ, что онъ былъ посланъ въ Новгородъ и Москву для выбиранія студентовъ. См. *Москвит.* 1842 г. I, стр. 124.

бергъ-рату въ Фрейбергѣ, тогдашней знаменитости въ горномъ дѣлѣ, прося его рекомендовать такого человѣка. Въ распоряженіи Генкеля не нашлось опытнаго химика и онъ совѣтовалъ Корфу послать одного или двухъ русскихъ молодыхъ людей для изученія горнаго дѣла, указывая на Фрейбергъ, какъ на такое мѣсто, гдѣ удобнѣе всего изучать горныя науки, металлургію и пріобрѣсти также предварительныя свѣдѣнія. Генкель предлагалъ свои собственныя услуги (9) и писалъ, что для ученія достаточно употребить полтора года. Едва только получено было это письмо Генкеля съ совѣтомъ и предложеніемъ, какъ Корфъ, 5 марта 1736 года, уже докладывалъ въ кабинетѣ Ея Величества объ отправленіи въ Фрейбергъ для изученія металлургіи трехъ молодыхъ людей: Ульриха Христофора *Райзера*, сына горнаго совѣтника въ Москвѣ, Димитрія *Виноградова*, сына суздальскаго священника и Михаила *Ломоносова*, крестьянскаго сына Архангельской губерніи, 22 лѣтъ (10). Отправить ихъ предполагалось лѣтомъ, а время до отъѣзда, Виноградовъ и Ломоносовъ должны были посвятить изученію нѣмецкаго языка, съ которымъ вовсе не были знакомы. Каждому назначалось въ годъ содержанія по 400 рублей и такъ какъ въ Фрейбергѣ жизнь стоила дешево, то на экономію предполагалось еще окончательное путешествіе въ Голландію, Англію и Францію. Отправляемымъ обѣщано было, въ случаѣ доказанныхъ аттестатами и представленными трудами, успѣховъ въ изучаемыхъ ими наукахъ, что по возвращеніи въ отечество, ихъ сдѣлаютъ экстраординарными профессорами, съ жалованьемъ по 460 р. въ годъ. Обѣщались также и чины. Докладъ Корфа былъ одобренъ. Райзеру, горному совѣтнику, отцу отправляемаго молодаго человѣка, поручено было составить проэктъ заграничныхъ занятій и изъ перечисленія наукъ, необходимыхъ для горнаго химика, оказалось, что полтора года пребыванія въ Фрейбергѣ слишкомъ недостаточно, что необходимо еще предварительное изученіе многаго другаго. По счету же Генкеля, присланному въ письмѣ къ Корфу, выхо-

---

(9) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ въ XVIII вѣкѣ Издалъ *А. Куникъ*. Часть 1, стр. 91.

(10) Если это показаніе вѣрно, то Ломоносовъ долженъ былъ родиться въ 1714 году.

дило, что ученіе и пребываніе студентовъ въ Фрейбергѣ будетъ стоить дороже, чѣмъ предполагалось; прежняя сумма 400 р. на каждаго возростала до 520 р. Все это измѣнило первоначальный планъ и рѣшено было отправить молодыхъ людей на два года для предварительнаго приготовленія въ Марбургскій университетъ, подъ руководство Вольфа, а потомъ уже въ Фрейбергъ, Голландію, Англію и Францію,—собственно для изученія горнаго дѣла.

Выборъ Марбургскаго университета былъ очень понятенъ, потому что славу этого университета составлялъ тогда Вольфъ, а онъ давно уже находился въ очень близкихъ сношеніяхъ съ русской академіей (11). Еще въ 1715 году, самъ Петръ звалъ его въ Петербургъ. Съ 1719 года и почти по самую смерть Вольфа, шла довольно дѣятельная переписка между нимъ и академіей. Предметомъ писемъ къ нему Блументроста и Шумахера было приглашеніе его въ качествѣ вице-президента академіи. Желаніе видѣть у себя Вольфа было особенно сильно во время катастрофы, постигшей философа въ Галле въ 1723 году. Впрочемъ, денежныя условія, предлагаемыя Вольфомъ, показались въ Петербургѣ, не смотря на все уваженіе къ славѣ ученаго, неумѣренными, а когда преслѣдованія прусскаго короля и гальскихъ піэтистовъ сдѣлали Вольфа представителемъ свободнаго движенія мысли въ Германіи, когда множество слушателей стало окружать его прославленную каѳедру въ Марбургѣ, когда самъ Вольфъ съ гордымъ сознаніемъ понялъ свое нѣмецкое призваніе,—онъ уже не думалъ о Россіи. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, Вольфъ не прерывалъ дѣятельныхъ сношеній съ петербургской академіей, къ чему обязывалъ его и ежегодный пенсіонъ въ 300 талеровъ, получаемый имъ изъ Россіи, впрочемъ очень неаккуратно. Корфъ, сдѣлавшись президентомъ академіи, и желая возобновить прерванныя сношенія съ Вольфомъ, долженъ былъ выслать этотъ пенсіонъ разомъ за нѣсколько лѣтъ. Вольфъ, находясь такимъ образомъ почти на русскомъ жалованьи, очень часто рекомендовалъ изъ Германіи новыхъ членовъ въ академію,

---

(11) Briefe von Christian Wolff aus d. Jahren 1719—1753. St. Petersb. 1860. См. еще мою статью въ *Моск. Вѣд.* 1860 г. №№ 253 и 256.

а потомъ считалъ своей обязанностію сообщать ей разные любопытные и новые факты въ наукахъ. Отправка въ Марбургъ на его попеченіе Ломоносова и его товарищей была слѣдовательно совершенно естественна.

Каждому изъ отправляемыхъ дана была краткая инструкція, въ которой прежде всего требовалось приличное поведеніе, «съ тою цѣлію, говоритъ отецъ Райзера, чтобы тамошніе жители могли видѣть, что дикіе нравы давно уже вышли изъ употребленія въ Россіи» ([12]). Изъ этой инструкціи видно, что молодые люди отправлялись преимущественно для изученія химіи и металлургіи, а приготовленіемъ къ этимъ главнымъ занятіямъ должно было служить изученіе естественной исторіи и физики, а изъ математики—геометріи, тригонометріи, механики, гидравлики и гидротехники. За этимъ уже должно слѣдовать практическое изученіе горнаго дѣла, различныхъ свойствъ горныхъ породъ и рудъ, горныхъ работъ и приспособленныхъ къ нимъ машинъ и построекъ, и наконецъ занятія въ лабораторіяхъ. Сверхъ того, отправляемымъ рекомендовались упражненія въ языкахъ *русскомъ*, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, до такой степени, чтобы они могли свободно говорить и писать на нихъ, требовались также упражненія въ рисованіи. Студенты должны были давать о себѣ знать въ академію каждые полгода, представляя отчетъ о своихъ занятіяхъ и какой либо образчикъ (specimen) трудовъ. Эта инструкція, знакомящая насъ съ содержаніемъ будущихъ занятій Ломоносова, была подписана президентомъ академіи 17 Августа 1736 года.

Ломоносовъ, въ своей «краткой исторіи о поведеніи академической канцеляріи» ([13]), жалуется на медленность отправки, вслѣдствіе того, что канцелярія, получивъ изъ Статсъ-Конторы деньги, опредѣленныя на путешествіе и содержаніе за границею студентовъ, употребила ихъ на другія академическія нужды. Нѣтъ возможности повѣрить это показаніе, но изъ обнародованныхъ къ юбилею документовъ видно, что медленность происходила оттого, что первоначальный планъ путеше-

---

([12]) Сборникъ *Куника*, стр. 97.
([13]) Матеріалы, стр. 053.

ствія былъ измѣненъ, что надобно было вести переписку и съ Генкелемъ и съ Вольфомъ, и, наконецъ, Виноградовъ и Ломоносовъ должны были учиться по нѣмецки.

Снабженные рекомендательнымъ письмомъ президента къ Вольфу, студенты отправились въ Германію моремъ, 8 сентября 1736 года. Плаваніе было неудачно и сильная буря заставила корабль воротиться назадъ въ Кронштадтъ 19 сентября, откуда онъ отправился вторично чрезъ четыре дня. Почти цѣлый мѣсяцъ, въ глухую осень, провели путешественники на морѣ и только 16 октября удалось имъ высадиться въ Травемюнде (14). Въ Марбургъ явились они 3 ноября и Вольфъ тогда же взялъ на себя наблюденіе и за ихъ жизнію и за ихъ ученіемъ, о чемъ особенно просилъ его Корфъ (15). Черезъ двѣ недѣли послѣ пріѣзда, 17 ноября, всѣ трое были внесены въ университетскую книгу и принялись за занятія. Имъ приходилось, повидимому, учиться сначала, изъ чего ясно видно какъ плохо они были приготовлены для заграничнаго ученія; схоластическія же свѣдѣнія, пріобрѣтенныя Ломоносовымъ въ московской академіи, пригодились ему развѣ впослѣдствіе. Черезъ полгода пребыванія ихъ въ Марбургѣ, какъ видно изъ письма Вольфа къ барону Корфу, они успѣли только въ началахъ ариѳметики и геометріи и едва стали понимать по нѣмецки. Образцовъ или specimena ихъ занятій и успѣховъ въ наукахъ, которые требовались академіей въ Петербургѣ, послать не представлялось возможности. Изъ собственнаго рапорта студентовъ видно только, что они слушали лекціи химіи у профессоровъ Конради и Дуизинга, а съ половины слѣдующаго 1737 года занялись французскимъ языкомъ и рисованіемъ (16). Въ 1738 году Ломоносовъ сверхъ того слушалъ у Вольфа догматическую физику и логику. При объясненіи русскимъ студентамъ механики, пишетъ Вольфъ, онъ обращаетъ ихъ вниманіе не столько на теорію, сколько на практическое

---

(14) Письмо студ. Райзера къ Корфу изъ Любека, отъ 20 окт. Сборн. *Куника*, стр. 108.

(15) Тамъ же, стр. 110.

(16) Тамъ же, стр. 112.

знакомство съ машинами, полезное для главной цѣли ихъ занятій—изученія горнаго дѣла (17).

Что касается до петербургской академіи, то надобно ей отдать полную справедливость въ томъ отношеніи, что за образомъ жизни и за научными успѣхами отправленныхъ ею студентовъ, она слѣдила очень усердно. Часто требуя отъ Вольфа обращиковъ студенческихъ занятій, которые въ теченіе почти трехлѣтняго пребыванія ихъ въ Марбургѣ, очень рѣдко ей высылались, она, сверхъ того, поручила своимъ членамъ, Крафту и Амману, составить для студентовъ подробную инструкцію или программу занятій минералогіей и вообще естественными науками, на сколько онѣ касаются горнаго дѣла. Такая инструкція послана была въ Марбургъ. Въ ней указывались даже тѣ книги, которыя должны быть прочитаны. Отъ студентовъ требовалось подробное означеніе пройденнаго ими въ той или другой наукѣ, требовались даже списки купленныхъ ими книгъ.

Образъ жизни студентовъ въ Марбургѣ въ особенности вызывалъ заботы академіи. Она желала знать на что тратятся ими деньги, тѣмъ болѣе, что Вольфъ постоянно сообщалъ президенту о безпорядочной жизни студентовъ и о долгахъ ихъ, увеличившихся до того, что объемъ ихъ пугалъ умѣренную натуру нѣмецкаго ученаго. Содержаніе студентамъ высылалось на имя Вольфа, который выдавалъ его по мѣрѣ надобности и Корфъ, въ письмахъ своихъ къ студентамъ, не разъ требовалъ отъ нихъ аккуратности и подробныхъ отчетовъ въ томъ, куда идутъ деньги. Но незначительнаго содержанія, изъ котораго академія еще экономизировала для будущаго путешествія студентовъ, далеко недоставало имъ. Молодые люди принесли съ собою въ Марбургъ всѣ жалкія условія вѣковой безформенности русской жизни. Ихъ разгульнымъ привычкамъ, съ другой стороны, давали обильную пищу и старинныя условія нѣмецкой студенческой жизни. Пьянство, раз-

---

(17) Это все, что можно сказать положительнаго объ ученіи Ломоносова въ Марбургскомъ университетѣ. Предположенія, высказанныя г. *Сухомлиновымъ* въ статьѣ его «Ломоносовъ студентъ Марбургскаго университета» (Русск. Вѣсти. 1861 г. Т. XXXI, стр. 154—157), о томъ, какія и чьи лекціи въ Марбургѣ могли произвести впечатлѣніе на Ломоносова, остаются только предположеніями.

врать и буйство составляли общую характеристику университетской молодежи въ XVIII вѣкѣ, когда ни одна живая политическая идея не западала въ голову нѣмецкаго студента и весь запасъ молодыхъ силъ тратился на безсмысленные порывы физической природы. При такомъ характерѣ студенческой жизни въ Марбургѣ, гдѣ было большое стеченіе молодежи, привлеченной славою Вольфа, гдѣ, слѣдовательно обыкновеннымъ привычкамъ студенческой жизни былъ полный просторъ, развилось ростовщичество, вызывавшее нѣсколько разъ строгіе указы ландграфа гессенскаго, къ владѣніямъ котораго принадлежалъ Марбургъ (18). Очень естественно было, что русскіе студенты, непривыкшіе и на родинѣ къ нравственной сдержкѣ, а въ Германіи, тотчасъ же по пріѣздѣ, поспѣшившіе обзавестить шпагами, увлеклись окружавшею ихъ свободною студенческою жизнію и надѣлали долговъ, подрывая ими всѣ разсчеты пославшей ихъ академіи. Аккуратности въ денежномъ отношеніи, рекомендуемой Корфомъ, недоставало студентамъ и долги ихъ ставили Вольфа въ положеніе очень непріятное, а иногда даже нѣсколько комическое. Не разъ просилъ онъ помощи отъ академіи, когда видѣлъ, что долги эти возрастаютъ, а студенты требуютъ отъ него денегъ. Напрасно академія посылала съ своей стороны замѣчанія, приказы и даже формальные выговоры (19) студентамъ, напрасно сокращала ихъ издержки, прекращая занятія танцами и фехтованьемъ, пугала, что не заплатитъ за всѣ лишнія траты и подвергнетъ ихъ заслуженному наказанію,—все это оказывало очень слабую помощь. Вольфъ увѣдомлялъ академію, что студенты вообще очень неохотно признаются ему въ долгахъ, хотя послѣ выговора, присланнаго изъ Петербурга, онъ и высказывалъ надежду, что долговъ этихъ будетъ меньше. Въ дѣйствительности, однакожъ, долги возрастали съ каждымъ днемъ и Вольфъ, напуганный ихъ объемомъ, уже совѣтуетъ академіи отозвать обратно студентовъ «такъ какъ они не умѣютъ пользоваться академическою свободою и кромѣ того, выполнили все, за чѣмъ были присланы въ Марбургъ» (20). Академія, соглашаясь съ Вольфомъ, торопила

---

(18) См. статью г. Сухомлинова, стр. 158—161.
(19) Сборникъ *Кунника*, стр. 128. № 38.
(20) Тамъ же, стр. 134.

выѣздъ студентовъ въ Фрейбергъ, къ Генкелю, гдѣ они должны были закончить свое образованіе изученіемъ металлургіи и горнаго дѣла. Она передавала Вольфу, для сообщенія студентамъ, новыя свои распоряженія. Въ новомъ мѣстѣ своего ученія, въ наказаніе за прежнюю расточительность, имъ назначалось только по 150 рублей въ годъ и притомъ, деньги эти будутъ выдаваться всѣ на руки Генкелю, чтобы онъ самъ расплачивался за квартиру, пищу, дрова и другія самыя необходимыя издержки. У студентовъ отнималась всякая возможность распоряжаться своею жизнію. Предупреждая Генкеля о поведеніи студентовъ въ Марбургѣ, академія просила его взять ихъ въ руки и объявить въ городѣ, чтобъ имъ никто не вѣрилъ въ долгъ.

Не столько, повидимому, успѣхи студентовъ въ Марбургскомъ университетѣ, сколько ихъ безпорядочная жизнь и постоянное возрастаніе итога долговъ, которые приводили въ ужасъ Вольфа, было причиною общаго желанія выпроводить ихъ поскорѣе въ Фрейбергъ. Марбургъ, по свидѣтельству Вольфа, представляетъ гораздо болѣе удобства для расточительности; дальнѣйшее пребываніе въ этомъ городѣ и опасно для студентовъ, и убыточно для академіи. Вольфъ въ сообщеніяхъ своихъ въ Петербургъ считалъ общее количество долговъ, весьма аккуратно раскладывая ихъ на каждаго студента. Въ началѣ мая 1739 года, по его вѣрному счету, долговъ этихъ было 1619 тал., 29 крейц., а въ іюлѣ счетъ доходилъ уже до 1936 т. 49 кр., 3 гелл. (21) Вольфъ называетъ долги эти *лабиринтомъ* и недоумѣваетъ, какъ выберутся изъ него студенты. Причиною долговъ, по словамъ его, студенты выставляютъ свою неопытность и необдуманность. Онъ не понималъ, какимъ образомъ могли явиться эти долги и дѣйствительная причина ихъ только послѣ ихъ отъѣзда, стала ему ясною. «Они слишкомъ предавались сладострастію, пишетъ онъ, и связались съ разными женщинами. При нихъ всякій боялся говорить о томъ, потому что *они всѣхъ держали въ страхѣ*». Понятно, что отъѣздъ студентовъ изъ Марбурга, долженъ былъ очень обрадо-

---

(21) Тамъ же, стр. 154.

вать Вольфа (22). Отъѣздъ этотъ послѣдовалъ $^{9}/_{20}$ іюля 1739 года. Каждому изъ студентовъ, по распоряженію академіи, выдано было только 20 тал. на дорогу и деньги эти вручены имъ были Вольфомъ не прежде, какъ всѣ они, въ дорожномъ экипажѣ, заѣхали проститься къ нему. Ломоносовъ, отъ слезъ и отъ горя, подъ вліяніемъ упрековъ и наставленій Вольфа, не могъ, по словамъ его, даже говорить во время этого прощанія. Ломоносовъ любилъ и уважалъ своего наставника.

Чѣмъ онъ былъ обязанъ въ научномъ отношеніи Вольфу, какія идеи изъ преподаванія Вольфа запали въ его воспріимчивый и пылкій умъ,—на это могутъ служить отвѣтами только послѣдующіе ученые труды Ломоносова и общій взглядъ его на природу и ея изученіе, взглядъ, во многомъ напоминающій систему Вольфа. Ломоносовъ уважалъ Вольфа, какъ человѣка и какъ знаменитаго ученаго. Онъ называетъ его своимъ «учителемъ и благодѣтелемъ» (23). Онъ переводитъ впослѣдствіе его экспериментальную физику и даже переписывается съ нимъ (24). Но особенно значеніе Вольфа въ Марбургскомъ университетѣ и вообще въ Германіи, слава и уваженіе, которыми онъ былъ окруженъ, почести и матеріальное благосостояніе, доставшіяся ему послѣ вступленія на прусскій престолъ Фридриха II, все это значеніе ученаго въ родной его странѣ, немыслимое въ средѣ, окружавшей Ломоносова, — сдѣлались его идеаломъ. Ломоносовъ, добиваясь власти въ академіи и уваженія между покровительствовавшими ему меценатами, не разъ ставилъ въ примѣръ своего учителя, его баронство, его пятсотъ тысячъ, нажитыя лекціями и подарками государей, его чинъ тайнаго совѣтника.

Вольфъ, этотъ даровитый и популярный ученикъ Лейбница, образовалъ, какъ извѣстно, въ Германіи обширную школу послѣдователей и его философія, отличавшаяся формализмомъ и строгою логическою послѣдовательностію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общедоступностію, господствовала довольно долго въ

---

(22) Ich bin durch ihre Abreise vieler Sorgen befreyet, пишетъ онъ. Тамъ же, стр. 155.

(23) Матер., стр. 055.

(24) Сохранился отрывокъ письма Вольфа къ Л-ву (1753). См. Собраніе сочиненій Ломоносова. СПБ. 1803 (въ тип. Шнора), 8°, Ч. 1, стр. XIV.

Германіи, до тѣхъ поръ пока не нанесъ ей смертельныхъ ударовъ Кантъ своею критикою. Не представляя изъ себя самобытнаго мыслителя, Вольфъ оказалъ однакожъ много услугъ вообще нѣмецкому образованію. Онъ сдѣлалъ науку общедоступною, не смотря на ея сухую форму у него. Въ его понятные и точные параграфы укладывались слишкомъ геніальныя мысли Декарта, Спинозы, Лейбница, теряя отчасти свое достоинство, но за то дѣлаясь удобными для усвоенія. Кромѣ того Вольфъ, вмѣсто латинскаго, сталъ преподавать на родномъ нѣмецкомъ языкѣ, а это было новостью въ то время. Говорить однакожъ о прямомъ и непосредственномъ вліяніи идей Вольфа на Ломоносова, видѣть въ первомъ нашемъ ученомъ Вольфіанца,—не представляется возможности. Ломоносовъ явился въ Марбургъ для изученія наукъ эмпирическихъ. Его занятія, его жизнь, его натура наконецъ, устраняли возможность вліянія на него философскихъ идей Вольфа, подчиненія имъ. При томъ онъ былъ слишкомъ мало приготовленъ. Все высказанное въ этомъ отношеніи не имѣетъ фактическихъ основаній (25). Но безспорно, для страстной натуры Ломоносова, добивавшейся всякаго знанія, требовавшей отъ науки, какъ это всегда бываетъ съ натурами геніальными, разрѣшенія самыхъ спорныхъ и затруднительныхъ вопросовъ, три года, проведенные въ строгой и сухой школѣ Вольфовой логики, въ которой разработывалось все достояніе современной мысли, были въ высшей степени полезны. Здѣсь, согласно господствовавшему направленію науки о природѣ въ XVIII вѣкѣ, онъ могъ получить общій взглядъ на вселенную, по которому она представляется не случайнымъ соединеніемъ разнообразныхъ силъ, а общей гармоніей, сводится къ одной идеѣ, все направляющей. Здѣсь, въ школѣ Вольфа и въ томъ служебномъ значеніи для общества, какое давалъ наукѣ Вольфъ, могли окрѣпнуть идеи Ломоносова о необходимомъ практическомъ примѣненіи науки къ жизни, ея жизненныхъ свойствахъ, вызываемыхъ впрочемъ съ другой стороны и самыми потребностями окружавшаго его русскаго общества. Просвѣтительное значеніе науки и ея борьба съ предразсудками

---

(25) См. напр. въ упомянутой уже статьѣ г. *Сухомлинова*, стр. 141—152.

могли яснѣе возникнуть въ умѣ Ломоносова подъ вліяніемъ уроковъ его учителя, принадлежавшаго къ тоій фалангѣ людей, которые во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы вели въ XVIII вѣкѣ ожесточенную и сильную вліяніемъ борьбу съ предразсудками и остатками средневѣковаго развитія. Здѣсь, наконецъ, въ школѣ Вольфа, Ломоносовъ могъ познакомиться съ распространеннымъ тогда въ наукѣ оптимизмомъ Лейбница, по которому всякое явленіе природы имѣетъ опредѣленную цѣль, служащую общей великой цѣли, по которому природа есть откровеніе величія божественнаго. Германіи и ея наукѣ, въ томъ видѣ какъ онъ узналъ ее въ Марбургѣ, Ломоносовъ обязанъ былъ всѣмъ запасомъ научныхъ свѣдѣній, которыя потомъ излагалъ въ Академіи Наукъ, въ своихъ рѣчахъ, урокахъ и книгахъ.

Что касается Вольфа и его отношеній къ русскимъ студентамъ и Ломоносову, то изъ переписки его трудно вывести какое либо заключеніе объ умственномъ развитіи Ломоносова въ Марбургѣ. Вольфъ слѣдилъ больше за жизнію студентовъ, а о ходѣ ученія сообщалъ только поверхностныя и чисто внѣшнія свѣдѣнія. Онъ былъ занятъ преимущественно долгами и нравственностію студентовъ. Изъ коротенькихъ аттестатовъ его и профессора химіи Дунзинга, выданныхъ по просьбѣ Ломоносова, передъ самымъ отъѣздомъ его въ Фрейбергъ и написанныхъ условною профессорскою латынью (26), нельзя составить никакого понятія о занятіяхъ и объ успѣхахъ Ломоносова въ теченіе трехъ лѣтъ его марбургскоій жизни. Но изъ писемъ Вольфа въ петербургскую академію видно, однакожъ, что и въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, между тремя присланными къ нему изъ Россіи *субъектами*, онъ отдаетъ предпочтеніе Ломоносову, котораго называетъ болѣе свѣтлою головою, чѣмъ прочіе (27), видитъ въ немъ большія способности, которымъ недостаетъ только достаточнаго прилежанія и старанія. Онъ свидѣтельствуетъ и объ его успѣхахъ въ ученіи и о томъ, что онъ «привыкаетъ къ болѣе кроткимъ нравамъ», что видно и изъ его раскаянія, въ ис-

---

(26) Сборникъ *Куника*, стр. 153.

(27) Тамъ же, стр. 126: «Herr Lomanossoff scheinet den aufgewecktesten Kopf unter ihnen zu haben».

кренности котораго Вольфъ не сомнѣвается. Вообще Вольфъ обращаетъ болѣе вниманія на Ломоносова, съ которымъ ему, по словамъ его, чаще приходилось говорить.

Безъ сомнѣнія Ломоносовъ въ Марбургѣ работалъ много надъ тѣми науками и свѣдѣніями, для изученія которыхъ былъ посланъ. Работы его засвидѣтельствованы, наконецъ, и латинскимъ разсужденіемъ по физикѣ, посланнымъ въ Петербургъ въ концѣ 1738 года. Изъ списка купленныхъ имъ книгъ, представленнаго въ академію, видно что главныя пріобрѣтенія сдѣланы по отдѣлу химіи (28), кромѣ разумѣется сочиненій Вольфа, которыя были и многотомны и обнимали всѣ части философіи. Но рядомъ съ химіей шла и поэзія. И жизнь Ломоносова съ ея необыкновенною обстановкою, и волновавшая душу его жажда знанія, и самый складъ его молодаго, пытливаго ума,—все казалось настроивало его къ поэзіи. Къ сожалѣнію время и его условія мало благопріятствовали поэзіи; она не могла въ XVIII вѣкѣ развиться до свободнаго выраженія человѣческаго духа и должна была замкнуться въ тяжелыя рамки современныхъ реторическихъ теорій, въ которыхъ исчезалъ личный характеръ поэта. Въ поэзіи господствовало подражаніе древнимъ и тотъ ложно-классическій, напыщенный и вмѣстѣ съ тѣмъ раболѣпный восторгъ, которымъ полны были современныя оды, бывшія для поэтовъ средствами къ жизни и орудіемъ лести. Такой характеръ поэзіи представлялся тогда всюду. Даже въ Марбургскомъ университетѣ, со стороны гессенъ-кассельскаго правительства, назначена была премія въ двѣнадцать талеровъ за оды и панегирики «высоко-поставленнымъ особамъ» (29). Не мудрено было Ломоносову послѣдовать господствовавшему вкусу. Между его книгами въ Марбургѣ, встрѣчаются и современная піитика Гюбнера и стихотворенія нѣмецкаго поэта Гюнтера, имѣвшаго на него признанное вліяніе и наконецъ классическіе образцы: Овидій, Виргилій, Цицеронъ, Сенека, Плиній и даже двѣ такія противоположныя, хотя и равно извѣстныя книги современности, какъ «Приключенія Телемака» и «Путешествія Гулливера». Автору первой изъ этихъ книгъ, Фенелону, знаменитому воспитателю

---

(28) Тамъ же, стр. 130—132.

(29) Статья г. *Сухомлинова*, стр. 157.

герцога бургундскаго въ царствованіе Людовика XIV, Ломоносовъ былъ обязанъ своимъ первымъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Переводъ его оды «на уединеніе», сдѣланный Ломоносовымъ четырехстопными хореями, былъ посланъ имъ въ академію 15 октября 1738 года изъ Марбурга, вмѣстѣ съ латинскимъ разсужденіемъ по физикѣ, какъ образецъ знакомства съ языкомъ французскимъ и упражненія въ русскомъ, согласно инструкціи (30). Ода эта, съ своими тяжелыми оборотами и необработаннымъ языкомъ, хотя въ правописаніи и сохраняющимъ живой народный выговоръ словъ, имѣетъ только историческое значеніе. Она нисколько не лучше современныхъ виршей Тредіаковскаго, но любопытна въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ далеко шагнулъ въ поэзіи Ломоносовъ черезъ годъ. Ломоносову суждено было сдѣлаться извѣстнымъ своимъ соотечественникамъ одами.

Въ горномъ саксонскомъ городѣ Фрейбергѣ, куда, по назначенію русскіе студенты прибыли изъ Марбурга черезъ пять дней, 28 іюля 1739 года, безъ гроша въ карманѣ, Ломоносова окружили иные люди и новая обстановка. Вмѣсто уважаемаго и славнаго учителя, судьба соединяетъ его теперь съ мелкою, грубою и вообще очень мало симпатичною личностію саксонскаго берг-физика Генкеля, у котораго студенты, согласно заключенному съ нимъ академіей условію, должны были за 1000 рублей два года учиться металлургіи, находясь въ полной отъ него зависимости. Корфъ предупреждалъ Генкеля, что молодые люди очень различныхъ качествъ и по способностямъ, и по прилежанію, но въ расточительности не уступятъ другъ другу. Ихъ ожидала трудная жизнь въ Фрейбергѣ, который, не представлялъ съ другой стороны той болѣе широкой умственной и научной атмосферы, какую всегда можно найти во всякомъ небольшомъ университетскомъ городѣ Германіи. Матеріальныя средства для жизни были чрезвычайно скудны. Вмѣсто получаемыхъ прежде 300 р. въ годъ, Ломоносовъ и его товарищи должны были довольствоваться половиною и академія, напуганная ихъ расто-

---

(30) См. статью г. *Куника*: «Нѣсколько словъ о Фенелонѣ и его одѣ 1661 года, переведенной Ломоносовымъ». *Уч. Зап.* Академіи Наукъ по I и III. отд. т. III. стр. 256—264.—*Галахова*, Истор. Христ., Т. I, стр. 173 и 215—216.

чительностію и долгами въ Марбургѣ, въ своихъ письмахъ къ Генкелю и въ приказаніяхъ къ студентамъ, старалась еще ограничить ихъ ежедневныя издержки, требовала напр. самаго дешеваго стола и не позволяла имѣть новаго платья (31). О прежнемъ широкомъ кредитѣ нечего было и думать. Генкеля просили давать въ полное распоряженіе студентовъ, на ихъ мелочные расходы, только по талеру въ мѣсяцъ. Эта бѣдная жизнь и полная зависимость отъ Генкеля, думавшаго болѣе о своихъ барышахъ, чѣмъ объ урокахъ студентамъ, были источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ непріятностей Ломоносова въ Фрейбергѣ и его бѣгства изъ этого города.

Но въ началѣ его пребыванія въ Фрейбергѣ, отношенія къ Генкелю были самыя мирныя. Тотчасъ по пріѣздѣ студентовъ, Генкель началъ съ ними свои operationes и lectiones metallurgicas. Онъ былъ очень доволенъ студентами, называя ихъ liebes Jugend (32) и отзываясь о нихъ съ самой лучшей стороны. Онъ вѣритъ въ искренность ихъ раскаянія въ безпорядочной марбургской жизни, онъ не сомнѣвается ни въ способностяхъ, ни въ прилежаніи студентовъ, ни въ уваженіи ихъ къ нему, какъ къ наставнику. Генкель такъ хорошо настроенъ, такъ расположенъ къ студентамъ, что является даже ходатаемъ за нихъ передъ академіей. Онъ почти укоряетъ послѣднюю въ жестокомъ обращеніи съ студентами, пишетъ, что назначеннаго имъ содержанія весьма недостаточно, пишетъ, что имъ необходимо новое платье и указываетъ на другіе неизбѣжные расходы, которые прежде не предвидѣлись, какъ напр. преподаваніе его товарища по службѣ Керна, учившаго студентовъ рисованію машинъ и разныхъ зданій, приспособленныхъ къ горному дѣлу. Генкель просилъ академію назначить Керну 100 рейхсъ-талеровъ въ годъ, а студентамъ прибавить по 50 на каждаго.

Свидѣтелемъ этихъ первыхъ мирныхъ отношеній Генкеля къ студентамъ и успѣховъ ихъ въ занятіяхъ горными науками въ Фрейбергѣ былъ членъ Академіи Наукъ Юнкеръ, прикомандированный ею къ фельдмаршалу Миниху «для веде-

---

(31) Сборникъ *Куника*, стр. 158.
(32) Тамъ же, стр. 162.

нія журнала». Минихъ, командуя русской арміей противъ Турціи и имѣя въ своемъ распоряженіи весь югъ Россіи, употребилъ Юнкера въ дѣло для устройства соляной части украинскихъ городовъ Бахмута и Тора и съ этою цѣлію послалъ его въ Германію для изученія соляного дѣла. Въ Фрейбергѣ Юнкеръ встрѣтился съ Ломоносовымъ и нашелъ въ немъ помощника. Послѣдній, припоминая свои юношескія поѣздки съ отцемъ къ бѣломорскимъ соловарнямъ для закупки соли, по порученію Юнкера, переводилъ для него съ нѣмецкаго рапорты въ академію и разные экстракты о соляномъ дѣлѣ (33). Юнкеръ счелъ своею обязанностію писать къ барону Корфу о своей встрѣчѣ съ русскими студентами (34). Въ этомъ письмѣ онъ хвалитъ и поведеніе и успѣхи студентовъ. Принимая участіе въ ихъ занятіяхъ, онъ высказываетъ свои предположенія о тѣхъ спеціальныхъ занятіяхъ въ области горнаго дѣла, которыя согласны были бы съ способностями самихъ студентовъ. По его наблюденію, Ломоносову слѣдовало бы въ особенности заняться изученіемъ рудокопнаго дѣла и машинъ. Вообще, кажется, Юнкеръ близко сошелся съ Ломоносовымъ и чаще видѣлся съ нимъ, чѣмъ съ прочими. Есть даже большое основаніе думать, что Юнкеръ, составитель походнаго журнала Миниха и безъ всякаго сомнѣнія поклонникъ военныхъ подвиговъ фельдмаршала, кромѣ того самъ поэтъ, развившійся подъ вліяніемъ единственнаго замѣчательнаго нѣмецкаго поэта того времени — Гюнтера, составитель придворныхъ и похвальныхъ одъ въ Петербургѣ, которыя доставляли ему протекцію сильныхъ людей и переводчикъ извѣстной оды Тредіаковскаго «На взятіе Данцига» (35), находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ Ломоносову въ Фрейбергѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ,—далъ первый поводъ къ сочиненію оды «на взятіе Хотина» и безъ всякаго сомнѣнія онъ же и отвезъ эту оду въ Петербургъ (36).

Знаменитая ода эта, которою началась русская поэзія и въ которой заговорила она языкомъ и звуками, до тѣхъ поръ

---

(33) Матеріалы, стр. 5.
(34) Сборникъ *Кутика*, стр. 163—164.
(35) См. о немъ въ Сборникѣ *Кутика*, стр. XXVI—XXVII.
(36) Тамъ же, стр. XXXVIII.

неслыханными, обязана, какъ извѣстно, своимъ происхожденіемъ побѣдѣ Миниха при Ставучанахъ (18 Августа 1739 года) и вслѣдъ за нею взятію Хотина. Ломоносовъ, отправляя свое поэтическое произведеніе въ Петербургъ, въ то отдѣленіе Академіи Наукъ, которое образовалось въ ней въ началѣ 1735 года, подъ именемъ «Россійскаго Собранія» и гдѣ самымъ усердным членомъ былъ Тредіаковскій, писалъ, что ода эта «ни что иное есть, какъ только превеликія опыя радости плодъ, которую Непобѣдимѣйшія Нашея Монархини преславная надъ непріятелями побѣда, въ вѣрномъ моемъ сердцѣ возбудила», а въ концѣ оды онъ говоритъ о ней, что его «некрасной стихъ» есть «знакъ подданства». Мы и не можемъ ожидать отъ Ломоносова глубокаго патріотическаго чувства, какъ вдохновенія. Между этимъ чувствомъ и громкими, совершенно внѣшними одами, вызываемыми громомъ современныхъ викторій и всею ослѣпительною внѣшностію XVIII вѣка, — не было ничего общаго. Ломоносову уже извѣстно было, изъ примѣровъ Юнкера и Тредіаковскаго, что оффиціальные стихи похвальныхъ одъ ведутъ въ Петербургѣ къ почестямъ и наградамъ поэтовъ; съ другой стороны, академія требовала отъ него образцовъ занятій и упражненія въ русскомъ языкѣ; притомъ, посылая оду, въ приложенномъ къ ней письмѣ, онъ заговорилъ о правилахъ русской версификаціи и такимъ образомъ придалъ своему произведенію характеръ научный, на что академія должна была обратить вниманіе. Онъ просилъ у академиковъ мнѣнія на счетъ пововведенія, сдѣланнаго имъ въ русскомъ стихосложеніи. «Я не могу довольно о томъ нарадоваться, пишетъ онъ, что Россійскій нашъ языкъ не только бодростію и героическимъ звономъ Греческому, Латинскому и Нѣмецкому не уступаетъ; но и подобную онымъ, а себѣ купно природную и свойственную Версификацію имѣть можетъ» (37). «Россійское Собраніе» впрочемъ не удостоило фрейбергскаго студента своимъ отвѣтомъ; только одинъ Тредіаковскій, видѣвшій въ письмѣ Ломоносова, не безъ основанія, полемику противъ его «Способа къ сложенію Россійскихъ стіховъ», изданнаго въ 1735 году, написалъ ему отвѣтъ въ Фрей-

---

(37) Сочиненія, изд. Смирдина, Т. I, стр. 542.

бергъ отъ 11 февраля 1740 года «для защищенія правилъ» своихъ, но письмо это академіей не было отправлено, чтобъ «на платежъ за почту денегъ напрасно не терять», такъ какъ оно было наполнено исключительно полемикой Тредіаковскаго, а о немъ уже и тогда академія составила опредѣленное представленіе (38). Съ этихъ поръ начинается постоянный антагонизмъ между нимъ и Ломоносовымъ.

Самая ода Ломоносова не произвела въ Петербургѣ никакого дѣйствія. Академики-нѣмцы естественно не могли обратить на нее вниманіе, а Тредіаковскій тѣмъ болѣе долженъ былъ помѣшать ея распространенію, что видѣлъ въ ней наглядное доказательство ложности своихъ теорій, а въ Ломоносовѣ—опаснаго соперника. Безъ всякаго сомнѣнія она осталась въ архивѣ академическомъ и была пришита къ дѣлу объ отправкѣ трехъ студентовъ за границу. Академія не могла же печатать ихъ ученическіе specimina, а понять историческое значеніе оды было некому. Разсказы о печатаніи оды, о торжественномъ поднесеніи ея императрицѣ, о восторгѣ придворныхъ особъ, пораженныхъ неслыханными звуками, разсказы, основанные на старческихъ воспоминаніяхъ академика Штелина, — принадлежатъ къ области чистаго вымысла (39), хотя источникъ ихъ имѣетъ похвальныя свойства. Они выросли въ головѣ тѣхъ, которые желали найти связь первыхъ звуковъ русской поэзіи съ міромъ чуждымъ, даже враждебнымъ ей. А между тѣмъ сколько громкихъ фразъ внушилъ этотъ вымыслъ прежнимъ біографамъ Ломоносова. Ода напечатана была въ первый разъ только въ 1751 году.

Содержаніе первой оды Ломоносова, имѣвшей такое сильное вліяніе на всю нашу лирическую поэзію въ XVIII вѣкѣ, есть придуманный восторгъ, который обыкновенно сочиняли себѣ поэты того времени. Трудно было ожидать отъ Ломоносова, какъ и отъ всякаго другаго русскаго современнаго поэта, неподдѣльнаго восторга и дѣйствительнаго вдохновенія, при извѣстіи о побѣдѣ русскаго войска. Стоитъ только вспомнить, что значила война того времени, почти всегда чуждая интересамъ па-

---

(38) Сборникъ *Куника*, стр. XXXIX—XLI.

(39) Тамъ же, стр. XXIX—XXXI.

рода, ведепная или по прихоти или по таинственнымъ, никому неизвѣстнымъ разсчетамъ дипломаціи, война, въ которой притомъ вовсе не щадилась жизнь человѣческая. Прочитавъ случайно въ нѣмецкой газетѣ о побѣдѣ Миниха, Ломоносовъ вспомнилъ о тогдашнихъ условіяхъ поэзіи и засѣлъ за торжественную оду, разсчитывая выиграть ею расположеніе академіи, а можетъ быть и нѣсколько выше. «Росская побѣда» выставляется въ рамкѣ забытаго греческаго нѣснопѣнія и представленія античной фантазіи, когда-то живыя и свѣжія, а теперь отъ долгаго употребленія у новыхъ народовъ Европы, съ эпохи Возрожденія, совершенно опошленныя, тяжелымъ аппаратомъ вошли въ языкъ русской поэзіи. Съ легкой руки Ломоносова онѣ усвоились нашими поэтами, вводившими къ намъ образцы ложно-классической литературы. Если есть сколько нибудь жизни въ этой одѣ Ломоносова, то слѣдовъ ея надобно искать развѣ въ явленіи Петра В. «съ горящимъ лицомъ» и съ «мечемъ, умытымъ кровію», этого идеала Ломоносова, передъ русскимъ войскомъ. Все остальное въ одѣ, и описаніе сраженія, и угрозы Портѣ, и блаженство Россіи:

Россія, какъ прекрасный кринъ
Цвѣтетъ подъ АННИНОЙ державой.
Въ Китайскихъ чтутъ ее стѣнахъ,
И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ Россовъ славой—

выраженія сочиненнаго восторга и раболѣпной лести, составлявшихъ общій характеръ поэзіи XVIII вѣка. Этотъ вѣкъ, полный въ наукѣ и вообще въ прозѣ идеями великой просвѣтительной борьбы, въ поэзіи не ушелъ далеко.

Очень много говорятъ со временъ академика Штелина, первоначальнаго собирателя біографическихъ свѣдѣній о Ломоносовѣ, да и теперь еще упоминаютъ о вліяніи на его первое поэтическое произведеніе нѣмецкаго поэта Гюнтера (1695—1723), но вліяніе это должно ограничиться очень немногимъ. Молодой германскій поэтъ, проведшій очень бурно свою короткую жизнь, былъ любимымъ поэтомъ современнаго студенчества, отразившагося въ его полныхъ правды и поэзіи стихахъ. Безъ сомнѣнія Ломоносовъ изучалъ и любилъ его. Но Гюнтеръ былъ очень развитою личностію и въ нѣмецкой поэзіи начала XVIII вѣка, онъ первый заговорилъ о глубокомъ лич-

номъ чувствѣ, умѣя выражать его съ особенною силою (40) Искренность этого чувства замѣчательна для того времени и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ несравненно выше Ломоносова. Послѣдній былъ созданіемъ другой общественной среды, которая и не давала простора личному чувству, и не цѣнила его. Если о Ломоносовѣ судить только по стихамъ его, то онъ представится намъ холодною, оффиціальною натурою, съ значительною примѣсью бюрократическихъ свойствъ. Напрасно искать въ стихахъ его чувства, какъ выраженія личности. Источникомъ одъ и вообще его стихотворныхъ произведеній были внѣшнія побужденія. Онѣ походили на лекціи, панегирики, разсужденія въ конференціи академіи; онѣ не имѣли связи съ душой поэта. Правда, то былъ вѣкъ похвальныхъ одъ и Гюнтеру онѣ доставляли средства къ жизни, иначе ему пришлось бы умереть съ голоду; но сквозь вынужденную обстоятельствами лесть знатнымъ, въ немъ замѣтно дѣйствительное сатирическое чувство, готовое осмѣять то, передъ чѣмъ онъ только что склонялся съ такимъ подобострастіемъ. Ничего подобнаго мы не найдемъ у Ломоносова и все отношеніе къ нему нѣмецкаго поэта состоитъ только въ томъ, что Ломоносовъ находился отчасти подъ вліяніемъ большой оды Гюнтера, написанной въ прославленіе Принца Евгенія послѣ мира, заключеннаго въ Пассаровицѣ въ 1718 году между Австріей и Турціей. Но и здѣсь, исполненныя замѣчательнаго реализма картины сраженій, стоятъ гораздо выше блѣдныхъ очерковъ русскаго поэта, гдѣ правда смѣняется миѳологіей и риторикой. Образцовъ Ломоносова надобно искать въ одахъ Буало. Этотъ холодный и напыщенный поэтъ Людовика XIV ближе всего подходилъ къ лирическому таланту Ломоносова.

Занятія металлургіей и поэзіей въ Фрейбергѣ были прерваны непріятными отношеніями къ Генкелю; вскорѣ напряженность между учителемъ и ученикомъ дошла до такой степени, что Ломоносовъ былъ принужденъ самовольно оставить Фрейбергъ и искать средствъ для возвращенія на родину. Су-

---

(40) См. *Julian Schmidt*, Gesch. d. geist. Lebens in Deutschland von Leibnitz bis auf Lessing's Tod. 1-er B. Leipz. 1862. S. 424—434 и *Gervinus*, Gesch. d. deutschen Dichtung, vierte Ausg. Leipz. 1853. 3-er B. S. 493—500.

ществешною причиною непріятностей были денежныя отношенія и неаккуратная высылка академіей платы, назначенной Генкелю за ученіе студентовъ, въ чемъ, по словамъ Ломоносова, былъ виноватъ всемогущій тогда въ академической канцеляріи Шумахеръ: «Почему Генкель присылаемыя студентамъ на содержаніе деньги сталъ удерживать за собою, чево они не могли больше вытерпѣть и стали просить своего пропитанія, требуя справедливости. Но онъ съ великою запальчивостію въ деньгахъ отказалъ, а ихъ воинъ отъ себя выслалъ» (41). Между Ломоносовымъ и Генкелемъ начались самыя непріятныя сцены, не дѣлающія чести обоимъ, слѣдствіемъ которыхъ были взаимныя обвиненія передъ петербургской академіей. Генкель, въ длинной *реляціи* своей въ академію отъ 20 іюня 1740 года (42), отзываясь впрочемъ съ очень хорошей стороны о талантахъ и умѣ Ломоносова, не хвалитъ его нравственность и говоритъ, что онъ преданъ вину. Его раскаяніе, по словамъ Генкеля, есть только притворство, а въ просьбахъ о прощеніи, когда онъ являлся къ нему съ повинной головой, Генкель видитъ только преднамѣренную злость (vorsetzliche Bossheit). Онъ самъ сознается, что Ломоносовъ потерялъ къ нему всякое уваженіе. Столкновеніе произошло въ лабораторіи Генкеля. Ломоносовъ отказался отъ предложенной ему работы и съ гнѣвомъ ушелъ въ свою комнату, которая была рядомъ съ кабинетомъ Генкеля, такъ что послѣдній слышалъ его бѣшеные удары въ стѣну и грубыя ругательства. Въ своей жалобѣ академіи, Генкель сообщаетъ, что Ломоносовъ, въ пьяномъ видѣ, бродитъ по Фрейбергу, громко ругая его, даже возстановляя противъ него друзей, оскорбляя на улицѣ его семейство, заводя драки въ трактирѣ и въ собственномъ жилищѣ и, что вѣроятно въ особенности оскорбляло Генкеля, раздирая въ клочки его сочиненія; онъ сообщаетъ даже то обстоятельство, что Ломоносовъ велъ *подозрительную переписку* съ какою-то женщиною въ Марбургѣ. Послѣ всего этого, въ такихъ непріятныхъ отношеніяхъ къ Генкелю, Ломоносову разумѣется нельзя было оставаться въ Фрейбергѣ и онъ отправился въ Лейпцигъ искать защиты и помощи у русскаго посланника при саксонскомъ

---

(41) Матеріалы, стр. 055.

(42) Сборникъ *Кунника*, стр. 170—173.

дворѣ графа Кайзерлинга. Изъ Лейпцига онъ писалъ Райзеру, прося сдать его квартиру и когда комнату его отперли, то Генкель нашелъ, что Ломоносовъ унесъ съ собою его пробирныя вѣски съ привѣсомъ, оцѣненныя имъ въ 10 талеровъ. Сообщая обо всемъ этомъ въ академію, не скрывая, по видимому, ни одного дурнаго поступка Ломоносова, Генкель не преминулъ однакожъ увѣдомить ее, что курсъ металлургіи былъ весь, за исключеніемъ двухъ-трехъ опытовъ, пройденъ еще до отъѣзда Ломоносова, вѣроятно для того, чтобъ академія не лишила его платы за возмутившагося ученика. Получивъ извѣщеніе такого рода, академія тотчасъ же поспѣшила написать Кайзерлингу просьбу о немедленной высылкѣ Ломоносова въ Россію.

Ломоносовъ выѣхалъ изъ Фрейберга въ половинѣ мая 1740 года; 6 іюня была его свадьба въ Марбургѣ, который онъ оставилъ тотчасъ же послѣ свадьбы и не имѣя средствъ для жизни, отправился искать возможности возвратиться на родину. Въ концѣ октября того же года, послѣ попытки вернуться въ Россію, онъ былъ опять въ Марбургѣ, откуда написалъ большое и замѣчательное письмо къ Шумахеру (43), въ которомъ съ своей стороны объясняетъ всѣ свои поступки, съ ихъ побудительными причинами, свои отношенія къ Генкелю и бѣгство изъ Фрейберга, Письмо это отличается самостоятельностію и искренностію.

Ломоносову необходимо было оправдаться передъ петербургской академіей; онъ зналъ, что «преслѣдователь его» Генкель, выставилъ его передъ нею въ очень невыгодномъ свѣтѣ. Съ этою цѣлію, вскорѣ послѣ выѣзда изъ Фрейберга, онъ послалъ 21 мая жалобу на Генкеля къ Шумахеру, но письмо это, какъ ему уже извѣстно, не дошло по назначенію (44). «Если бы Вы, пишетъ онъ къ Шумахеру, узнали о зависти, преслѣдованіи и презрительномъ обращеніи со мною г. бергъ-рата Генкеля, о несчастіи и нуждѣ моей, какъ слѣдствіяхъ такихъ отношеній, то конечно Вы считали бы меня достойнымъ болѣе сожалѣнія, чѣмъ наказанія». Чистосердечно сознается онъ

---

(43) Отъ $^{5}/_{16}$ ноября, 1740. См. тамъ же, стр. 179—183.
(44) Ср. тамъ же, стр. VII.

въ проступкахъ своей марбургской жизни, но оправдываетъ ихъ обстоятельствами, дурнымъ обществомъ, въ которое попалъ случайно и задержкою назначенной ему стипендіи. Онъ проситъ Шумахера, какъ судью, выслушать спокойно его донесеніе и жалобу.

Передавая подробно свои отношенія къ Генкелю, Ломоносовъ говоритъ, что съ самаго начала его фрейбергской жизни онъ уважалъ и слушался Генкеля, въ чемъ, какъ равно и въ его стараніи для изученія горнаго дѣла и химіи, свидѣтелемъ можетъ быть не только г. камеръ-ратъ Юнкеръ, но и самъ Генкель. «Я старался, говоритъ онъ, всѣми способами угождать Генкелю, но ничто не могло помочь и вскорѣ раскрылись его злость, корыстолюбіе, фальшивость и завистливый духъ». Тотчасъ по отъѣздѣ Юнкера, Генкель сталъ удерживать у студентовъ стипендію. «Мы должны были по десяти разъ приходить къ нему, пока удавалось что либо выпросить.... Онъ говорилъ, что денегъ нѣтъ у него, что академія давно уже обѣщала выслать ему назначенные за ученіе студентовъ 500 рублей и не сдержала своего слова». Между тѣмъ студенты были въ крайности, а въ городѣ, вслѣдствіе распоряженій самой академіи и объявленія Генкеля, имъ никто не вѣрилъ въ долгъ. Съ другой стороны Ломоносовъ жалуется на медленность преподаванія Генкеля, на его неумѣнье дѣлать опыты. Половина уроковъ проходила въ пустой болтовнѣ и упрекахъ. Ломоносовъ говоритъ съ неуваженіемъ о научныхъ взглядахъ Генкеля, о его презрѣніи всякой разумной философіи (вѣроятно Вольфовыхъ основаній), о его *перипатетическихъ* взглядахъ, но болѣе всего возмущается жадностію Генкеля къ русскимъ деньгамъ. Съ слушающихъ уроки его нѣмцевъ, онъ бралъ гораздо дешевле и когда слова Ломоносова объ этомъ обстоятельствѣ дошли до слуха Генкеля, послѣдній говорилъ, что «царица богата,—можетъ и дороже платить». На всѣ просьбы о выдачѣ денегъ, онъ отвѣчалъ постояннымъ отказомъ и при томъ грубость въ обращеніи съ студентами доводилъ до крайней степени. Онъ позволялъ себѣ употреблять самую оскорбительную брань, выгонялъ Ломоносова изъ комнаты съ поднятыми кулаками, грозилъ полиціей. Жизнь Ломоносова, не имѣвшаго средствъ для пропитанія, сдѣлалась невыносимою и ему ничего не оставалось, кромѣ бѣгства.

Ломоносовъ рѣшился отправиться къ нашему посланнику при саксонскомъ дворѣ графу Кайзерлингу, который въ это время былъ въ Лейпцигѣ на ярмаркѣ, но не засталъ его здѣсь: посланникъ уѣхалъ въ Кассель для присутствованія на какой-то придворной свадьбѣ. Добрые марбургскіе знакомые, встрѣченные имъ въ Лейпцигѣ, предложили Ломоносову довезти его до Касселя. Возвращаться назадъ въ Фрейбергъ Ломоносовъ не хотѣлъ. Тамъ, по словамъ его, и ѣсть нечего и учиться нечему. Пробирное искусство Ломоносовъ уже узналъ, химію закончилъ, а инспекторъ Керъ не начиналъ своихъ уроковъ съ студентами, потому что Генкель и изъ его вознагражденія, назначеннаго академіей, хотѣлъ много выдѣлить въ свою пользу. Въ Кассель, къ крайнему сожалѣнію своему, онъ снова не нашелъ Кайзерлинга. Въ полномъ отчаяніи, Ломоносовъ рѣшился отправиться въ Голландію и оттуда, какъ нибудь, если не найдетъ помощи у русскаго посланника въ этой странѣ, графа Головкина,—въ Петербургъ. Въ Марбургъ заѣхалъ онъ для того, чтобъ у *старыхъ друзей* своихъ пріобрѣсти какія либо средства для предстоящаго странствованія. Эти старые друзья Ломоносова могли быть родственниками его молодой жены, если только они были зажиточны(45). Обратиться къ Вольфу за помощью онъ не рѣшился, замѣтивъ, что послѣдній не желалъ вмѣшиваться въ это дѣло. Денежные счеты его съ петербургской академіей были кончены.

Странствованіе Ломоносова началось съ Франкфурта. Отсюда водою отправился онъ въ Роттердамъ и Гагу. Русскій посланникъ, представитель придворныхъ интересовъ, какъ и слѣдовало ожидать, отказалъ въ помощи Ломоносову и объявилъ на отрѣзъ, что онъ не желаетъ вмѣшиваться въ это дѣло. Изъ Гаги Ломоносовъ отправился въ Амстердамъ. Здѣсь, встрѣченные имъ знакомые архангельскіе купцы, положительно не совѣтовали ему возвращаться безъ разрѣшенія въ Петербургъ и Ломоносовъ рѣшился повернуть обратно въ Германію. «Сколько опасностей и сколько нужды вытерпѣлъ я дорогою, говоритъ Ломоносовъ,—мнѣ самому страшно вспом-

---

(45) См. упомянутую статью г. *Сухомлинова*, собравшаго въ церковныхъ архивахъ свѣдѣнія о женидьбѣ Ломоносова, стр. 163.

нить». Онъ не хочетъ говорить о своихъ страданіяхъ въ письмѣ, желая быть короткимъ.

Сообщая о томъ, что онъ воротился въ Марбургъ и живетъ у друзей *инкогнито*, Ломоносовъ пишетъ, что не теряетъ даромъ времени, а занимается алгеброй, съ цѣлію примѣненія ея къ химіи и физикѣ. Путешествіе также принесло ему пользу и Ломоносовъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что видѣлъ знаменитые рода, имѣлъ въ нихъ случай говорить съ нѣкоторыми опытными химиками, посѣтилъ ихъ лабораторіи и лично обозрѣлъ горныя работы въ Гессенѣ и Зигенѣ. Въ письмѣ выражается замѣчательная самостоятельность, образованная трудомъ, лишеніями и несчастіями. Постепенно выростаетъ въ духѣ Ломоносова гордое сознаніе своихъ достоинствъ и своей умственной силы, которое не покидало его никогда. «Я увѣренъ, пишетъ онъ къ Шумахеру, что Вы, по естественной добротѣ своей не отвергнете меня, несчастнаго, и не погубите во мнѣ человѣка, который уже въ состояніи служить Ея Величеству и быть полезнымъ отечеству». Онъ ставитъ себя гораздо выше недавняго своего учителя Генкеля, котораго могутъ считать глубокимъ ученымъ только незнающіе его близко. «Я не желаю, говоритъ онъ, мое незначительное, но основательное знаніе промѣнять на его науку». Онъ, по словамъ его, дѣлаетъ тайну изъ самыхъ обыкновенныхъ химическихъ процессовъ, которые можно найти въ любомъ учебникѣ, а строеніе горъ можно гораздо лучше узнать отъ простаго штейгера, когорый всю жизнь проводитъ въ минахъ, чѣмъ отъ него. «Естественную исторію, продолжаетъ Ломоносовъ, надобно изучать не въ комнатѣ Генкеля, изъ его ящичковъ и коробочекъ, но нужно самому посѣтить различные горные заводы и рудники, самому изучать на мѣстѣ положеніе и свойства горъ и земли и отношенія другъ къ другу находящихся въ нихъ минераловъ». Съ этою цѣлію онъ просилъ Шумахера освободить его отъ тиранской власти его преслѣдователя и, продолжая еще нѣсколько времени высылку стипендіи, позволить ему еще пробыть въ Гарцѣ, или въ другомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ усовершенствовать свое знакомство съ горнымъ дѣломъ. Если онъ даромъ истратитъ деньги и на этотъ разъ не оправдаетъ довѣрія академіи, Ломоносовъ рѣшался подвергнуться всякому наказанію и въ самое короткое время обѣщалъ доставить

надлежащія свидѣтельства въ своихъ познаніяхъ и труды свои.

Шумахеръ, письмомъ отъ 28 Февраля 1741 года къ Вольфу, переселившемуся въ это время, по вступленіи на прусскій престолъ Фридриха II, въ Галле, прилагая вексель въ 100 р., требовалъ немедленнаго отправленія Ломоносова въ Петербургъ (46). Того же числа писалъ онъ Ломоносову, чтобъ по полученіи денегъ, онъ ѣхалъ въ Любекъ и оттуда отправлялся въ Петербургъ, какъ только вскроется море. Вольфъ въ отвѣтъ на это, отъ 25 апрѣля, увѣдомлялъ академію, что письмо и вексель онъ переслалъ въ Марбургъ къ одному изъ своихъ друзей для передачи Ломоносову съ подтвержденіемъ торопиться въ Россію. Онъ поручился даже въ долгахъ Ломоносова, около ста талеровъ. Черезъ два мѣсяца послѣ этой переписки, 8 іюня 1741 года, Ломоносовъ былъ уже въ Петербургѣ.

Здѣсь оканчиваются положительныя, подтвержденныя недавно изданными матеріалами свѣдѣнія о заграничной жизни Ломоносова. Но въ запискахъ Штелина, близкаго къ нему академика, присутствовавшаго при смерти Ломоносова, запискахъ, послужившихъ основаніемъ для всѣхъ нашихъ скудныхъ свѣдѣній о біографіи Ломоносова, сохранилось еще нѣсколько данныхъ, которыя, къ сожалѣнію, теперь уже нельзя провѣрить критически (47). Нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ очевидно романическаго свойства; другія, хотя и не подтвержденныя документами, имѣютъ положительный характеръ.

Мы знаемъ, что Ломоносовъ, осенью 1740 года, просился у академіи въ Гарцъ для посѣщенія извѣстныхъ въ этихъ горахъ рудниковъ. Изъ обнародованной переписки академіи мы не знаемъ ничего объ этой поѣздкѣ, но въ запискахъ Штелина, который въ этомъ случаѣ ссылается на протоколы академической канцеляріи, говорится положительно, что академія дала ему просимое позволеніе, что онъ посѣщалъ рудники въ Гарцѣ и познакомился съ извѣстнымъ тогда въ Германіи уче-

---

(46) Тамъ же, стр. 185.

(47) Черты и анекдоты для біографіи Ломоносова, взятые съ его собственныхъ словъ Штелинымъ. Они напечатаны (въ переводѣ О. Б. Миллера), съ собственноручной тетради Штелина, принадлежавшей г. Погодину въ *Москвит.* 1850 г., № 1, отд. III, стр. 1 и сл.

ным по металлургіи и химіи, камеръ-ратомъ брауншвейгской службы Крамеромъ (48). Съ нимъ прожилъ онъ нѣсколько времени (49). Академія назначила ему отправиться черезъ Любекъ, но по свидѣтельству Штелина, Ломоносовъ, угрожаемый за долги тюрьмою, бросилъ семейство свое, тайно бѣжалъ изъ Марбурга, по знакомой уже ему дорогѣ въ Белгію и Голландію, по Рейну, надѣясь изъ послѣдней страны отправиться на родину. Въ окрестностяхъ Дюссельдорфа произошло извѣстное приключеніе съ прусскими вербовщиками. Здѣсь онъ сдѣлался королевско-прусскимъ рейтаромъ и въ качествѣ новобранца попалъ въ прусскую крѣпость Везель. Бѣгство его изъ этой крѣпости давало каждому біографу Ломоносова по красивой страницѣ. Перебѣжавъ чрезъ прусскую границу въ Вестфалію, которая тогда находилась еще подъ верховною властію епископа, Ломоносовъ, въ качествѣ саксонскаго студента, черезъ Аригеймъ и Утрехтъ, прибылъ въ Амстердамъ. Отсюда русскій повѣренный въ дѣлахъ Ольдекопъ отправилъ его на шлюбкѣ въ Гагу, къ нашему послу Головкину. На этотъ разъ Головкинъ далъ ему средства воротиться въ Россію изъ Амстердама. Во время этого возвратнаго пути Ломоносовъ видѣлъ вѣщій сонъ, который можно найти въ любой его біографіи. Вѣроятно онъ передавалъ его Штелину.

Столь же неясно, какъ этотъ возвратъ на родину, представляется женитьба и отношенія Ломоносова къ женѣ. Будущая жена его вѣроятно была его студенческою страстію. О личности ея мы имѣемъ самыя противорѣчащія

---

(48) Johann Andreas Cramer (1710—1777) былъ замѣчательнымъ ученымъ того времени по тѣмъ спеціальностямъ, которыя Л-въ изучалъ за границею. Очень можетъ быть, что его сочиненіе «Anfagsgründe der Metallurgie», если не было вполнѣ переведено, то послужило основаніемъ для сочиненія Л-ва: «Первыя основанія металлургіи или рудныхъ дѣлъ» СПБ. 1763. 8°. Г. Тихоправовъ, въ статьѣ своей о Смирдинскомъ изданіи сочиненій Л-ва (*Моск. Вѣд.* 1852 г., №. 46), прямо называетъ *сочиненіе* Л-ва *переводомъ*, основываясь на Санктпетербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ 1777 г., №. 21. Показаніе послѣднихъ невѣрно и самъ Л-въ и академія никогда не называли этого сочиненія переводомъ. Ср. Матеріалы *Билярскаго*, стр. 505 и 625.

(49) Хронологія Штелина вообще недостовѣрна. Поѣздку въ Гарцъ онъ относитъ къ 1740 году, но Л-въ упомянулъ бы о ней въ приведенномъ нами письмѣ. Она могла быть только въ 1741 году.

свѣдѣнія. Штелинъ называетъ ее дочерью портнаго, хозяина квартиры гдѣ жилъ Ломоносовъ. Шлецеръ (50), собравшій о Ломоносовѣ также біографическія свѣдѣнія, по разсказамъ въ томъ обществѣ гдѣ онъ жилъ, называетъ жену его прачкою. Безъ сомнѣнія могло быть и то и другое. Звали ее Елисавета Христина Цильхъ (51) и въ церковной книгѣ реформатской церкви, гдѣ происходила свадьба (6 іюня 1740), она называется дочерью умершаго члена городской думы и церковнаго старосты. По всей вѣроятности жена Ломоносова была бѣдною дѣвушкою. Въ противномъ случаѣ едва ли бы и состоялась свадьба, да и Ломоносову не зачѣмъ было бы бросать ее въ Марбургѣ и одному бѣжать въ Россію. Изъ Голландіи онъ писалъ женѣ, чтобъ она была спокойна и ждала отъ него извѣстій. По пріѣздѣ однакожъ въ Петербургъ, окруженный новою жизнію, которая требовала усиленной дѣятельности, онъ не вспоминалъ объ оставленной имъ на чужбинѣ женщинѣ, тѣмъ болѣе, что едва ли считалъ ее женою, такъ какъ былъ вѣнчанъ съ нею по реформатскому обряду. Между тѣмъ въ Марбургѣ 1 января 1742 года у него родился сынъ, который умеръ черезъ мѣсяцъ и только черезъ годъ послѣ этого событія, бѣдная женщина, напрасно ждавшая извѣстій отъ мужа, рѣшилась обратиться къ нашему посланнику графу Головкину съ вопросомъ о мужѣ, написавъ и къ нему письмо. Оно было переслано въ Петербургъ къ канцлеру графу Бестужеву, который и потребовалъ отъ Ломоносова отвѣта. О бракѣ этомъ никто не зналъ въ Петербургѣ и уличенный въ немъ, Ломоносовъ долженъ былъ послать женѣ своей письмо и сто рублей денегъ на дорогу. Лѣтомъ того же года, изъ Любека, жена явилась къ Ломоносову съ своимъ братомъ и съ дочерью (52).

---

(50) A. L. *Schlözer's* Oeffentliche u. Privatleben von ihm selbst beschrieben. Götting. 1802. S. 218.

(51) Статья г. *Сухомлинова*, стр. 163.

(52) Г. Сухомлиновъ, отыскавшій въ церковномъ архивѣ Марбурга, *сына* Ломоносова, ничего не говоритъ о *дочери*. Если показаніе Штелина справедливо, то эта дочь или не была записана, или г. Сухомлиновъ пропустилъ ее, или она была рождена до брака. Послѣднее вѣроятное предположеніе разрушаетъ наивную вѣру его собесѣдника пастора въ возможность такого случая.

Обстоятельство это скоро сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ и даже дошло до свѣдѣнія Императрицы. Цѣломудренная Елисавета Петровна не допускала между своими подданными незаконнаго сожительства и Ломоносовъ былъ обвѣнчанъ русскимъ обрядомъ. Жена академика, не смотря на свое темное происхожденіе, вела себя достойнымъ образомъ (53).

Наконецъ Ломоносовъ на родинѣ, въ Петербургѣ. Собираніе силъ кончилось. Начинается его дѣйствительное служеніе отечеству, служеніе наукѣ, для которой онъ готовился, примѣненіе къ окружающей его дѣйствительности запаса силъ нравственныхъ и умственныхъ, запаса воли и талантовъ, запаса свѣдѣній, вынесенныхъ имъ изъ европейской школы. Успѣхъ служенія Ломоносова во многомъ зависѣлъ отъ того общества, въ которомъ онъ жилъ и отъ ближайшей среды, гдѣ онъ дѣйствовалъ. Двадцать четыре года длится эта жизнь, порывающаяся безостановочно во всѣ стороны, жизнь полная лихорадочной тревоги и самой неутомимой, порывистой дѣятельности. Въ этой жизни сгорѣлъ Ломоносовъ и представляя себѣ эту жизнь, исполненную борьбы и тревоги, вслѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя она была поставлена, позднему біографу Ломоносова остается только напряженно искать: гдѣ же результаты этой борьбы, гдѣ же плодъ этой тревожной жизни? Послѣдующая жизнь Ломоносова выставляется передъ нами тяжелымъ подвигомъ и безостановочною борьбою, на которую потрачено много силъ и душевныхъ и тѣлесныхъ. Типъ Ломоносова, поднявшійся передъ нами посреди юбилейныхъ воскуреній, представляется какъ бы олицетвореніемъ ума и духа цѣлой страны, воплощеніемъ въ одномъ человѣкѣ всѣхъ ея духовныхъ стремленій. Образъ любимаго Ломоносовымъ царя-реформатора, кажется невольно носился въ воображеніи его: такъ много было между ними общаго. *Академическій* періодъ жизни Ломоносова, уясненный теперь, благодаря матеріаламъ, изданнымъ къ юбилею, изображаетъ намъ всего Ломоносова и все его дѣло.

---

(53) «Sie zeigte sich als Stats Rätin allgemein, als eine sehr würdige Frau». *Schlözer*, ibid.

II.

Человѣку, который подобно Ломоносову возвратился домой послѣ долгаго пребыванія въ чужой землѣ, гдѣ посреди устроенной жизни онъ готовился къ умственному труду, весьма было бы трудно найтись въ кругу родной жизни. Германія и Россія въ XVIII вѣкѣ, въ умственномъ отношеніи представляются странами, крайне противоположными. Въ первой давно уже видна наука, постепенно развивающаяся, постепенно проникающая государство, близкая къ жизни и помогающая ей. Въ ней создалась уже литература, богатая мыслію и внѣшними формами, далекая, правда, еще отъ того, чтобъ быть выразительницею общественнаго мнѣнія, но и послѣднее еще робко и неясно. Еще не создалось то богатое *духовное единство* страны, замѣнившее *единство политическое*, уничтожившее разрозненность и какъ бы восполнившее печальныя послѣдствія Вестфальскаго договора. Но уже и теперь, въ ту пору, какъ нашъ великій человѣкъ сидѣлъ на скамейкѣ Марбургскаго университета, предвидѣлось будущее духовное значеніе Германіи. Ломоносовъ, приглядываясь и прислушиваясь къ окружающей его жизни, которой многимъ былъ обязанъ, могъ понимать значеніе мысли и знанія, какъ силы двигающей, могъ сознать въ себѣ самомъ силу таланта и достоинство духа. Его сильный характеръ желалъ примѣненія пріобрѣтеннаго имъ духовнаго запаса къ дѣйствительности и стремился къ дѣятельности. Происходя изъ простаго народа, онъ безъ сомнѣнія любилъ этотъ народъ, желалъ ему добра и готовился принести на пользу ему и свои таланты и свои пріобрѣтенія въ чужой землѣ. Къ сожалѣнію, встрѣченное имъ на родинѣ имѣло такія свойства, которыя должны были скорѣе помѣшать его духовной дѣя-

тельности, чѣмъ вызвать ее, или по крайней мѣрѣ направить ее по ложной дорогѣ, условливаемой общимъ характеромъ русской исторіи XVIII вѣка. Прикосновеніе родной земли, казалось, должно было не придать ему силу, какъ баснословному Антею, а парализировать ее.

Взволнованная на поверхности революціоннымъ движеніемъ реформы и страдательно спокойная въ глубинѣ, Россія представляла во время Ломоносова зрѣлище страны, въ которой хладнокровный наблюдатель нашелъ бы много печальныхъ сторонъ. Вся жизнь ея была чѣмъ то искусственнымъ, потому что насильно стягивалась въ одну сторону, къ одному, незначительному по числу петербургскому обществу. Въ этомъ обществѣ, желѣзною волею Петра В. собравшемся посреди нигерманландскихъ болотъ, долго и могущественно господствовали западные пришельцы, которымъ покровительствовалъ дворъ. Не имѣя органическихъ связей съ страною, они думали только о себѣ и добиваясь придворной власти и значенія, а въ этомъ только и понималась тогда служба, они старались выжимать побольше изъ народа. Эгоизмъ, гордость, презрѣніе къ народу и низкопоклонство въ дворцѣ, безумная роскошь и жестокое насиліе для добыванія средствъ этой роскоши,—вотъ общая характеристика иноземныхъ властителей Россіи. Но и русскіе, выигравшіе преобладаніе послѣ государственнаго переворота, возведшаго на престолъ дочь Петра В., не могли похвалиться лучшими свойствами. Борьба ихъ съ нѣмцами не была сознательно патріотическою борьбою изъ за народныхъ началъ. Мотивъ ея былъ только власть, придворное значеніе, а слѣдовательно и деньги. Большая часть людей, участвовавшихъ въ переворотѣ или засыпали въ роскоши, посреди свалившихся съ неба богатствъ, или употребляли всю свою энергію на ихъ пріобрѣтеніе притѣсненіемъ и монополіями. Если и выдавались въ этомъ печальномъ царствѣ отдѣльныя личности, болѣе свѣтлыя, болѣе чистыя и нѣсколько безкорыстныя, то явленіе ихъ было случайно. Ихъ жизни, какъ жизни И. И. Шувалова, знаменитаго покровителя Ломоносова, придавалъ еще нѣкоторыя хорошія стороны тотъ лоскъ, который они случайно пріобрѣтали, вращаясь въ европейскихъ салонахъ и прислушиваясь къ эстетико-литературнымъ вопросамъ, выдвинувшимся впереди тогда въ европейскомъ

обществѣ. Но такіе люди были рѣдкими исключеніями. И они, подобно всѣмъ прочимъ, связаны были съ родиною только придворнымъ значеніемъ и бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ крѣпостныхъ душъ, дававшихъ имъ средства для роскошной жизни.

При такомъ эгоистическомъ отношеніи въ государствѣ лицъ, имѣвшихъ въ рукахъ власть, напоминающемъ отношенія завоевателей въ странѣ покоренной, естественно было, что развитіе Россіи не имѣло опредѣленнаго характера и послѣдовательной исторіи. Это была страна, въ которой очень легко было дѣлать всевозможныя административныя попытки и опыты; являясь случайно, они смѣнялись по прихоти и ложились не глубоко въ народной жизни. Народная масса, неподвижная и страдательная, насильственно вышедшая изъ кочеваго быта въ бытъ земледѣльческій, — оставалась не тронутою. Она участвовала только матеріальнымъ образомъ, натурою, тяжелыми жертвами въ тѣхъ продолжительныхъ и дорогихъ войнахъ, которыя приходилось вести Россіи, вслѣдствіе географическихъ отношеній или придворныхъ интересовъ. Происходя на чужой землѣ, за отдаленными предѣлами Россіи, войны эти и побѣды изъ далека принимали баснословные размѣры. Генералы и адъютанты часто скакали по безграничнымъ пространствамъ въ Петербургъ съ радостной вѣстью о побѣдѣ или о мирѣ и придворныя пиршества во славу военныхъ событій смѣнялись иллюминаціями, народными гуляньями, громомъ музыки и похвальными одами, этою неизбѣжною обстановкою мишурной и внѣшней жизни.

Напрасно искать въ подобной жизни умственной дѣятельности, для которой готовился Ломоносовъ за границею. Наука дѣйствительно составляла насущную потребность нашего отечества; оно давно нуждалось въ ней, чтобъ на дѣлѣ принадлежать къ европейскимъ государствамъ, въ жизнь которыхъ вошло довольно насильственнымъ образомъ. Но наука эта должна была получить совершенно практическій характеръ, условленный реформою Петра В. Россія не знала средствъ, зарытыхъ въ ея громадныхъ и почти дикихъ пространствахъ, а между тѣмъ средства эти требовались на каждомъ шагу. Ни дорогъ, ни капиталовъ, ни торговли, ни промышленности и только одно земледѣліе, въ своемъ первобытномъ, патріархальномъ видѣ,

едва дававшее крестьянину возможность не умереть съ голоду. Надъ этимъ бѣднымъ міромъ царила позолоченная, блестящая внѣшность. Вмѣсто науки мы видимъ риторику, оды, фразы или пустую и безплодную ученость. Рѣзкимъ доказательствомъ крайностей, существовавшихъ въ то время въ русскомъ обществѣ можетъ служить то обстоятельство, что даже такой положительный умъ, какимъ былъ Ломоносовъ, хорошо понимавшій нужды Россіи, заводитъ въ странѣ, гдѣ $^{9}/_{10}$ народонаселенія ходитъ безъ сапогъ,—*бисерную* фабрику и думаетъ ею принести общественную пользу. Многое нужно было Россіи въ ту пору, Задача подымалась за задачею. Россія нуждалась въ людяхъ, въ ихъ умственной дѣятельности, а между тѣмъ, изучая общество, окружавшее Ломоносова, мы видимъ, что онъ одинъ только выходитъ впередъ посреди множества блѣдныхъ, своекорыстныхъ личностей, что только одинъ онъ является борцомъ за русскую мысль и за русскую науку, которыя любитъ больше всего. Повидимому вся тяжесть работы и громадность задачъ падаетъ только на одни его выносливыя плечи. Онъ ни отъ чего не отказывается и за все берется и дѣятельность его, не сосредоточенная ни на чемъ долго, невольно раздробляется. Намъ, позднимъ потомкамъ, собиравшимся на юбилеѣ помнить ее, она представляется почти неуловимою. Ломоносовъ становится въ положеніе работника, которому данъ заказъ извнѣ и назначенъ срокъ исполненія. Въ этой дѣятельности мы почти вовсе не видимъ свободнаго участія воли. Съ другой стороны ничтожность всего его окружавшаго и богатыя геніальныя способности, которыми онъ былъ одаренъ, невольно возбуждали его гордость, давали ему высокое о себѣ мнѣніе и заставляли его браться за рѣшеніе самыхъ разнообразныхъ задачъ, что не давало ему возможности успѣха. Такое невыгодное положеніе Ломоносова понимали уже и современники его (¹).

(¹) Seine Eitelkeit artete in Barbaren Stolz aus, der allen Menschen, sonderlich seinen Subalternen, unausstehlich wurde. Und eben diese hohe Einbildung von sich, verleitete ihn sich mit einer Menge der heterogensten Dinge abzugeben. Wär er bei seinen par Fächern geblieben, so wär er wahrscheinlich gross darin geworden: nun blieb er selbst in diesen mittelmässig und dünkte sich doch in allen übergross. *Schlözer*, S. 219.

Дѣятельная жизнь Ломоносова проходила въ кругу Академіи Наукъ и касалась на столько современнаго общества, на сколько сама академія приносила пользы Россіи. Участіе же академіи въ русскомъ развитіи было однакожъ весьма незначительно. Основанная по мысли великаго преобразователя, желавшаго имѣть въ ней подъ рукою людей практической науки, которые бы помогали ему въ его преобразовательномъ дѣлѣ, эта *де-Сьянсъ* академія, какъ называли ее тогда въ высшемъ свѣтѣ и оффиціальныхъ бумагахъ, мало по малу обратилась въ замкнутое общество, чуждое страдъ и преслѣдующее отвлеченныя цѣли науки. Призванная двигать впередъ науку и учить русскихъ людей, эта академія, сколокъ большинства тогдашнихъ академіи европейскихъ, заводимыхъ современною модою государей «ad plausum exterorum», по выраженію Вольфа, не удовлетворяла вполнѣ ни первому ни второму своему назначенію. Для того, чтобъ наука двигалась впередъ, необходимо, чтобъ она имѣла органическую связь съ страною, а такое отношеніе ея къ Россіи въ ту пору было немыслимо; учить же русскій народъ академики были не въ состояніи и потому, что не знали, какъ иностранцы, Россіи и ея потребностей, были незнакомы съ языкомъ народа, и потому, что наука ихъ, чуждая по большей части окружающей жизни, была безплодна. Это вдвойнѣ невыгодное отношеніе академіи къ Россіи было ясно сознано Ломоносовымъ и послужило источникомъ долгой, почти безполезной и не принесшей результатовъ его *академической борьбы*, въ которую входила также и значительная доля стремленія къ господству и власти въ академіи. На эту борьбу Ломоносовъ къ сожалѣнію растратилъ много умственныхъ силъ, много времени, которое при его талантахъ могло быть употреблено въ другомъ дѣлѣ съ большею пользою. Но борьба эта была необходима и неизбѣжна. Ему, какъ человѣку мыслящему, поставленному въ непосредственныя сношенія съ академіей, отказаться отъ нея было невозможно. Притомъ, она дѣлаетъ честь ему.

Имена только нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ русской академіи, посреди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Ломоносовъ, съ которыми онъ ссорился часто, пользуются извѣстностію у насъ, потому что они принимали значительное участіе въ образованіи нашего отечества и доставили о немъ научныя свѣ-

дѣнія. На эту нѣмецкую академію однакожъ, нѣмецкую, потому что нельзя было образовать ее тогда изъ русскихъ членовъ, въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтіе, возводилось очень много обвиненій; русское общественное мнѣніе, не смотря на всю свою незначительность, высказывалось о ней очень враждебнымъ образомъ, даже до послѣдняго времени. Обыкновенный упрекъ ея существованію состоитъ въ томъ, что академія возникла у насъ въ такую пору, когда Россіи нужны были элементарныя школы, когда не наука въ ея послѣдней, ученo-самостоятельной формѣ была для насъ необходима, а простое умѣнье читать, простая грамота. Упрекъ этотъ разрушается самъ собою при общемъ представленіи о государственномъ смыслѣ реформы. Петру и его преемникамъ необходимы были люди свѣдущіе и ученые, которые могли бы разработать еще неизвѣстныя государству силы Россіи. Очень понятно, что такихъ людей въ то время могла намъ дать только одна сосѣдняя Германія, уже богатая наукою и признанная наша учительница. Ученая нѣмецкая колонія на Васильевскомъ Острову, состоящая часто изъ людей, соединенныхъ между собою родственными связями, представляла въ своемъ удаленіи отъ страны довольно темныхъ сторонъ. Пришельцы изъ страны образованной въ страну дикую, гордые сознаніемъ духовнаго развитія своей родины, они должны были съ высока смотрѣть на русскихъ, обиженныхъ своей исторіей. Составляя отдѣльную корпорацію, далекую отъ окружающей жизни, нѣмецкіе академики увлекались часто духомъ своекорыстія, выдвигали впередъ близкихъ людей изъ интересовъ личныхъ, ставили деньги выше знанія, выше благородныхъ цѣлей науки. Но упрекъ въ своекорыстіи тоже довольно общій упрекъ. Нѣмцы академики были приглашаемы въ страну чужую, какъ наемники, за деньги; они и смотрѣли на себя, какъ на наемниковъ. Цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобъ сдѣлать наемное дѣло честнымъ образомъ, получить за него побольше денегъ и потомъ уѣхать домой на отдыхъ, на безбѣдное существованіе пенсіей. Въ чужой странѣ было имъ все чуждо, кромѣ ихъ дѣла и мы, русскіе, должны благодарить нѣкоторыхъ изъ нихъ, что они честно служили этому дѣлу, имѣвшему прямое отношеніе къ намъ, хотя въ честномъ исполненіи обязанностей для нихъ не было высоко-гражданскаго

подвига, а личный интересъ. Наука въ каждой странѣ получаетъ тогда только значеніе, когда служеніе ей, со стороны лицъ, посвятившихъ себя наукѣ, есть и порывъ духа и высокое гражданское чувство. Тогда имена ея представителей не умрутъ въ памяти потомковъ. Наука по найму, наука за хорошее жалованье мало по малу должна обратиться въ ремесло, а ея представители и жрецы—въ чиновниковъ, болѣе или менѣе усердно исполняющихъ свое дѣло. Всякая корпорація, состоящая изъ подобныхъ личностей, пусть не будетъ въ ней ни одного нѣмца, пусть вся она состоитъ изъ коренныхъ русскихъ, невольно увлечется своекорыстными стремленіями и въ среду свою приметъ только тѣхъ, кто будетъ ей вторить. Имена ея членовъ забудутся потомствомъ.

Чуждая странѣ и ея жизненнымъ потребностямъ, академія находилась однакожъ въ близкихъ отношеніяхъ съ дворомъ и со всѣмъ, что имѣло власть при дворѣ. Она походила нѣсколько на театральную контору и очень часто составляла *проэкты* и церемоніалы придворныхъ увеселеній: иллюминацій, фейерверковъ, аллегорическихъ картинъ и т. п. Торжественныя собранія ея происходили всегда въ дни тезоименитствъ и рожденія, или въ дни празднованія восшествія на престолъ и коронаціи императрицъ. На этихъ собраніяхъ академики должны были говорить панегирики. Нужна ли была ода на случай или аллегорическая картина для украшенія какого либо придворнаго празднества или театральная пьеса и т. п., — Статсъ-контора тотчасъ же дѣлала заказъ академіи и торопила ее. Академики должны были издавать вѣдомости и календарь; къ нимъ, какъ въ справочное мѣсто, обращались за самыми разнородными свѣдѣніями и понятно, при такомъ значеніи *де-Сьянсъ* академіи въ Петербургѣ, тотъ изъ членовъ ея, который больше другихъ, по выраженію современника, отличался своими «galante Studien», больше другихъ и выигрывалъ. Такихъ лицъ въ академіи, въ ея положеніи, было тогда довольно. Академики вращались въ темномъ мірѣ придворныхъ интригъ, наперерывъ другъ передъ другомъ низкопоклонничали и льстили знатнымъ, старались угождать имъ всѣми способами и, разумѣется, нѣмецкіе члены академіи выигрывали гораздо больше. За ними была давность привычки, имъ принадлежало умѣнье жить и внѣшнія приличія, ихъ лесть была тоньше, а ихъ знанія «га-

лантѣе». Придворная знать, не отличавшаяся уваженіемъ къ родному, была на ихъ сторонѣ, а потому всякая борьба съ ними была тяжела и не обѣщала въ будущемъ результатовъ. Ломоносовъ съ своею борьбою въ академіи, увлекавшею его иногда до несправедливости, трудился напрасно: его дѣло не выиграло.

Тотчасъ по пріѣздѣ Ломоносова въ Петербургъ, академія, вѣроятно для испытанія пріобрѣтенныхъ имъ знаній, поручила ему привести въ порядокъ и составить каталогъ принадлежащаго ей минералогическаго кабинета (2). Академикъ Аммань, разсматривавшій эту работу, остался ею доволенъ. Еще прежде, въ августѣ, онъ представилъ въ академію, вмѣстѣ съ своими товарищами, воротившимися вѣроятно въ одно время съ нимъ изъ за границы, два латинскихъ разсужденія по физикѣ и химіи, какъ образцики своихъ трудовъ, прося конференцію разсмотрѣть ихъ и сказать о нихъ свое мнѣніе (3). Но адъюнктомъ физическаго класса сдѣланъ онъ былъ не вдругъ (8 января 1742 года) и то только послѣ прошенія на Высочайшее имя, написаннаго по пунктамъ, въ которомъ онъ долженъ былъ прописать всѣ свои достоинства, что онъ «всѣ указанныя ему за границею науки принялъ, въ физикѣ, химіи и натуральной исторіи горныхъ дѣлъ такъ произошолъ, что оными другихъ учить и къ тому принадлежащія полѣзныя книги съ новыми инвенціями писать можетъ». Ломоносовъ говоритъ, что онъ неоднократно просилъ академію объ опредѣленіи, но она «никакого рѣшенія не учинила» и онъ «принужденъ быть въ печали и огорченіи». Въ заключеніе Ломоносовъ обѣщается быть полезнымъ отечеству (4).

Печаль и огорченіе, въ которыхъ находился Ломоносовъ, не имѣя средствъ для жизни въ Петербургѣ, не помѣшали ему однакожъ продолжать начатые имъ за границею поэтическіе опыты. Разомъ вступилъ онъ въ міръ напыщенной придвор-

---

(2) Свѣдѣніе это, сохраненное Новиковымъ въ его «Опытѣ словаря», подтверждается документами. См. Сборникъ *Кунка*, стр. 194.

(3) Матеріалы *Билярскаго*, стр. 9.

(4) Тамъ же, стр. 7. Мы не знаемъ былъ ли это тогдашній обычай въ академіи, но каждое повышеніе Л-ва происходило только вслѣдствіе подобныхъ прошеній по пунктамъ.

ной поэзіи, въ которомъ принимала такое участіе петербургская академія. Петербургъ былъ полонъ тогда риторическимъ восторгомъ по случаю недавняго вступленія на престолъ Іоанна III, этого несчастнаго царевича, печальной жертвы дворцовыхъ переворотовъ прошлаго вѣка, убитаго впослѣдствіе въ тюрьмѣ въ состояніи идіотизма. Академія, въ иллюминаціи и фейерверкѣ, ею сочиненныхъ, изображала его то восходящимъ солнцемъ въ образѣ Аполлона, то молодымъ лавровымъ деревомъ, которое обнимаетъ колѣнопреклоненная Россія (5). И Ломоносовъ, можетъ быть самостоятельно, а можетъ и по заказу академіи, воспѣлъ праздникъ рожденія ребенка-императора (12 Авг.), отъ имени «веселящейся Россіи» (6). Онъ поетъ о любви своей къ нему:

Породы Царской Вѣтвь прекрасна,
Моя Надежда, Радость, Свѣтъ,
Щастливыхъ дней Аврора ясна,
Монархъ, Младенецъ райской цвѣтъ,
Позволь твоей рабѣ нижайшей
Въ твой новой годъ пѣть стихъ *тишайшей*.
Чѣмъ больше я росой кроплюсь
Съ Парнасскихъ что верьховъ стекаетъ;
Жарчаѣ тѣмъ любовь пылаетъ
Къ тебѣ сильняе тѣмъ палюсь.

Сравнивая младенца Іоанна съ маленькимъ Алкидомъ, сломившимъ головы змѣй, подъ которыми Ломоносовъ подразумѣваетъ Бирона и его партію:

Проклята гордость, злоба, дерзость,
Въ чюдовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слѣпой талантъ пустилъ взнестись!

---

(5) См. Описаніе фейерверка, сочиненное по нѣмецки *профессоромъ аллегоріи* Штелинымъ и переведенное вѣроятно Л-мъ въ «примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ» 1741 года. *Уч. Зап.* Академіи Наукъ по I и III Отд. 1855, Т. III, стр. 267—270.

(6) Въ царствованіе Елисаветы и Екатерины II считалось государственнымъ преступленіемъ упоминать самое имя Іоанна III и все, что напоминало его, истреблялось самымъ усердным образомъ. По этой причинѣ двѣ оды Л-ва, написанныя въ честь ему (*Уч. Зап.* А. Н. Т. III, стр. 271—284) не вошли въ собраніе его сочиненій и были имъ самимъ забыты.

онъ видитъ въ императорѣ потомка двухъ колѣнъ: русскаго, славнаго своею храбростію и германскаго, съ которымъ Римъ едва дерзалъ начинать войну и пророчитъ ему и народную любовь и побѣды «отъ устья быстрыхъ струй Дунайскихъ До самыхъ ускихъ мѣстъ Ахайскихъ», до китайской стѣны, до Индіи:

Лишъ только перстикъ Вашъ потнется,
Народъ бесчисленъ вдругъ зберется,
Готовъ итти куда велитъ.

Черезъ нѣсколько дней другая ода «на побѣду при Вильманстрандѣ». Марсъ и Беллона, Венера, Діана и Геркулесъ переселяются поэтомъ на финскія скалы и принимаютъ участіе въ войнѣ Россіи съ Швеціей. Миѳологическія существа враждебны Россіи, ихъ влечетъ къ себѣ эта страна, «въ которой медъ съ млекомъ течетъ». Но союзъ ихъ съ шведами разрушенъ русской храбростію: «вдается въ бѣгъ побитый Шведъ». Ода оканчивается восхваленіемъ правительницы Анны Леопольдовны и мужа ея Антона Ульриха, котораго Ломоносовъ называетъ «Отца отечества отецъ»; поэтъ увѣряетъ, что для его славы русскій солдатъ готовъ стократно перенести смерть. Но восхваленіе браунштвейгскаго дома было непродолжительно; вся эта шумиха словъ была растрачена даромъ. Черезъ три мѣсяца Елисавета Петровна взошла на русскій престолъ. Академія поспѣшила уже 18 декабря всеподданнѣйше поздравить ее съ днемъ рожденія нѣмецкою одою, сочиненною Штелинымъ и Ломоносовъ переводитъ ее стихами (7). Пінтическій восторгъ разомъ получилъ другое направленіе, оставаясь равно неискреннимъ. Прежніе идолы были забыты для новыхъ.

Съ сентября 1742 года Ломоносовъ, сдѣланный адъюнктомъ физическаго класса, преподавалъ въ академической гимназіи физическую географію по нѣмецкому учебнику Крафта, давалъ наставленіе въ химіи и исторіи натуральной и, наконецъ, обучалъ «стихотворству и штилю россійскаго языка». Но едва только началось это преподаваніе, какъ пылкій и несдержанный характеръ Ломоносова, его бурныя студенческія привычки вовлекли его въ бѣду и слѣдствіе. Въ полицію поступило

---

(7) Тамъ же, стр. 285—290.

объявленіе ([8]), что Ломоносовъ въ нетрезвомъ видѣ, у академическаго садовника Штурма, гдѣ были гости, сталъ говорить непотребныя рѣчи и потомъ «схватя болванъ, на чемъ парики вѣшаютъ», сталъ имъ драться и слугѣ своему тоже приказывалъ. Беременная жена Штурма выскочила въ окошко «отъ бою» Ломоносова. Служанку Штурма билъ онъ по щекамъ и каблуками, подбилъ ей глазъ, изодралъ ей рубашку и серьгу серебряную выбилъ. Полиція распорядилась взять Ломоносова на съѣзжую. Въ тоже самое время, по жалобѣ Нартова, академика Делиля, нѣсколькихъ другихъ лицъ и студентовъ, учреждена была по именному повелѣнію большая коммисія надъ Академіей Наукъ или надъ Шумахеромъ. Ломоносовъ, сблизившійся по пріѣздѣ изъ за границы съ главнымъ доносителемъ, простымъ и малограмотнымъ токаремъ, академикомъ Нартовымъ, отвезшимъ жалобу въ Москву въ началѣ 1742 года, гдѣ тогда былъ дворъ, принималъ по всему видимому живое участіе въ этомъ дѣлѣ и можетъ быть сочинялъ жалобу ([9]). Будучи на сторонѣ Нартова, въ борьбѣ двухъ враждующихъ академическихъ партій, онъ съ самаго начала академической службы своей, стоитъ противъ нѣмецкихъ членовъ академіи ([10]), и въ борьбѣ этой поступаетъ какъ никольникъ. Дерзкія выходки Ломоносова вызвали жалобу конференціи на него въ слѣдственную коммисію 6 мая 1743 года. Въ ней говорилось, что Ломоносовъ, въ конференціи «ругаясь профессору Винсгейму, остановился и весьма неприличнымъ образомъ безчестной и крайнѣ поносной знакъ самымъ подлымъ и безстыднымъ образомъ руками сдѣлалъ, называлъ профессоровъ плутами и другими словами, чего и писать стыдно», грозилъ профессору Винсгейму, «что де онъ ему зубы поправитъ» и пр. ([11]). Академики были сильно раздражены противъ Ломоносова; они просили «знатной сатисфакціи», говорили, что несчастіе ихъ крайнее, что они обезчещены предъ цѣлымъ свѣтомъ, прибавляли къ тому, что въ академіи нѣтъ ни президента, ни настоящаго директора и они не получали

([8]) Матеріалы *Билярскаго*, стр. 9 и сл.
([9]) Энциклопедическій Словарь, Т. II, СПБ. 1861. стр. 279.
([10]) Матеріалы *Билярскаго*, стр. 19—25; 25—34.
([11]) Тамъ же, стр. 34—35.

даже жалованья за весь 1742 годъ. Ломоносовъ и прежде раздражившій коммисію, какъ свидѣтель въ дѣлѣ Партова, былъ посаженъ ею подъ карауль. Когда коммисія потребовала его къ допросу, онъ не хотѣлъ признать ея власти надъ собою, говорилъ, что безъ вѣдома академіи онъ въ допросъ не пойдетъ, «предъ присудствіемъ кричалъ неучтиво и смѣялся». Коммисія навела справки о прежнемъ его поведеніи за границею; ей извѣстна была драка его въ квартирѣ садовника и разсматривая новые проступки Ломоносова, она присуждала его къ наказанію «по силѣ государственныхъ правъ», по разнымъ регламентамъ (12), чуть ли не къ лишенію живота и заключеніе свое представила на Высочайшее утвержденіе. По просьбѣ Ломоносова академія однако ходатайствовала объ его освобожденіи изъ подъ ареста, но коммисія не согласилась на то до Высочайшаго разрѣшенія. Ломоносовъ сидѣлъ болѣе полугода подъ арестомъ. Только 18 января 1744 года послѣдовалъ Высочайшій указъ изъ Сената въ Академію Наукъ, гдѣ между прочимъ сказано: «Ломоносова *для его довольнаго обученія* отъ наказанія свободить, а въ объявленныхъ, учиненныхъ имъ, продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощеніе». Наказаніе состояло только въ томъ, что Ломоносовъ долженъ былъ получать половинное жалованье, но черезъ полгода и оно было возвращено. Едва освобожденный изъ подъ ареста, Ломоносовъ опять является буяномъ. Пришедъ къ академическому переводчику Голубцову, онъ ударилъ его шандаломъ въ лицо и нанесъ рану. Академія не вступалась въ это дѣло и предоставила обиженному вѣдаться судомъ. Какія послѣдствія имѣла эта *вспышка* — неизвѣстно, но кажется она была послѣдняя. Такъ бурлилъ Ломоносовъ, прощаясь съ своими молодыми студенческими годами.

Ученыя занятія Ломоносова въ академіи по его наукѣ не имѣли опредѣленнаго характера. То читалъ онъ въ конференціи латинскія диссертаціи по химіи и физикѣ, то академія поручала ему разсмотрѣніе разныхъ образцовъ солей, рудъ, минераловъ и т. п., присылаемыхъ изъ кабинета Ея Величества и изъ разныхъ вѣдомствъ. Замѣчательно, что у профессора химіи долго не было лабораторіи. Въ 1745 году онъ жалуется академіи,

(12) Тамъ же, стр. 48.

что «принужденъ только однимъ чтеніемъ химическихъ книгъ и теоріей довольствоваться, а практику почти вовсе оставить (13)». Три раза просилъ онъ академію объ устройствѣ лабораторіи, для которой предлагалъ проэктъ и планъ. Тогда же бьетъ онъ челомъ объ опредѣленіи его профессоромъ. Въ прошеніи онъ прописывалъ всѣ свои труды и переводы. Гмелинъ, уѣзжающій за границу на родину, уступилъ ему свою профессуру и Ломоносовъ былъ утвержденъ профессоромъ химіи 7 августа 1745 года. Званіе профессора дало ему силу и значеніе въ конференціи академической, дало ему возможность дѣйствовать. Его таланты и энергія и въ особенности связи съ людьми пользующимися властью при дворѣ, сдѣлали вскорѣ его лицемъ всесильнымъ въ академіи.

Раздробленная въ своей дѣятельности первоначальнымъ регламентомъ Петра В., различными вліяніями и требованіями другихъ высшихъ учрежденій имперіи, въ особенности своими отношеніями ко двору, въ которомъ сосредоточивалась тогда вся интеллектуальная жизнь Россіи и наконецъ враждующими внутри самой академіи національными партіями, руководствовавшимися по большей части своекорыстіемъ и стремленіемъ къ власти, академія представляла изъ себя чрезвычайно нестройное учрежденіе. Эта пестрая обстановка и нестройная жизнь академіи должны были отразиться на дѣятельности Ломоносова, вполнѣ посвятившаго себя ей. Опредѣленно представить эту дѣятельность почти невозможно, не смотря на много изданныхъ уже матеріаловъ: такъ неуловима она и разнообразна, видоизмѣняясь согласно требованіямъ времени и страстнымъ порывамъ души Ломоносова. Еще не скоро дождемся мы обстоятельной и полной біографіи его, гдѣ бы предстали предъ нами дѣйствительные и объясненные факты вмѣсто обыкновенныхъ фразъ. Одно свойство Ломоносова впрочемъ выдвигается впередъ изъ всей его дѣятельности,—условливалось ли оно состояніемъ окружавшаго его молодаго общества, историческимъ развитіемъ цѣлой страны, которая привыкла жить не самостоятельною жизнію, а регламентаціей, или оно было выраженіемъ самовластной натуры Ломоносова, — это стремленіе

---

(13) Тамъ же, стр. 58.

къ администраціи, къ составленію проэктовъ и регламентовъ, которыми такъ богата вообще дѣятельность Ломоносова. Воспитанный въ школѣ и въ идеяхъ Петра В., онъ вѣрилъ, что уставы имѣютъ могущество, что ими можно двинуть неподвижную жизнь.

Какъ молодой профессоръ, Ломоносовъ началъ свою академическую дѣятельность въ соединенныхъ съ академіей гимназіи и университетѣ, преподаваніемъ физики, химіи и стихотворства. Предметы эти мало измѣнялись и только впослѣдствіе, когда дѣятельность Ломоносова дробилась болѣе и болѣе, преподаваніе слабѣло, рѣже встрѣчается о немъ упоминаніе; за то выдвигаются впередъ заботы объ образовательныхъ отдѣлахъ академіи, въ устройствѣ которыхъ Ломоносовъ принимаетъ самое живое участіе, особенно съ тѣхъ поръ, съ 1758 года, какъ онъ сдѣлался членомъ академической канцеляріи и полновластнымъ въ ней лицемъ. Заботы эти выразились и регламентами и множествомъ личныхъ приказаній его. Близкія отношенія его къ И. И. Шувалову и непосредственное участіе, какое принималъ онъ въ основаніи Московскаго университета придаютъ особенное значеніе этой сторонѣ его дѣятельности. Самъ онъ считаетъ ее очень полезною, ставитъ ее очень высоко; говоритъ, что подъ его управленіемъ учебная часть академіи пошла лучшимъ порядкомъ, не смотря на недостатокъ денегъ и разнообразныя препятствія, встрѣченныя имъ (14).

Мы не знаемъ въ чемъ состояло преподаваніе Ломоносова и какой характеръ имѣло оно. Изъ учениковъ Ломоносова самыми извѣстными были двое: Поповскій, переводчикъ «Опыта о человѣкѣ» Попе, профессоръ Московскаго университета, любимый Ломоносовымъ и Румовскій, астрономъ-наблюдатель, потомъ первый попечитель Казанскаго университета. Они не оставили воспоминаній объ учителѣ. При тогдашнемъ неопредѣленномъ устройствѣ академіи, даже сенатъ вмѣшивался въ преподаваніе. Лекціи физики Ломоносовъ читалъ или *показывалъ*, напр. по указу сената (15). Лекціи эти имѣли почти пуб-

(14) Исторія академической канцеляріи §§ 44—52. См. Матеріалы, стр. 077—085.

(15) Матеріалы, стр. 72, 85.

личный характеръ. Теорію поэзіи онъ диктовалъ. Много времени уходило на экзамены всякаго рода. Разныя вѣдомства присылали тогда въ академію для экзамена подчиненныхъ лицъ и домашніе учителя являлись также на экзаменъ академіи по указу 1757 года.

Въ преподавательской дѣятельности Ломоносова видное мѣсто занимаютъ заботы его объ устройствѣ учебной части академіи, которая была въ весьма плохомъ состояніи. Учебную часть академіи Ломоносовъ ставилъ очень высоко и ожидалъ отъ нея значительной пользы. Два учебные департамента (университетъ и гимназія) по его убѣжденію «суть наинужнѣйшія къ приращенію наукъ въ отечествѣ, откуда не токмо сама Академія должна производить природныхъ своихъ членовъ, но и во все государство *своихъ юриспрудентовъ, медиковъ, аптекарей, металлурговъ, механиковъ, астрономовъ*, коихъ всѣхъ принуждена и по нынѣ Россія заимствовать изъ другихъ земель, не безъ нареканія нашему народу». (16) Еще въ 1748 году, когда Ломоносовъ не имѣлъ власти въ конференціи, поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ академическаго университета, составлялся регламентъ ему и Ломоносовъ желалъ тогда уже дѣйствительнаго университета, съ раздѣленіемъ на три факультета («богословскій оставляю синодальнымъ училищамъ») и требовалъ для него особливыхъ правъ, по примѣру заграничныхъ университетовъ (17), которыхъ учрежденія, узаконенія, обряды и обыкновенія по словамъ его «ясно и живо какъ на картинѣ представляются въ умѣ его» (18). Извѣстно, какое дѣятельное участіе принималъ Ломоносовъ, вызванный къ тому Шуваловымъ, въ учрежденіи Московскаго университета, какъ послѣдній былъ дорогъ ему. Права или «вольности» заграничныхъ университетовъ, которыя Шуваловъ считалъ *несовмѣстными*, онъ отстаивалъ горячо передъ нимъ (19). Онъ не желалъ *скуднаго и узкаго плана* и потому въ трехъ факультетахъ назначилъ 12 профессоровъ, что было много по тогдаш-

---

(16) Тамъ же, стр. 678—679.
(17) Стр. 115, 119.
(18) Письмо къ Шувалову. Тамъ же, стр. 269.
(19) Записки Тимковскаго, *Москвит.* 1852. № 20, стр. 59.

нему состоянію факультетскаго преподаванія и Шуваловъ сократилъ число ихъ до 9. По его же совѣту была учреждена и гимназія при Московскомъ университетѣ. «Безъ нея, писалъ онъ, университетъ какъ пашня безъ сѣмянъ» (20). Правила для московскихъ гимназій составлялъ онъ же.

Сдѣлавшись въ 1757 году членомъ канцеляріи, т. е. получивъ участіе въ управленіи академическими дѣлами и въ особенности, съ того времени, когда ему поручены были президентомъ Разумовскимъ учебныя учрежденія *въ особливое смотрѣніе*, вмѣстѣ съ другими частями академіи, Ломоносовъ сталъ усердно хлопотать объ учебной части. Онъ распорядился записывать пропускаемые безъ законной причины уроки учителей, хлопоталъ о порядкѣ въ классахъ (21), самъ ѣздилъ осматривать помѣщеніе академическихъ студентовъ, стараясь уничтожить въ нихъ крайнюю нечистоту, заботился о лучшемъ содержаніи учениковъ, о довольной пищѣ, о снабженіи книгами, выпрашивая у академіи на то деньги; наконецъ онъ выхлопоталъ большой Строгановскій домъ для отдѣльнаго отъ академіи помѣщенія гимназіи и университета (22). По его представленію число гимназистовъ было увеличено втрое (въ уставѣ, а не въ дѣйствительности) и президентъ чрезъ вѣдомости вызывалъ всѣхъ недостаточныхъ родителей къ помѣщенію дѣтей ихъ на казенное содержаніе въ академическую гимназію (23).

Заботясь о внѣшнемъ устройствѣ гимназіи и университета, Ломоносовъ составлялъ самъ строгія дисциплинарныя правила для гимназистовъ (24) и не могъ оставить безъ вниманія предметы ученія. До него академики считали преподаваніе посторонникъ и скучнымъ дѣломъ. Ломоносовъ, напротивъ, желалъ чтобъ гимназія и университетъ были на дѣлѣ, а не на словахъ. Съ этою цѣлію онъ сдѣлалъ много нововведеній. Онъ требовалъ полноты и опредѣленности отъ экзаменовъ, печатнаго каталога лек-

---

(20) Матеріалы, стр. 270.
(21) Тамъ же, стр. 320.
(22) Стр. 373, 374, 457, 511, 521—523, 678—680.
(23) Стр. 429.
(24) Стр. 378—379.

ціи, преслѣдовалъ лѣнивыхъ учителей, а профессора Модераха, котораго онъ самъ прежде самовластно возвелъ ордеромъ канцеляріи въ это званіе, бывшаго инспекторомъ гимназіи и университета, самъ же и отрѣшилъ, находя, что онъ не имѣетъ больше охоты «заботиться въ смотрѣніи надъ ученіемъ и поступками молодыхъ людей». На его мѣсто Ломоносовъ опредѣлилъ Котельникова, руководствуясь тою мыслію, что онъ «природной россіянинъ» и будетъ имѣть о учащихся «усердное попеченіе, какъ о своихъ свойственникахъ или дѣтяхъ». Когда Модерахъ замедлилъ сдачею дѣлъ, то по приказу Ломоносова къ нему былъ посланъ экзекуторъ, чтобъ выставить рамы и заставить его выѣхать изъ казенной квартиры (25).

Главная мысль, которая руководила Ломоносовымъ во всей его академической дѣятельности, имѣла патріотическія свойства. Онъ горячо желалъ, чтобъ академія состояла изъ «россійскихъ сыновъ», «природныхъ профессоровъ». Для этой главной цѣли онъ старался объ устройствѣ гимназіи и университета и кончившихъ курсъ въ университетѣ студентовъ, въ которыхъ онъ замѣчалъ «добрую надежду плода», представлялъ къ отправленію за границу и требовалъ, чтобъ академія постоянно содержала за границею десять молодыхъ людей, готовящихся къ академическому поприщу, и въ случаѣ недостатка собственныхъ студентовъ, совѣтовалъ брать ихъ изъ Московскаго университета или синодальныхъ семинарій. Онъ самъ представилъ семь человѣкъ, которые по его мнѣнію были достойны отправленія за границу и президентъ распорядился отложить выписку изъ за моря для академіи иностранныхъ профессоровъ, а представленныхъ экзаменовать въ общемъ собраніи. Больной уже предсмертною болѣзнію, Ломоносовъ не присутствовалъ въ канцеляріи и просилъ отсрочить это дѣло до его выздоровленія. Смерть помѣшала его исполненію (26).

Таже самая несчастная судьба помѣшала проэкту преобразованія всей учебной части, регламенту гимназіи и университета и привиллегіи послѣдняго, на которыя Ломоносовъ положилъ такъ много труда и о которыхъ такъ долго заботился, думая ими

---

(25) Стр. 366, 385, 507—510.
(26) Стр. 640—641, 686—689.

дать прочное устройство учебнымъ частямъ академіи. Онъ приготовилъ ихъ для Высочайшаго утвержденія, но до насъ дошли только неопредѣленные ихъ отрывки и извлеченія, изъ которыхъ видно, однакожъ, что университетъ долженъ былъ получить самостоятельную жизнь и быть совершенно полнымъ учрежденіемъ (по времени), какимъ былъ тогда университетъ Московскій. Ломоносовъ даже желалъ оградить науку отъ внѣшнихъ вліяній, которыя были тогда значительны: «духовенству, говоритъ онъ, къ ученіямъ правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать въ проповѣдяхъ» (27). Проэкты эти были составлены Ломоносовымъ въ 1759 году и разсмотрѣны академиками въ началѣ слѣдующаго года, при чемъ Ломоносовъ хлопоталъ о торжественной *инавгураціи* университета. Въ этой инавгураціи, въ этомъ освященіи Высочайшею властію было все для Ломоносова; онъ думалъ, что съ нею университетъ уже самъ собою пойдетъ впередъ. Мнѣнія академиковъ были очень различны; немногіе, какъ Миллеръ, очень благоразумно отрицали торжественное открытіе университета, при недостаткѣ профессоровъ; большинство впрочемъ толковало о рангахъ, жалованьи и пенсіяхъ профессоровъ, и почти всѣ согласились на инавгурацію.

Ломоносовъ употреблялъ всѣ средства для того, чтобъ утверждена была университетская привиллегія. Онъ обращался къ своимъ милостивцамъ и въ особенности къ Шувалову для ходатайства предъ Императрицею. «Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, писалъ онъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные *Ломоносовы*». Но это было не *единственное* желаніе Ломоносова. Съ привиллегіей университета, имъ задуманнаго и проэктированнаго, онъ мечталъ и о себѣ и объ увеличеніи своей власти, и безъ того уже значительной въ академіи, *онъ хотѣлъ быть вицепрезидентомъ ея*. «При представленіи нижайше прошу напомнить, писалъ онъ къ Шувалову, 1) что служу девять лѣтъ въ одномъ чинѣ и остался отъ многихъ; 2) что въ академіи больше мнѣ надобно авторитету,

---

(27) Стр. 392, 394; 402—421, 426—430.

чтобъ иностранные перевѣсу не имѣли; 3) что графъ К. Г. (Разумовскій) и прежде сего представлялъ о вице-президентѣ; 4) что всѣми силами стараюсь о ученыхъ Россіянахъ, сочинилъ регламенты, привелъ въ порядокъ гимназію; 5) и прежде совѣты давалъ о Московскомъ университетѣ; 6) что вице-президентской чинъ не великой, а въ графскихъ отсутствіяхъ надобенъ» (28). Въ благодарность за хлопоты Шувалова, Ломоносовъ обѣщается *въ одинъ годъ сочинить* Петріаду и почтить покровителя благодарственнымъ словомъ на инавгураціи. Привиллегія, за подписью президента, была представлена къ двору и цѣлый годъ не получала утвержденія. Ломоносовъ съ новою просьбою объ утвержденіи обратился къ графу М. Л. Воронцову; онъ писалъ даже просительные стихи Императрицѣ, гдѣ увѣряетъ ее:

твой университетъ,
О имени твоемъ подъ солнцемъ процвѣтетъ!
Тобою данными красуясь вѣчно правы,
Для истинной красы Россійскія державы (29).

Болѣзнь Императрицы, а потомъ ея кончина, перемѣна правительства и появленіе новыхъ людей съ властію помѣшали исполненію желаній Ломоносова. Восшествіе на престолъ Екатерины II снова оживило надежды Ломоносова и не прошло еще мѣсяца послѣ государственнаго переворота, какъ онъ пишетъ уже просительное письмо къ сильному тогда графу Г. Г. Орлову (27 іюля 1762 года), называя его истиннымъ сыномъ отечества. Но, не смотря на преувеличенную стихотворную лесть новому *случайному* человѣку, гдѣ Орловъ выставляется умѣющимъ «*и Марсу слѣдовать и угождать Палладѣ*», героемъ, обновителемъ златого вѣка наукъ на сѣверѣ, не смотря на его униженныя просьбы представить проэктъ регламента на Высочайшее утвержденіе въ послѣдніе мѣсяцы жизни Ломоносова, онъ не достигъ желаемаго. Его вице-президентству противился безъ сомнѣнія Разумовскій или имѣвшій сильное вліяніе на него, враждебный Ломоносову Тепловъ, а регламентъ университета не утверждался самою Императрицею. Послѣднія

---

(28) Стр. 432—433.
(29) Сочиненія, изд. Смирд. Т. I, стр. 280.

очень хорошо понимала, какъ мало тогда Россія нуждалась въ другомъ университетѣ, послѣ Московскаго, гдѣ не было почти студентовъ и съ трудомъ набирались иностранные профессоры. Закрывъ номинально существующій академическій университетъ въ Петербургѣ, на другой годъ послѣ смерти Ломоносова, она стала хлопотать о народныхъ училищахъ, что было гораздо существеннѣе. Начинанія Ломоносова, какъ и во многихъ случаяхъ, не получили дальнѣйшаго хода, а состояніе учебной части въ академіи, не смотря на его заботы, ордеры, регламенты и самовосхваленіе вскорѣ послѣ его смерти было въ самомъ печальномъ положеніи (30). Каждый ученикъ стоилъ значительныхъ суммъ государству, а сколько нибудь дѣльныхъ людей между ними не было.

Еще ближе, чѣмъ учебная часть академіи была къ сердцу Ломоносова часть ученая, назначеніе которой были успѣхи науки. Изъ многочисленныхъ мѣстъ въ его одахъ и стихахъ, въ перепискѣ съ Шуваловымъ и другими, близкими ему знатными, въ рѣчахъ и самыхъ разнообразныхъ запискахъ, изучающій Ломоносова можетъ легко убѣдиться въ томъ, что онъ искренно любилъ науку, заставившую его въ молодости бросить далекую родину, что онъ понималъ ея пользу для Россіи. Единственное мѣсто, гдѣ тогда разработывалась у насъ наука, была академія. Ломоносовъ видѣлъ довольно ясно недостатки академическаго устройства, мѣшавшіе движенію науки впередъ и въ особенности ея практическому примѣненію къ насущнымъ нуждамъ Россіи, а потому заботы о лучшемъ устройствѣ академіи должны были занимать его въ высшей степени. Имъ посвятилъ онъ значительную часть своей академической дѣятельности; они стоили ему большаго труда и большихъ огорченій, потому что вопросъ о реформѣ академіи, которая должна была исправить ея долговременное *несчастіе*, незамѣтно переходилъ въ вопросъ личный и Ломоносову приходилось считаться со многими изъ своихъ товарищей. Главная причина этого академическаго *несчастія*, по мнѣнію Ломоносова, заключалась въ преобладаніи иностранцевъ и Ломоносовъ долженъ былъ бороться съ нѣмецкою партіею, увле-

(30) Стр. 746.

каясь борьбою до несправедливости и часто внося въ нее свои личные интересы и стремленіе къ преобладанію. Мы разскажемъ въ чемъ состояла эта борьба.

Еще въ 1745 году, слѣдовательно тогда, какъ онъ только что сдѣлался профессоромъ и членомъ конференціи, Ломоносовъ уже читаетъ въ засѣданіи академіи свои мысли о состояніи академіи (31). Вѣроятно и тогда еще онъ былъ недоволенъ ея устройствомъ и преобладаніемъ въ ней чужеземнаго элемента. Эта мысль преслѣдовала его неотступно до конца жизни; она была его задушевною мыслію. Академія не пользовалась уже и тогда хорошею славою въ русскомъ обществѣ; слухъ о ея неустройствахъ подъ командою Шумахера дошелъ до двора и президентъ Разумовскій, узнавъ о невыгодныхъ отзывахъ при дворѣ на счетъ управляемаго имъ заведенія, образовалъ коммисію «для отрѣшенія излишествъ отъ академіи». Въ числѣ членовъ этой коммисіи былъ и Ломоносовъ. Но, образованная подъ вліяніемъ придворныхъ рѣчей, коммисія эта была вскорѣ забыта и рапортъ ея оставленъ безъ вниманія (32). Шумахеръ, любимый русскими вельможами и прежде удачно вывернувшійся изъ бѣды во время доноса Партова, спасся и теперь.

Гораздо болѣе дѣятельное участіе въ вопросѣ о преобразованіи академіи Ломоносовъ сталъ принимать съ 1755 года, когда сама академія должна была взяться за этотъ вопросъ, будучи вызвана на то указомъ Сената 24 августа 1754 года, требовавшимъ проэктовъ уставовъ отъ всѣхъ учрежденій имперіи. Пересмотръ академическаго регламента порученъ былъ академику Тауберту и предположенія послѣдняго нѣсколько времени разсматривались дѣятельно въ засѣданіяхъ академіи. Плодомъ личнаго участія Ломоносова въ этомъ дѣлѣ, близкомъ его сердцу, было «Всенижайшее мнѣніе о исправленіи Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ», поданное имъ въ конференцію (33). Состояніе академіи называетъ онъ *испорченнымъ*; поведеніе ея–*мало полезнымъ*. Высказывая прямо недостатки академіи и ея жалкое состояніе, Ломоносовъ

---

(31) Матеріалы, стр. 72.
(32) Стр. 070—071.
(33) Очерки Россіи *В. Пассека*, Кн. II. М. 1840, стр. 48—65.

убѣжденъ однакожъ, что печальному дѣлу легко помочь уставами: «Сіи недостатки никогдабъ не были столь велики, говоритъ онъ, и никакимъ бы партикулярнымъ пристрастіемъ или интересомъ желанное приращеніе наукъ не моглобъ пресѣкаться и приходить въ непорядокъ, когда бы въ академическомъ регламентѣ узаконенія были на всѣ случаи довольны, и утверждены толь неподвижно, чтобы ихъ никто не могъ перемѣнить или толковать по своему произволенію».

Существенный недостатокъ академіи, по мнѣнію Ломоносова, заключается въ томъ, что прежній регламентъ ея «препятствуетъ произведенію и размноженію ученыхъ людей въ Россіи». Поэтому необходимо увеличить часть учебную, для чего надобно допустить въ академическій университетъ даже лицъ податнаго состоянія и не принимать только дѣтей *холопскихъ*, дать высшіе ранги профессорамъ («капитанскіе чины профессорамъ малы а адъюнктамъ и никакихъ нѣтъ»), учредить для академиковъ награды и штрафы и пр. Ломоносовъ былъ вообще поклонникомъ чиновъ, познакомившись съ ними въ чинолюбивой Германіи и видя ихъ значеніе въ петербургскомъ обществѣ. Онъ ожидаетъ отъ нихъ разнообразной пользы: «Между равными, а особливо между вышними чинами была бы всегда дружба и согласіе. Отъ нижнихъ къ вышнимъ пристойное почтеніе, отъ подчиненныхъ къ начальникамъ законное послушаніе. Все сіе къ безпрепятственному приращенію наукъ и къ пріобрѣтенію отъ народа къ нимъ почтенія и любленія необходимо нужно». Такимъ внѣшнимъ причинамъ приписывалъ Ломоносовъ успѣхи наукъ въ нашемъ отечествѣ. Самымъ справедливымъ замѣчаніемъ его было то, что регламентъ 1747 года, написанный Тепловымъ, былъ составленъ по личнымъ соображеніямъ, въ угоду тогдашнему составу академіи. «Диво, что въ академіи нѣтъ музыки, замѣчаетъ онъ иронически, ба! да Шумахеръ танцовать не умѣетъ».

Въ каждое мнѣніе свое, при желаніи провести его въ академической конференціи, Ломоносовъ вносилъ такъ много личной страсти, что долженъ былъ безпрестанно ссориться и дѣло отъ того не выигрывало. И въ этомъ дѣлѣ, въ самомъ началѣ разсужденій академиковъ о проэктѣ новаго устава, желаніямъ Ломоносова помѣшала его ссора съ Тепловымъ, который стоялъ за прежній регламентъ и не хотѣлъ допустить

его разсмотрѣнія. Ломоносова осудили въ конференціи; по ордеру президента, ему запрещено было присутствовать въ академическихъ собраніяхъ; онъ долженъ былъ выслушать письменный выговоръ и ему пришлось жаловаться Шувалову и просить его покровительства и защиты (34). Вѣроятно и тогда Ломоносовъ, если не прямо заговорилъ, то намекнулъ о должности вице-президента, которая казалась ему необходимою, такъ какъ президентъ Разумовскій, гетманъ Малороссіи, очень мало занимался академіей. Тепловъ, управлявшій академіей по вліянію своему на Разумовскаго, долженъ былъ возстать противъ такого предложенія, которое подрывало его значеніе и вооружить противъ него Разумовскаго. Но гнѣвъ послѣдняго продолжался не долго; онъ уступилъ, можетъ быть ходатайству Шувалова и Ломоносову возвращено было очень скоро право присутствовать въ засѣданіяхъ. Тѣмъ не менѣе стремленія его къ реформѣ не имѣли успѣха.

Но, черезъ три года послѣ этой неудачной попытки, сдѣлавшись членомъ академической канцеляріи, Ломоносовъ снова берется за преобразованіе академіи. Въ представленіи Разумовскому, поданномъ въ январѣ 1758 года, онъ говоритъ объ излишествѣ, недостаткѣ и замѣшательствѣ академіи (35). *Излишество* онъ видитъ въ томъ, что канцелярія, вмѣсто научныхъ вопросовъ, занимается мелочами, что академія беретъ на себя производство нѣкоторыхъ ремеслъ, торгуетъ заграничными книгами и т. п. *Недостатки* заключаются въ томъ, что департаменты академіи разъединены между собою, что въ ней нѣтъ «Россійскаго собранія», что академія и университетъ въ весьма плохомъ состояніи, а главное: *недостаетъ регламентовъ, инструкцій и штатовъ*. Недостатокъ ихъ и составляетъ причину академическихъ *замѣшательствъ*. Содержаніе послѣднихъ, впрочемъ, почти все состоитъ въ жалобахъ на постояннаго врага Ломоносова — Миллера. Высказывая то, что надобно сдѣлать для лучшаго устройства академіи, устраняя лишнее и прибавляя недостающее, Ломоносовъ приходитъ въ заключеніи своей записки опять къ необходимости вице-президента, «который бы зная науки и со-

(34) Матеріалы, стр. 289—294.
(35) Стр. 359—362.

стояніе академическое, могъ совѣтомъ и дѣломъ прекращать внутреннія неудовольствія, всѣ недостатки исправлять и приводить науки въ цвѣтущее состояніе подъ повелѣніемъ и покровительствомъ Вашего Сіятельства, облегчая труды Ваши». Если Ломоносовъ и не сдѣланъ былъ прямо вице-президентомъ, то вскорѣ послѣ его представленія послѣдовавшее порученіе ему учебной и ученой части совершенно равнялось этой должности. Онъ дѣлался какъ бы помощникомъ президента и самовластнымъ лицемъ въ академіи. Теперь ему было удобнѣе осуществлять свои планы преобразованія.

Дѣйствительно, не покидая мечты о вице-президентствѣ и употребляя, какъ мы видѣли, разныя усилія для ея осуществленія, Ломоносовъ дѣятельно хлопочетъ о реформѣ академіи, считая неразрывными съ нею и для нея необходимыми академическіе гимназію и университетъ. Къ 1760 году относится большая статья его *о необходимости преобразованія академіи* (36), которая вся однакожъ сводится къ тому, что необходимъ вице-президентъ и въ немъ Ломоносовъ указываетъ на себя. *Вкоренившееся и застарѣлое несчастіе* академіи мѣшаетъ исправленію ея, согласно требованіямъ Высочайшаго указа 24 августа 1754 года, но не смотря на всѣ препятствія и огорченія, Ломоносовъ говоритъ, что онъ «предпріялъ отдать отечеству *послѣднюю должность*. Ибо ежели симъ ничего не успѣю, твердо увѣренъ буду, что нѣтъ Божія благоволенія, дабы по мѣрѣ желанія и щедролюбія Великія нашея Государыни ученые люди размножились и науки распространялись и процвѣтали въ отечествѣ». Записка Ломоносова состоитъ изъ трехъ частей: въ первой авторъ говоритъ о печальномъ состояніи академіи, во второй излагаетъ причины ея паденія и въ третьей, наконецъ, предлагаетъ способы къ исправленію и къ приведенію ея въ цвѣтущее состояніе. Первая часть есть краткая исторія академіи, почти повторенная Ломоносовымъ въ другой, нѣсколько позднѣйшей запискѣ его, «краткая исторія о поведеніи академической канцеляріи», такъ какъ въ канцеляріи сосредоточивалось все управленіе академіей. Положеніе академіи въ высшей степени прискорбно.

---

(36) Стр. 435—455.

По словамъ Ломоносова она представляется «безъ внѣшняго вида и украшенія, безъ внутренняго удовольствія и жизненнаго движенія»; она похожа на «уродливое тѣло»; въ сравненіи съ нею состояніе кадетскаго корпуса самое блестящее. Двѣ причины этого жалкаго положенія академіи: съ одной стороны—управленіе академіей людьми совершенно неучеными; съ другой «недоброхотство къ учащимся Россіянамъ въ наставленіи, содержаніи и произведеніи». Главною пружиною первой и второй причины является Шумахеръ и Ломоносовъ довольно подробно излагаетъ его продѣлки въ академіи, его ловкое управленіе профессорами, его хитрую лесть знатнымъ и сознательное нежеланіе дать ходъ русскимъ студентамъ и профессорамъ. Помочь бѣдственному положенію академіи можетъ только новый регламентъ и новый штатъ. Существенный недостатокъ прежняго устава состоитъ въ томъ, «что Санктпетербургская Академія Наукъ нынѣ и впредъ должна состоять по большей части изъ иностранныхъ: то есть, что природные Россіяне къ тому неспособны» и что этимъ уставомъ «отнята вся надежда къ произведенію въ вышшія чины профессоровъ». Повторяя болѣе подробно свои прежнія основанія, высказанныя шесть лѣтъ тому назадъ, Ломоносовъ утверждаетъ, что «еслибы ранги были расположены, то дворяне возымѣли бы охоту не менѣе къ наукамъ, какъ къ военному искуству и чрезъ то бы изъ Академіи въ статскихъ чинахъ ученые дворяне размножились и честь наукъ возвысили». Поэтому для исправленія академіи, необходимо отнять въ ней власть надъ науками у людей мало ученыхъ и способствовать всѣми средствами успѣху ученыхъ россіянъ. Въ штатѣ, составленномъ Ломоносовымъ и приложенномъ къ этой запискѣ, является вице-президентъ и онъ не забылъ здѣсь своихъ личныхъ отношеній, отнимая должности у враговъ своихъ, Миллера и Тауберта.

Проэктъ этотъ отданъ былъ Ломоносовымъ Шувалову съ просьбою представить Императрицѣ, но его постигла таже участь, какъ и проэктъ преобразованія учебной части, съ которымъ онъ составлялъ одно цѣлое. Только за годъ до смерти Ломоносова, Разумовскій поручилъ ему наконецъ оффиціально, вмѣстѣ съ Таубертомъ, въ 1764 году, составить новый про-

экть для преобразованія академіи (37). Ломоносовъ долженъ былъ обрадоваться этому порученію, которымъ осуществлялись его лучшія надежды и намѣренія, его продолжительное и упорное стремленіе. Онъ очень усердно, съ привычнымъ пыломъ своимъ, принялся за исполненіе этого порученія и уже 10 сентября представилъ президенту проэктъ новаго регламента Академіи Наукъ (38). Въ этомъ проэктѣ Ломоносовъ проводитъ наконецъ свои любимыя идеи. Президентъ академіи долженъ быть «природной Россіянинъ». Вице-президентъ ея—«изъ ординарныхъ академиковъ, служившихъ въ здѣшней Академіи не малое время и показавшихъ свое въ наукахъ отмѣнное знаніе изданными въ свѣтъ сочиненіями». Академики постепенно должны набираться изъ русскихъ. «Честь россійскаго народа, говоритъ Ломоносовъ, требуетъ, чтобъ показать способность и остроту его въ наукахъ и что наше отечество можетъ пользоваться собственными своими сынами, не токмо въ военной храбрости и въ другихъ важныхъ дѣлахъ, но и въ разсужденіи высокихъ знаній». Поэтому, покуда, за неимѣніемъ своихъ, иностранные академики должны выбираться съ особою осмотрительностію; адъюнкты же всѣ должны быть русскіе. Отъ академиковъ требуется изданіе книгъ по своей профессіи на языкѣ русскомъ. Въ требованіяхъ новаго устава отъ историографа заключается прямой намекъ на Миллера, занимавшаго тогда это мѣсто въ академіи. Надобно смотрѣть прилежно, чтобъ историографъ: «1) былъ человѣкъ надежный и вѣрный и для того нарочно присягнувшій, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать извѣстій, надлежащихъ до политическихъ дѣлъ критическаго состоянія; 2) природной россіянинъ; 3) чтобъ не былъ склоненъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ ко пьянству и посмѣянію». Новый проэктъ этотъ, въ которомъ приводились въ исполненіе всѣ задушевныя мысли Ломоносова касательно преобразованія академіи, отдѣлялись всѣ ея изящества: департаментъ художествъ, типографія, книжная лавка и уничтожалась столь ненавистная ему канцелярія, которой *поведеніе* онъ тогда же изложилъ въ особой исторической запискѣ, состоящей изъ 71 параграфа, былъ одобренъ ака-

(37) Стр. 637.
(38) Стр. 652—669.

демиками и президентомъ и представленъ графу Орлову для поднесенія на утвержденіе Императрицы. Въ немъ, писали всѣ члены академіи словами Ломоносова къ Орлову, «отвращены всѣ прежнія неудобности, бывшія въ тягость наукамъ. По сему штату, регламенту и привиллегіи здѣшняя Императорская Академія Наукъ достигнетъ въ краткое время до самаго цвѣтущаго состоянія къ пользѣ отечества и къ безсмертной славѣ ея Императорскаго Величества» (39). Приготовленъ былъ Высочайшій указъ, сочиненный Ломоносовымъ, для опубликованія этого регламента. Ломоносовъ былъ вполнѣ увѣренъ въ скоромъ утвержденіи его. «Ежели жъ онаго не воспослѣдуетъ, говоритъ онъ, то вѣрить должно, что нѣтъ Божескаго благоволенія, чтобы науки возрасли и распространились въ Россіи» (40). Не смотря на эту высказанную имъ съ горечью дилемму и всѣ старанія и хлопоты Ломоносова, находившагося въ то время въ очень непріятныхъ отношеніяхъ по поводу Шлецеровскаго дѣла, проэктъ этотъ не былъ утвержденъ и умирая, Ломоносовъ уносилъ съ собою въ могилу печальное убѣжденіе, что «благія намѣренія его исчезнутъ вмѣстѣ съ нимъ».

Рядомъ съ этимъ стремленіемъ къ регламентаціи, въ всемогущество которой для успѣховъ науки вѣрилъ Ломоносовъ, выступаетъ передъ нами та *академическая борьба*, вызванная «извѣданнымъ слезными опытами академическимъ несчастіемъ» съ «недоброхотами россійскаго рода», съ «гонителями наукъ», въ которую онъ вносилъ весь пылъ своего неуступчиваго характера и гордое самомнѣніе. Борьба эта выставляется обыкновенно, какъ величайшая заслуга нашего великаго человѣка, потому что источникомъ ея было глубокое патріотическое чувство и сознаніе долга и обязанностей. «Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, пишетъ онъ къ Теплову, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилѣжанія въ ученіи и нынѣ дозволилъ случаи, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей доро-

(39) Стр. 670.
(40) Стр. 0101.

же» (41). «Чтожъ до меня надлежитъ, заключаетъ онъ, то къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятельми наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ съ молода, на старость не покину». Въ увлеченіи этою борьбою, Ломоносовъ часто преувеличивалъ свое положеніе, многое видѣлъ въ ложномъ свѣтѣ и любилъ жаловаться на притѣсненія и обиды со стороны враговъ своихъ, подозрѣвая въ нихъ часто то, чего на самомъ дѣлѣ не было. Его самолюбіе раздражалось иногда до крайности. Примѣромъ можетъ служить его обидчивость по поводу очень скромной и незначительной статьи Тредіаковскаго о мозаикѣ, помѣщенной въ журналѣ Сумарокова «Трудолюбивая пчела», 1759 года. Въ простой замѣткѣ онъ видитъ цѣлый злостный комплотъ противъ себя. (42). Раздражаясь ею, онъ жалуется Шувалову на посмѣяніе, ругательства, ожидаетъ раззоренія и униженія. И въ другихъ своихъ дѣлахъ и намѣреніяхъ, онъ также видитъ вездѣ козни и препятствія, зависть и остановки, упрекаетъ нѣмецкихъ академиковъ, что они бѣгаютъ по знатнымъ домамъ и ихъ ложныя представленія доходятъ даже въ «домъ государской». Подобные происки онъ постоянно объясняетъ враждою нѣмецкихъ ученыхъ къ русскимъ, желаніемъ не дать хода послѣднимъ. «Какое же можетъ быть усердіе у Россіянъ, учащихся въ Академіи, говоритъ онъ нескромно о себѣ, когда видятъ, что *самой первой изъ нихъ, уже черезъ науки въ отечествѣ и Европѣ знатность заслужившій и самимъ высочайшимъ особамъ не безъизвѣстной*, принуждены безпрестанно обороняться отъ недоброжелательныхъ происковъ и претерпѣвать нападенія почти даже до самаго конечнаго опроверженія и истребленія?» (43).

Безспорно у Ломоносова съ его запосчивымъ, самолюбивымъ и тщеславнымъ характеромъ было довольно враговъ въ академіи между нѣмецкими членами. Конечно они употребляли всѣ средства, находившіяся въ ихъ распоряженіи, чтобъ представить самаго Ломоносова и большую часть его начинаній въ невыгодномъ свѣтѣ въ глазахъ вельможъ и двора, гдѣ сосре-

---

(41) Стр. 500; 502—503.
(42) Стр. 389.
(43) Стр. 099.

доточивалось тогда общественное мнѣніе; нѣмцы доходили даже до шутливой пѣсенки въ сатирическомъ родѣ, въ которой выставлялись на позоръ дурныя стороны его характера и особенно его несчастная страсть къ вину (44), мѣшали его производству въ чины и вообще не отказывались при случаѣ повредить ему. Но все это были мелочи. Мы не имѣемъ положительныхъ документовъ для доказательства серьезнаго вреда, нанесеннаго ему лично нѣмецкой партіей. Пресловутый Шумахеръ, въ началѣ академической службы Ломоносова, даже покровительствуетъ ему, а потому положительно можно утверждать, что на основаніи безпрестанныхъ жалобъ Ломоносова вовсе не слѣдуетъ изображать его жертвою враждебной силы. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ характерамъ, которые не дадутъ безнаказанно наступить себѣ на ногу и, окруженный еще при жизни извѣстностію и славою, о которой онъ самъ привыкъ повторять очень неумѣренно и на которую не скупились его литературные современники, въ особенности, когда дѣло шло о его поэтическихъ дарованіяхъ и произведеніяхъ, (для научныхъ заслугъ Ломоносова долго не было судей въ русскомъ обществѣ), онъ имѣлъ много средствъ и для борьбы съ своими врагами и для успѣха своихъ начинаній. Величайшимъ врагомъ Ломоносова къ сожалѣнію былъ самъ онъ. Его гордость и тщеславная похвальба своими заслугами, его презрѣніе къ людямъ ниже его стоящимъ и къ равнымъ, его стремленіе къ самовластію, должны были невольно производить ему личныхъ враговъ и все то, что Ломоносовъ приписывалъ національной враждѣ, легко можетъ быть объяснено и личнымъ къ нему нерасположеніемъ. Къ этому надобно присоединить еще неумѣнье владѣть собою, неумѣнье сдерживать свои страсти, особенно, когда онѣ разгарались полъ

---

(44) Русскій Архивъ П. И. Бартенева 1865 года, № 1-й, стр. 77—90. Нѣмецкое уваженіе къ историческимъ преданіямъ науки въ особенности оскорблялось аутодидактическою запосчивостію Ломоносова:

«Er schimpft auf jedes Stücke,
Was er nicht selber ausgedacht
Und jemand schon vor ihm gemacht.
Das fördert ihm sein Glücke».

Замѣтить надобно, что русскія сатирическія выходки тогдашнихъ писателей на Ломоносова были гораздо грязнѣе.

вліяніемъ вина. «Тогда его природная грубость переходила въ бѣшенство; все трепетало передъ разъяреннымъ и никто не смѣлъ указать на дверь пьяному Ломоносову» (45). Такими минутами умѣли разумѣется пользоваться его враги и онѣ портили все начатое.

Самолюбивый въ высшей степени, Ломоносовъ доходилъ иногда до ребячества. Еще не имѣя дѣйствительнаго первенства въ академіи, онъ поднимаетъ исторію изъ того, что имя его, въ порядкѣ списка членовъ на протоколахъ засѣданій, не стоитъ первымъ и когда другіе члены были написаны выше его, то онъ замарывалъ свое имя и ставилъ его выше другихъ (46). Не разъ раздиралъ онъ протоколы засѣданій по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Въ этомъ спорѣ о старшинствѣ принималъ участіе и Тредіаковскій, который доказывалъ, что онъ старѣе Ломоносова по службѣ и первый изъ россійскихъ подданныхъ пожалованъ профессоромъ. «Господинъ Совѣтникъ явно отнялъ у меня старшинство, пишетъ въ своемъ *доношеніи* Тредіаковскій, утверждаясь безъ всякаго на то указа, что онъ отличную имѣетъ науку, толкуя сіе слово *отличный* неправо, а именно такъ, что будто его наука предъ нами всѣми лучшая; вмѣсто того что долженъ онъ разумѣть такъ, что его наука предъ нашею *видяе*, какъ то и праведно, для того, что ему только одному приказано было отъ вышнихъ сочинять *оды, панегірікъ* и прочее, хотя все сіе и не его дѣло, чѣмъ наука его и сдѣлалась *видною*, но ежелибъ Всемилостивѣйшая Государыня восхотѣла его науку признать лучшею предъ нашею, тобъ несомнѣнно изволила то объявить словомъ *отмынныя науки*, а не *отличныя*... Какъ можетъ его наука быть *отличною* предъ нашею для того, что премножество въ его наукѣ погрѣшностей, лжи и самаго грубаго незнанія, что, ежели потребуется, толь легко есть доказать, коль сіе самое выговорить» (47).

Въ литературномъ мірѣ того времени людей не связывала общая и благородная цѣль преуспѣянія страны своей; ихъ не соединяли идеи. Литература не была выраженіемъ обще-

---

(45) Schlözer,. S. 220.

(46) Матеріалы, стр. 232

(47) Стр. 429.

ственнаго мнѣнія, какъ это было въ странахъ западно-европейскаго развитія. Она не имѣла никакой дѣйствительной силы и самое существованіе ея было случайно, а потому писатели соединены были съ своимъ дѣломъ совершенно внѣшними поводами. Въ поэзіи, которая представляла единственное литературное стремленіе эпохи, господствовали только внѣшнія формы и пустая риторика; содержаніе ея было до крайности пусто и она имѣла только декоративный характеръ. Этотъ декоративный характеръ поэзіи приходился по плечу знатному обществу того времени, которое искало въ ней не думы, не чувства, а забавы. Поэты, не имѣя ничего общаго съ народомъ, оторванные отъ него, даже враждебные ему, обращались между знатными; здѣсь, въ полу-французскихъ, полу-татарскихъ салонахъ русскихъ вельможъ XVIII вѣка, они замѣнили собою старинныхъ шутовъ и забавляли милостивцевъ очень часто тѣми же продѣлками. Это явленіе схоластическаго времени надолго уронило поэта въ мнѣніи русскаго общества и было причиною неблагопріятнаго взгляда вообще на поэзію, такъ долго существовавшаго въ немъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда поэзія касалась высокихъ моментовъ государственной исторіи. Конечно гордая натура Ломоносова не подходитъ подъ общій уровень: «не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, пишетъ онъ къ своему меценату; но ниже у самаго Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ». Но и онъ платилъ дань вѣку, и онъ слѣдовалъ за чужимъ примѣромъ, расточая унижешную лесть и добиваясь личныхъ выгодъ при помощи знатныхъ. Довольно можно найти этой лести въ его отношеніяхъ къ покровителямъ, въ письмахъ къ нимъ. Обращеніе въ кругу знатнаго общества, которое съ своей точки зрѣнія смотрѣло на литературу и вообще на поэтовъ, было очень невыгодно для нравственнаго достоинства послѣднихъ. Добиваясь милости у вельможъ, они ревниво завидовали другъ другу, старались выставить другъ друга въ невыгодномъ свѣтѣ, клеветали другъ на друга. Каждый успѣхъ одного раздражалъ другаго и вотъ причина той ожесточенной, раздражительной, но въ сущности мелкой и довольно грязной вражды между литературными представителями того времени, памятники ко-

торой сохранились въ нѣсколькихъ сатирическихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ тогдашними представителями другъ на друга (48). Взаимная вражда Ломоносова, Сумарокова и Тредіаковскаго очень извѣстна въ литературныхъ преданіяхъ. Шуваловъ любилъ стравливать первыхъ двухъ и потѣшался надъ ихъ выходками; извѣстно также энергическое сравненіе Ломоносова дружбы съ Сумароковымъ, высказанное имъ въ письмѣ къ Шувалову (49). Но и Сумароковъ не оставался въ долгу. Жалуясь тому же покровителю на свою бѣдность и на то, что Ломоносовъ, какъ членъ академической канцеляріи, требовалъ вычета изъ театральнаго жалованья Сумарокова денегъ за печатаніе академіей его изданій, онъ выражается такъ о своемъ соперникѣ: «Ему, деревни, домъ и хорошіе доходы имѣющему, жить легко, а мнѣ со всѣмъ моимъ домомъ лишаему быть на цѣлую треть моего пропитанія, трудновато. Когда Ломоносовъ пьетъ и во пьянствѣ подписываетъ промеморіи, должепъ ли я въ чужомъ пиру имѣть похмѣлье? Онъ опивается, а я чувствую похмѣлье» (50).

Безпрестанныя жалобы Ломоносова на своихъ недоброхотовъ, ненавистниковъ, зоиловъ, на то, что на каждомъ шагу онъ встрѣчаетъ помѣхи и препятствія задумашнымъ имъ предпріятіямъ, желаніе выставить себя жертвою—вообще довольно подозрительны. Имъ какъ то трудно вѣрится и Ломоносовъ былъ не такимъ человѣкомъ, который дался бы въ обиду: и нападать и мстить и доносить онъ также умѣлъ, какъ и прочіе. При томъ, на сколько возможна была въ его время, при тогдашнемъ состояніи русскаго общества и при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ находился, слава для русскаго поэта и для русскаго ученаго, власть и значеніе въ кругу его дѣятельности, — онъ пользовался ими въ достаточной степени. Чины и награды идутъ своимъ чередомъ для Ломоносова; у него есть и своя деревня съ крѣпостными му-

---

(48) См. извѣстную въ исторіи русской литературы рукопись нашего университета и статью о ней и вообще о литературной полемикѣ прошлаго вѣка А. Н. Аѳанасьева въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г., стр. 449—476 и 513—528.

(49) Матеріалы, стр. 487.

(50) Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Изд. Я. К. Гротомъ. СПБ. 1862. стр. 36.

жиками и домъ въ Петербургѣ; фабрика даетъ ему доходы, жалованьемъ въ академіи онъ не обиженъ. Власть его въ ней, для которой онъ желалъ только названія вице-президента, была весьма значительныхъ размѣровъ. Въ 1758 году президентъ академіи ордеромъ своимъ давалъ ей знать: «Коллежскому Совѣтнику Господину Ломоносову имѣть особливое прилежное стараніе и смотрѣніе, дабы въ академическомъ, историческомъ и географическомъ собраніяхъ, такожъ въ университетѣ и въ гимназіи все происходило порядочно, и каждой бы должность свою въ силу регламента и данныхъ особливыхъ инструкцій отправлялъ со всякимъ усердіемъ» (51). Это значило отдать всю ученую часть академіи въ полное распоряженіе Ломоносова (directio rerum academicarum ad scientias pertinentium). Черезъ два года гимназія и университетъ отданы были также въ полное и единовластное распоряженіе Ломоносова и будучи сильнымъ лицемъ въ канцеляріи, онъ очень скоро сталъ самовластно распоряжаться въ академіи; его ордеры уважались наравнѣ съ президентскими и Ломоносовъ рѣшался даже протестовать противъ распоряженій главнаго начальника (52).

Пользуясь властію и значеніемъ въ академіи, пріязнію и уваженіемъ самыхъ знатныхъ и самыхъ сильныхъ людей въ государствѣ: Шувалова, графовъ Воронцова и Орлова, Ломоносовъ могъ не бояться обидъ. Его слава была признана. Еще въ 1757 году, по распоряженію И. И. Шувалова, въ типографіи Московскаго университета были напечатаны сочиненія его съ гравированнымъ портретомъ, подъ которымъ стояла слѣдующая риторическая надпись ученика его Поповскаго:

Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ витію,
Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.
Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россовъ,
Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ.

Льстивыя и неумѣренныя выраженія этой надписи на долго,

---

(51) Матеріалы, стр. 368.
(52) Стр. 536.

чуть ли не на цѣлое столѣтіе сдѣлались содержаніемъ критической оцѣнки Ломоносова въ нашей литературѣ. Правда Ломоносовъ писалъ Шувалову: «стыжусь, что я нагрыдырованъ», но самъ онъ никогда не пропускалъ случая похвалиться своимъ геніемъ, своими изобрѣтеніями, своими литературными талантами и своими трудами на пользу просвѣщенія родной страны. Вообще не въ его правахъ была скромность, не въ его обычаѣ—скрывать свои достоинства.

Ученая и литературная слава Ломоносова окружала его при жизни. Знаменитый Эйлеръ, правда уклончиво и въ довольно общихъ выраженіяхъ, признавалъ его научныя заслуги. (53) О немъ писали за границу къ Вольтеру, какъ о представителѣ русской науки и русскаго генія. Его избирали въ члены, какъ знаменитость, разныя академіи. Русская академія художествъ въ 1763 году избрала его въ почетные члены, торжественно заявляя, что онъ «знаніемъ и заслугами извѣстный въ ученомъ свѣтѣ, не токмо простираясь въ наукахъ славное пріобрѣлъ имя, но и по склонности къ художествамъ открылъ къ славѣ Россіи толь рѣдкое еще въ свѣтѣ мозаичное искусство». (54) Его знатные покровители, можетъ быть дѣйствительно гордясь славою своего соотечественника, хлопотали и о распространеніи ея за границею. По желанію графа Воронцова Ломоносовъ былъ избранъ въ члены болонской академіи наукъ, о чемъ тогда же напечатано было въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Довольный этимъ избраніемъ и сообщая о немъ Шувалову, уѣхавшему за границу, Ломоносовъ проситъ его ходатайства объ избраніи еще въ члены парижской академіи наукъ. «Въ Парижской Академіи Наукъ, пишетъ онъ, есть порожнее мѣсто иностраннаго почетнаго члена. А какъ не сомнѣваюсь, что Ваше Высокопревосходительство у тамошняго двора знатныхъ пріятелей имѣете; для того *унижено про-*

---

(53) Toutes ces pièces (диссертаціи Л—ва) sont non seulement bonnes, mais trés excellentes; car elles traitent les matières de la physique et de la chimie les plus intéressantes et qui sont tout à fait inconnues et inexplicables aux plus grands génies, avec tant de solidité, que je suis tout à fait convaincu de la justesse de ses explications.

(54) Стр. 619.

ему рекомендовать меня на опое мѣсто. Тамошняя академія о моихъ ученыхъ дѣлахъ довольно извѣстна. Ей же весьма пристойно и надобно имѣть въ здѣшней академіи члена, особливо природнаго Россіянина. Сіе избраніе послужить можетъ не только къ моей похвалѣ, но и къ подлинной славѣ нашего отечества» (55). За годъ до смерти Ломоносова, Екатерина, изъ уваженія къ славѣ и заслугамъ русскаго ученаго, посѣтила его въ лабораторіи и едва только умеръ Ломоносовъ, какъ французская муза племянника его мецената, графа А. П. Шувалова, провозглашала на всю Европу:

«Отъ предѣловъ сарматскихъ до странъ Авроры, гдѣ каждый день возрождается обожаемое свѣтило, отъ скалъ Кавказа до границъ Сѣвера,—все исполнено его славою, все чтитъ его память и оплакиваетъ его смерть.

«Въ нашихъ льдистыхъ пустыняхъ, въ нашихъ сырыхъ пещерахъ, безъ всякой помощи, безъ образцевъ и безъ руководителей, онъ первый дерзнулъ заняться изящными науками и изъ глубины Греціи, заставилъ течь пермесскія струи въ наши счастливые предѣлы.

«Рѣдкимъ даромъ соединяя въ себѣ пальмы Архимеда съ лаврами Пиндара, перо Тацита съ цвѣтами Цицерона, его голосъ бодро проповѣдывалъ разумъ въ дикой странѣ» и пр. (56)

Ломоносовъ не принадлежалъ къ числу непонятыхъ и преслѣдуемыхъ современниками геніевъ. Русская жизнь, по особеннымъ историческимъ условіямъ своимъ, еще не представляла таковыхъ, да едва ли и представитъ ихъ когда нибудь. Слава дается легко у насъ, ее слишкомъ скоро достигаютъ, но за то она и бываетъ такъ скоропреходяща, какъ направленія нашей общественной жизни. Ломоносовъ отстаивалъ эту славу, подозрительно боялся малѣйшаго ущерба ея и нападалъ на другихъ, если они шли по одной съ нимъ дорогѣ. Это назы-

---

(55) Стр. 644.

(56) Сборникъ Кулика, стр. 206. Сочинитель оды говоритъ объ отношеніяхъ къ Л—ву Императрицы: «elle l'admit même dans cette familiarité, dont on ne voit les traces que dans le siècle d'Auguste: familiarité qui ne tourna jamais à l'amertume du savant». Это была обычная фраза того вѣка.

валъ онъ борьбою съ недоброхотами русскаго имени. Любопытнымъ памятникомъ такой борьбы могутъ служить его отношенія къ Миллеру и Шлецеру.

Изъ нѣмецкихъ членовъ русской академіи въ XVIII вѣкѣ, Герардъ Фридрихъ Миллеръ больше всѣхъ принесъ пользы русскому образованію своими основательными и многочисленными трудами по русской исторіи и своею журнальною дѣятельностію, первою учено-литературною попыткою въ этомъ родѣ въ нашемъ отечествѣ (57). Изслѣдователь нашей исторіи и нашей литературы съ глубокою благодарностію помнитъ почтенное имя этого человѣка, отдавшаго всю жизнь свою странѣ ему чуждой, куда увлекла его слава Петра В. и еще неоткрытыя европейской наукой темныя пространства древней сѣверной исторіи. Онъ явился въ Россію однимъ изъ первыхъ членовъ ея академіи, только что основанной въ 1725 году, двадцатилѣтнимъ юношей, и дѣятельно и усердно служилъ ей въ теченіе 58 лѣтъ. Императрица Екатерина II особенно любила Миллера и покровительствовала ему; признаніе заслугъ своихъ, награды и отличія онъ получилъ уже въ ея царствованіе. Но при Елисаветѣ жизнь Миллера въ академіи была полна невзгодъ и огорченій; господствовавшая тогда русская партія надѣлала ему множество непріятностей и въ числѣ лицъ, болѣе всего враждебныхъ къ Миллеру, къ крайнему сожалѣнію, намъ приводится говорить о Ломоносовѣ, увлеченномъ ложно понятымъ патріотическимъ чувствомъ, если не чѣмъ либо другимъ, гораздо болѣе худшимъ. Изъ замѣтокъ, выходокъ, оффиціальныхъ бумагъ и разныхъ донесеній Ломоносова въ ака-

---

(57) Подробныя свѣдѣнія о жизни Миллера, въ особенности о его дѣтствѣ, находятся въ сочиненіи извѣстнаго біографа XVIII вѣка и друга Миллера — Бюшинга: «Beyträge zu der Lebengeschichte denkwürdiger Personen». Halle. 1785. Th. III. S. 1—160. Онѣ послужили основаніемъ для краткой біографіи Миллера въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія. М. 1845. Т. II, стр. 54 — 89, гдѣ можно найти довольно полный перечень сочиненій и изданій трудолюбиваго ученаго.—Объ историческихъ заслугахъ его см. статью С. М. Соловьева: «Герардъ Фридрихъ Миллеръ» въ Современникѣ 1854 г., Т. XLVII, отд. II, стр. 115—150, а о журнальной дѣятельности—статьи В. Милютина: «Ежемѣсячныя Сочиненія, журналъ 1755—1764 годовъ», также въ Современникѣ, 1851 г., Т. XXV, отд. II, стр. 1—52 и Т. XXVI, стр. 1—48.

демію, Миллеръ является въ очень неблагопріятномъ свѣтѣ. Вѣря Ломоносову, мы должны видѣть въ Миллерѣ сознательнаго врага Россіи.

Воспитанный въ строгой школѣ германской науки, сначала въ гимназіи своего роднаго вестфальскаго городка Герфорда, гдѣ отецъ его былъ ректоромъ, а потомъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, подъ вліяніемъ Готшеда и Менке, Миллеръ пришелъ съ собою въ Россію обширныя знанія, неутомимую любовь къ труду и широкую любознательность. Уже въ первые годы пребыванія своего въ Петербургѣ, онъ могъ приносить пользу нашему отечеству, узнавъ довольно основательно русскій языкъ. Вскорѣ промѣнялъ онъ безплодную обязанность преподавателя латинскаго языка, исторіи и географіи въ академической гимназіи на званіе вице-секретаря академіи (настоящимъ секретаремъ былъ Гольдбахъ, выѣхавшій въ Москву вмѣстѣ съ дворомъ въ 1727 году). Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ издалъ первые два тома записокъ или «Комментаріи» нашей академіи на языкѣ латинскомъ и «Сокращеніе комментаріевъ» на языкѣ русскомъ, первую попытку познакомить русское общество съ трудами петербургскихъ академиковъ. Тогда же издавалъ онъ (1728—1730) «С. Петербургскія Вѣдомости» и наконецъ (1728—1742) «Примѣчанія на Вѣдомости»—опытъ популярнаго изложенія разныхъ вопросовъ науки и вообще научныхъ свѣдѣній, которыя должны были интересовать тогдашнихъ русскихъ читателей и дѣйствительно интересовали такъ какъ изданіе охотно раскупалось.

Въ эту пору онъ сблизился съ Шумахеромъ. Послѣдній сдѣлалъ Миллера даже членомъ канцеляріи. Ломоносовъ раскрываетъ закулисныя тайны этой дружбы. По его словамъ «молодой студентъ и не далекой въ наукахъ надежды» (58) пріобрѣлъ тѣмъ расположеніе сильнаго Шумахера, что передавалъ ему сплетни о профессорахъ, разсказывалъ о ссорахъ ихъ между собою и Шумахеръ пользовался этими разсказами, чтобъ выставлять въ смѣшномъ видѣ враговъ своихъ у президента.

Въ 1730 году содѣйствіемъ Шумахера и противъ желанія другихъ членовъ, (по свидѣтельству Ломоносова), Миллеръ

(58) Матеріалы стр. 050.

сдѣлался профессоромъ исторіи и ординарнымъ академикомъ. Ему было тогда 25 лѣтъ. Съ этого времени, по необъясненнымъ причинамъ, Миллеръ становится въ враждебныя отношенія къ прежнему своему покровителю, хотя и хлопочетъ за него во время слѣдственной коммисіи и послѣдній, чтобъ *сбыть его съ шеи*, предлагаетъ ему путешествіе, «якобы для нужды библіотечныхъ и книгопродажныхъ». Миллеръ пользовался въ это время такимъ уваженіемъ, что ему поручено было даже приглашать академиковъ въ Петербургъ. Ломоносовъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ ѣздилъ безъ позволенія въ Англію, а въ Пруссіи принималъ участіе въ карусели и истратилъ казенныя деньги, которыя Шумахеръ не хотѣлъ потомъ заплатить, что и было главною причиною ихъ вражды (59). Спасаясь отъ преслѣдованій Шумахера и отъ разныхъ непріятностей въ академіи, Миллеръ отправляется въ извѣстную сибирскую экспедицію, задуманную еще Петромъ В. для опредѣленія точныхъ границъ Азіи и Америки и снаряженную въ 1733 году академіей, въ качествѣ историка. Еще прежде этого путешествія, онъ полюбилъ русскую исторію и въ 1732 году, съ цѣлію познакомить съ нею своихъ соотечественниковъ, сталъ издавать на нѣмецкомъ языкѣ сборникъ матеріаловъ по русской исторіи, подъ названіемъ Sammlung russischer Geschichte». Десятилѣтнее странствованіе его по пустынямъ Сибири, вмѣстѣ съ Гмелинымъ и Делилемъ, до Якутска и китайской границы, въ высшей степени важно для нашего знакомства съ этою страною, а по отношенію къ Миллеру свидѣтельствуетъ о его изумительномъ трудолюбіи. Онъ познакомился съ содержаніемъ всѣхъ архивовъ сибирскихъ городовъ. Многочисленныя выписки изъ этихъ архивовъ, сдѣланныя подъ руководствомъ Миллера прикомандированными къ экспедиціи студентами, составили сборникъ болѣе чѣмъ въ 40 фоліантовъ. Миллеръ выписывалъ, снималъ изображенія со всего любопытнаго, встрѣчаемаго имъ на пути, чертилъ планы и карты, исправлялъ должность секретаря экспедиціи и помогалъ даже своимъ товарищамъ въ собираніи любопытныхъ произведеній природы. Собственныя свѣдѣнія Миллера увели-

---

(59) Стр. 052 и 443.

чились громаднымъ матеріаломъ, до тѣхъ поръ никому неизвѣстнымъ. Съ исторіей и географіей Сибири и съ отношеніями послѣдней къ Китаю онъ познакомился подробно, но тяжелые труды путешествія и климатъ Сибири не прошли ему даромъ. Въ Якутскѣ онъ сильно захворалъ и слѣды этой тяжкой болѣзни долго отзывались потомъ въ Петербургѣ. Плодомъ этого странствованія было «Описаніе Сибирскаго царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дѣлъ», писанное имъ по нѣмецки еще съ 1743 года, а по русски изданное въ 1750 году (только первый томъ, заключающій пять главъ; остальные не вышли) и нѣсколько отдѣльныхъ статей по географіи, статистикѣ и исторіи Сибири, помѣщенныхъ имъ потомъ въ издаваемыхъ имъ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ». Когда «Сибирская исторія» была готова къ печати въ 1747 году, академія поручила Ломоносову разсмотрѣть ее, а потомъ и другимъ академикамъ. Разсмотрѣнію посвящено было нѣсколько засѣданій и въ нихъ мы видимъ первую встрѣчу Ломоносова съ историческими трудами его соперника, которые и тогда возбудили съ его стороны мелочныя нападенія, раздѣляемыя и другими членами академіи, напр. касательно того, можно ли называть Ермака разбойникомъ, какимъ онъ былъ до покоренія имъ Сибирскаго царства (60). Лично для Миллера это плодотворное для знакомства съ обширною областію Россіи странствованіе и тяжелые труды его не доставили никакой матеріальной выгоды. По возвращеніи въ Петербургъ, въ академіи онъ окруженъ былъ завистью и враждою. Ему не дали никакой награды, не возвратили даже истраченныхъ имъ денегъ, но всѣ эти неудачи не ослабили его любви къ труду.

Мы не знаемъ прямыхъ причинъ вражды Ломоносова къ Миллеру, но справедливость требуетъ замѣтить, что вездѣ, гдѣ только первому случалось упоминать о второмъ, въ словахъ его замѣтно сильное нерасположеніе, очевидная вражда. Всю полезную, честную и трудолюбивую дѣятельность Миллера, которая имѣетъ полное право на признательность Россіи, Ломоносовъ старается опозорить и выставить въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Трудно думать, чтобъ въ этомъ слу-

---

(60) Стр. 105. См. еще Библіогр. Зап. 1861 г. стр. 515—518.

чаѣ онъ руководился одними высоко-патріотическими убѣжденіями. Случается, что Ломоносовъ собираетъ даже простыя сплетни съ цѣлію очернить Миллера, ссылается, напр. на слова покойнаго Крашенинникова, что будто бы Миллеръ, во время сибирскоій экспедиціи, запрещалъ товарищу своему Гмелину давать лекціи отправленнымъ съ ними русскимъ студентамъ (61).

Въ 1747 году Миллеръ едва не оставилъ Россіи. Контрактъ, заключенныій съ нимъ академіею кончился, а въ новомъ уставѣ ея, составленномъ тогда Тепловымъ, безъ сомнѣнія изъ вражды къ Миллеру, мѣсто академика по исторіи было упразднено. Но въ судьбѣ Миллера, по словамъ митрополита Евгенія, принялъ участіе самъ президентъ Разумовскіи и онъ остался въ академіи профессоромъ исторіи, ректоромъ академическаго университета и получилъ кромѣ того званіе россіійскаго историографа. Съ этихъ поръ онъ сталъ съ большимъ рвеніемъ заниматься любимымъ предметомъ своимъ—русскоій исторіей, къ чему вызывала его и оффиціальная обязанность.

Эти занятія русскоій исторіей навлекли Миллеру вскорѣ множество непріятностей. Ломоносовъ говоритъ, что онъ «вмѣсто общаго государственнаго историческаго дѣла больше упражнялся въ сочиненіи родословныхъ таблицъ, въ угожденіе приватнымъ знатнымъ особамъ». Дѣйствительно Миллеръ, для уясненія темныхъ періодовъ русскоій исторіи, много работалъ надъ родословными таблицами великихъ и удѣльныхъ князей и царей московскихъ; очень можетъ быть, что онъ доводилъ свои изслѣдованія до современниковъ, но трудъ его былъ необходимъ для русскоій исторіи и въ немъ онъ нажилъ себѣ врага, извѣстнаго составителя записокъ о Петрѣ Великомъ, коммисара 9 класса Крекшина. Вопросъ шелъ о фамиліи Романовыхъ, генеалогическую таблицу котороій составилъ Крекшинъ и представилъ Сенату. Послѣдніи отдалъ все дѣло на разсмотрѣніе академіи и она, послѣ довольно продол-

---

(61) Стр. 060—061. Тогда же, вѣроятно, была пущена сплетня о томъ, что Миллеръ продавалъ за границу русскія историческія рукописи. См. «Опытъ повѣствованія о Россіи, оберъ-гофмейстера Елагина. М. 1803, стр. 101.

жительныхъ споровъ, признала истину за Миллеромъ. Крекшинъ тогда уже, получивъ случайно въ свои руки разныя выписки изъ иностранныхъ писателей, сдѣланныя Миллеромъ, видѣлъ въ нихъ «поносительныя, ложныя и укорительныя дѣла». По его доносу эта рукопись была отобрана отъ Миллера и запечатана. Крекшинъ не забылъ своего пораженія въ спорѣ съ Миллеромъ. Съ этихъ поръ начинаются самыя сильныя непріятности для ученаго. Было около того же времени перехвачено письмо Делиля къ Миллеру о состояніи академіи; въ немъ нашли «презрительныя рѣчи» для академіи; по именному указу наряжена была слѣдственная коммисія въ академической канцеляріи; бумаги Миллера были опечатаны и самъ онъ содержался подъ арестомъ. Дѣло это однако не получило дальнѣйшаго хода.

За то знаменитое дѣло по поводу рѣчи Миллера «О происхожденіи народа и имени Руссовъ» имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу Миллера и, благодаря усиліямъ русской партіи въ академіи, получило печальный исходъ. Рѣчь эта была приготовлена Миллеромъ къ дню торжественнаго собранія Академіи Наукъ, назначеннаго въ день тезоименитства Императрицы Елисаветы Петровны, 5 сентября 1749 года, на которомъ вмѣстѣ съ Миллеромъ долженъ былъ читать также и Ломоносовъ. Она была написана и уже напечатана по латыни; Миллеръ сдѣлалъ ея русскій переводъ для того, чтобъ выпустить въ публику. Содержаніе ея было извѣстное мнѣніе перваго русскаго академика Байера о происхожденіи варяго-руссовъ отъ скандинавовъ, развитое болѣе подробнымъ образомъ. Написанная рѣчь эта была послана въ Москву, гдѣ вмѣстѣ съ дворомъ, находился тогда президентъ академіи Разумовскій и секретарь его Тепловъ. Они одобрили рѣчь въ латинскомъ подлинникѣ и отправили ее для предварительнаго прочтенія въ общемъ собраніи академиковъ. И здѣсь въ ней не нашли ничего предосудительнаго, въ русскомъ переводѣ; послѣ нѣсколькихъ небольшихъ замѣчаній, она отдана была въ типографію. Между тѣмъ почему-то торжественное собраніе академіи было отложено до дня восшествія на престолъ (25 ноября) и въ этотъ промежутокъ времени Крекшинъ распустилъ по городу слухи, что, въ рѣчи Миллера «находится

многое, служащее къ уменьшенію чести русскаго народа (62). Тогда Шумахеръ составилъ коммисію изъ профессоровъ Фишера, Штруба, Тредіаковскаго, Ломоносова и адъюнктовъ Крашенинникова и Попова для освидѣтельствованія рѣчи, «не отыщется ли въ оной чего для Россіи предосудительнаго» (63).

Главныя мнѣнія о диссертаціи Миллера принадлежатъ Тредіаковскому и Ломоносову (прочіе или выражались очень уклончиво, или шли за Ломоносовымъ, преувеличивая его мнѣніе) и нельзя не отдать полной справедливости мнѣнію нашего перваго ученаго труженика, высказанному скромно, съ полнымъ уваженіемъ къ наукѣ и съ научными пріемами. Тредіаковскій нашелъ, «что сочинитель по своей системѣ съ нарочитою вѣроятностію доказываетъ свое мнѣніе». «Когда я говорю, продолжаетъ онъ, что сочинитель сея рѣчи съ нарочитою вѣроятностію доказываетъ свое мнѣніе; то разумѣю, что авторъ доказываетъ токмо вѣроятно, а не достовѣрно. Мнѣ его вѣроятность кажется нарочита, по которой онъ имя Россіи и Россіянъ, прежде бывшихъ Славянъ, производитъ отъ Варягъ; но сія его вѣроятность по та у меня будетъ нарочита, пока кто другой большія и достовѣрнѣйшія не подастъ врассужденіи сего. Сверхъ всего того нѣтъ, почитай ни единаго въ свѣтѣ народа, котораго первоначаліе не было бъ темно и баснословно. Слѣдовательно, я не вижу, чтобъ во всемъ Авторовомъ доказательствѣ было какое предосужденіе Россіи: *развѣ токмо сіе одно можетъ быть, какъ мнѣ кажется предосудительно, что въ Россіи, о Россіи, по Россійски, предъ Россіянами говорить будетъ чужестранный и научитъ ихъ такъ, какъ будто они ничего того по нынѣ не знали:* но о семъ разсуждать не мое дѣло» (64). Мнѣніе же Ломоносова совершенно противоположно. Онъ доказываетъ, что рѣчь Миллера «весьма недостойна, а россиямъ слушателямъ и смѣшна и досадительна». Воспитанный въ школѣ кіевскаго Синопсиса и хроники Стрыйковскаго, Ломоносовъ

---

(62) Собственныя слова Миллера. См. упомянутую статью г. Соловьева, стр. 136. Этимъ снимается съ Л—ва обвиненіе въ доносѣ, высказанное Шлецеромъ въ его Несторѣ (I. 92).

(63) Матеріалы, стр. 132.

(64) Стр. 757.

долженъ былъ враждебно смотрѣть на иностранца, вносившаго въ область русской исторіи первые, еще робкіе пріемы ученой европейской критики. Онъ нападаетъ на Миллера, за чѣмъ онъ ничего не упоминаетъ о предкахъ славянъ и теряетъ тѣмъ случай къ похвалѣ славянскаго народа. «Ибо, какъ извѣстно, что Скифы Дарія персидскаго царя, Филиппа и Александра, царей македонскихъ, и самихъ римлянъ не устрашались, но великія имъ отпоры чинили, и побѣды надъ ними одерживали, по сему легко заключить можно, что народъ славянской былъ весьма храбрый, который преодолѣлъ мужественныхъ скифовъ» и пр. У Миллера же на всякой страницѣ русскихъ бьютъ, скандинавы являются побѣдителями. Стоя за честь Россіи, Ломоносовъ оспариваетъ, что Аскольдъ, Диръ и Ольга—имена скандинавскія. Аскольдъ значитъ обоюдный топоръ или «оскордъ»; Диръ происходитъ отъ слова деру, «якобы драчъ»; Ольга названа «отъ облегченія матери своея рожденіемъ». Ломоносовъ возмущается словами Миллера: *ошибся Несторъ*; по его мнѣнію «весьма продерзостно и хулительно» выражаться такъ о святомъ. Онъ нападаетъ и на слогъ Миллера и на недостатокъ въ немъ риторизма. Все мнѣніе Ломоносова сводится къ тому, что Миллеръ сознательно и преднамѣренно оскорбилъ русскій народъ своею рѣчью.

Мнѣніе Ломоносова, Попова и Крашенинникова, которые шли еще дальше его, восторжествовало. Рѣчь Миллера была осуждена и запечатана, но дѣло этимъ не кончилось. По жалобѣ Миллера на пристрастіе его критиковъ, выбранныхъ изъ людей лично къ нему нерасположенныхъ, президентъ распорядился вновь разсмотрѣть его рѣчь въ общемъ собраніи членовъ академіи. Начался цѣлый длинный и формальный судъ, диспутъ между Миллеромъ и его врагами, длившійся болѣе года. Нѣмецкіе академики были освобождены отъ участія въ засѣданіяхъ, частію потому, что они не знали Россіи, частію потому, что дѣло это не касалось ихъ профессіи и Миллеръ остался лицомъ къ лицу съ возбужденной противъ него русской партіей. «Какихъ же не было шумовъ, браней и почти дракъ?» говоритъ Ломоносовъ (65). Миллеръ однако не уступалъ ему въ

---

(65) Стр. 069.

горячности и выходилъ изъ себя при слѣдствіи и это конечно еще болѣе повредило ему. Бумаги по этому дѣлу составили очень большой фоліантъ. Ломоносовъ, Тредіаковскій и другіе должны были вновь писать мнѣнія, болѣе доказательныя, болѣе обширныя. Мнѣніе Тредіаковскаго, написанное, какъ онъ самъ говоритъ, *безъ соперничества* (намекъ на Ломоносова), снова выигрываетъ своимъ тономъ, скромными учеными пріемами и уваженіемъ къ наукѣ. Онъ согласенъ съ Миллеромъ, допускаетъ рѣчь его къ печати, съ нѣкоторыми исправленіями для того «дабы нѣкоторымъ строптиваго характера людямъ (опять намекъ) не подать ни малыя причины къ осужденію и порицанію автора». Ломоносовъ же прямо выставляетъ «не мало опасныя разсужденія» рѣчи, видитъ соблазнъ для православія, въ томъ, что по доказательствамъ Миллера славяне въ Новгородѣ поселились послѣ временъ апостольскихъ, тогда какъ церковь русская ежегодно вспоминаетъ о приходѣ Св. апостола Андрея Первозваннаго въ Новгородъ къ славянамъ («изъ сего мнѣнія, прибавляетъ онъ, не воспослѣдовала бы нѣкоторая критика на премудрое учрежденіе Петра Великаго о кавалерскомъ орденѣ Св. Апостола Андрея») и пр. въ томъ же родѣ (66).

Враги Миллера побѣдили и за эту несчастную рѣчь онъ былъ «штрафованъ пониженіемъ чина въ адъюнкты» и лишенъ ректорскаго званія въ университетѣ. Прежнія права и возможность участвовать въ засѣданіяхъ конференціи возвращены ему были не ранѣе 1754 года (67). Конечно главную роль обвинителя во всемъ этомъ слѣдствіи игралъ Ломоносовъ, не пропускавшій съ тѣхъ поръ ни одного случая, чтобъ повредить Миллеру. Враждебныя отношенія ихъ не прерывались и не измѣнялись къ лучшему до самой смерти Ломоносова; видно, что онъ были сильны, потому что Ломоносовъ жаловался даже С. Петербургской губернской канцеляріи на безчестье, нанесенное ему Миллеромъ. Такъ, передъ печатаніемъ «Сибирской исторіи» въ 1751 году, онъ снова въ ней нашелъ «много вещей печати недостойныхъ». По поводу разсмотрѣнія 2-го

---

(66) Стр. 770. Полное мнѣніе Л—ва о рѣчи Миллера до сихъ поръ не напечатано.

(67) Стр. 069.

тома этой «Сибирской исторіи», Ломоносовъ «жалуясь, что онъ много терпѣлъ отъ Миллера ругательствъ и обидъ, просилъ уволить его отъ историческаго собранія и академія позволила ему заниматься разборомъ на дому. Въ процепіи Миллера и возвращеніи ему прежнихъ обязанностей ректора университета и секретаря конференціи, въ порученіи ему географическаго департамента и въ увеличеніи жалованья,—Ломоносовъ видитъ только желаніе Шумахера возвысить личнаго врага его и укрѣпить его противъ Ломоносова. Въ 1757 году въ журналѣ Миллера «Ежемѣсячныя сочиненія» печаталось сочиненіе академическаго переводчика Полетики «о началѣ, возобновленіи и распространеніи ученія и училищъ въ Россіи». Миллеръ просилъ отдѣльныхъ оттисковъ для автора и канцелярія распорядилась по этому случаю разсмотрѣть статью Полетики. Ломоносовъ нашелъ, что ее печатать непристойно, потому что въ ней не упоминается ни о какихъ школахъ въ Россіи съ X по XVII вѣкъ, притомъ говорится только о школахъ кіевскихъ, а о московскихъ ни слова. Критика Ломоносова была въ этомъ случаѣ, по справедливому замѣчанію самаго автора, Полетики — *напрасною* и Миллеръ въ донесеніи своемъ въ канцелярію, отдавалъ полную справедливость статьѣ, вызываясь съ своей стороны, отвѣчать за каждое ея слово и доказывая, что канцелярія не должна вмѣшиваться въ ученыя дѣла (68). Очевидно нападеніе на статью была придирка со стороны Ломоносова, желавшаго помѣшать успѣху Миллерова журнала, въ которомъ онъ не помѣстилъ въ теченіе десяти лѣтъ ни одной статьи и на который всегда смотрѣлъ враждебно. Ломоносовъ былъ уже тогда членомъ академической канцеляріи. По его настоянію, безъ сомнѣнія, Миллеру былъ сдѣланъ выговоръ за то, что онъ отрицалъ власть канцеляріи въ разборѣ сочиненій и признавалъ вредъ для изданія, при ея вмѣшательствѣ въ дѣла журнала. Объ этой продерзости было донесено президенту, съ просьбою положить предѣлы его самовольству, а печатаніе продолженія статьи Полетики запрещено. Напрасно протестовалъ Миллеръ, говоря, что нападеніе идетъ отъ одного Ломоносова, стараго врага его, что Шумахеръ и Тауберть даже вовсе не читали статьи Полетики, напрасно жаловался онъ, что

(68) Стр. 324—325.

въ такихъ обстоятельствахъ не можетъ издавать своего полезнаго журнала,—академическая канцелярія сдѣлала постановленіе, которымъ обвиняла Миллера во «всякихъ ябедническихъ происках» и опредѣляла, что онъ показалъ «древнюю вкоренившую зависть, злобу и необузданное властолюбіе и презрѣніе людей честныхъ, которые объ общемъ добрѣ радѣютъ и пресѣкаютъ его коварные проступки, которые всегда показывали, что онъ приводя академическій корпусъ въ замѣшательство чрезъ вредное и безчестное униженіе другихъ себя ищетъ возвысить». Эта записка Ломоносова, представленная президенту, была почти формальнымъ доносомъ на Миллера (69). Изъ очень обыкновеннаго дѣла вышелъ цѣлый процессъ: его раздула личная вражда, которой было такъ много между академиками прошлаго столѣтія и Ломоносовъ вообще не пропускаетъ случая задѣть Миллера, повредить ему.

Сдѣлавшись въ 1754 году конференцъ-секретаремъ академіи, Миллеръ велъ обширную переписку съ заграничными и русскими учеными въ теченіе одиннадцати лѣтъ, сочинялъ протоколы засѣданій, издалъ семь томовъ «комментарій» и въ теченіе десяти лѣтъ издавалъ, съ нѣмецкимъ постоянствомъ и трудолюбіемъ, свой въ высшей степени полезный журналъ, состоящій изъ оригинальныхъ и переводныхъ статей, происхожденіе которыхъ большею частію обязано ему одному. Кромѣ того, онъ трудился надъ составленіемъ карты Россіи. Въ 1757 году дана была особая инструкція географическому департаменту академіи, гдѣ Миллеръ былъ членомъ, и Ломоносовъ, которому порученъ былъ этотъ департаментъ, потребовалъ въ 1759 году отчета, что сдѣлано въ немъ въ два года. Найдя остановки въ сочиненіи атласа, и узнавъ, изъ донесеній адъюнктовъ Трускота и Шмидта, что Миллеръ, отвлекаемый другими дѣлами, мало занимается географіей, Ломоносовъ тотчасъ же представилъ президенту, что Миллера можно уволить отъ географическаго департамента, что «для исправнаго наименованія урочищъ долженъ быть природной россіянинъ» (70). Представленіе Ломоносова не было однакожъ

---

(69) Стр. 331.
(70) Стр. 397.

уважено и Миллеру, оправдывавшемуся тѣмъ, что показанія адъюнктовъ ложны, подтверждено только ходить въ засѣданія географическаго департамента и заниматься составленіемъ атласа. Черезъ нѣсколько лѣтъ оказалось, что и подъ главнымъ смотрѣніемъ Ломоносова, географическій департаментъ ничего не дѣлалъ; карты и атласъ не составлялись и не издавались и Разумовскій вмѣсто Ломоносова назначилъ туда главнымъ членомъ Миллера въ 1763 году. Ломоносовъ же, въ своихъ объясненіяхъ всю вину слагаетъ на Миллера (71).

Но высшая степень вражды Ломоносова къ Миллеру раскрывается въ зломъ доносѣ, поданномъ имъ президенту въ январѣ 1761 года (72). Здѣсь опозорена вся полезная, многотрудная дѣятельность Миллера и самъ онъ выставляется врагомъ Россіи. «Господинъ Миллеръ не только пишетъ, но и печатаетъ ложь и общество обманываетъ». Онъ обвиняется въ томъ, что ведетъ непозволенную переписку съ заграничными учеными (Ломоносовъ подозрѣвалъ, что по его проискамъ напечатаны о немъ невыгодные отзывы въ лейпцигскомъ ученомъ журналѣ), не исполняетъ указовъ канцеляріи, дѣлаетъ «подкопы и подрывы» академическимъ начинаніямъ, что онъ въ теченіе тридцати лѣтъ службы не читалъ ни одной лекціи и порочитъ въ городѣ проэкты уставовъ гимназіи и университета, составленные Ломоносовымъ, что онъ «*ни единаго не выпустилъ въ свѣтъ сочиненія, гдѣ бы не было великаго множества пустоши и нерѣдко досадительной и для Россіи предосудительной*». Это самое главное обвиненіе, на которое съ особенною силою налегаетъ Ломоносовъ. По его словамъ, въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» много важныхъ политическихъ ошибокъ, и въ нихъ и въ другихъ своихъ изданіяхъ, Миллеръ «вставляетъ заносливыя рѣчи», напр. отдаетъ предпочтеніе чувашамъ въ чистоплотности передъ русскими; на нѣмецкомъ языкѣ печатаетъ исторію смутнаго времени и Бориса Годунова, «самую мрачную часть россійской исторіи; изъ чего иностранные народы худыя будутъ выводить слѣдствія о нашей славѣ. Или нѣтъ другихъ извѣстій и дѣлъ россійскихъ, гдѣ бы по послѣдней мѣрѣ и добро съ худомъ въ равновѣсіи видѣть можно

(71) Стр. 575—585.
(72) Стр. 488—496.

было?» Однимъ словомъ, по мнѣнію Ломоносова, Миллеръ «*высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія.* Это цѣль Миллера, а не наука; онъ политическій преступникъ; онъ сознательно желаетъ вреда Россіи. Миллеръ просилъ защиты у Теплова отъ злобы Ломоносова, котораго онъ называетъ enragé. «Croyez moi, Monsieur, пишетъ онъ,Lomonosoff est un furieux, armé d'un couteau à la main. Il ruinera toute l'Académie». Въ особенности онъ жалуется на его невыносимый деспотизмъ (73).

Русская историческая критика давно уже высказала свое сужденіе о Миллерѣ, объ этомъ «знаменитомъ трудолюбцѣ», котораго разнообразныя, добросовѣстныя и критическія, на сколько возможна была тогда историческая критика, изслѣдованія, чрезвычайно полезны для русскаго историка. Она съ уваженіемъ отзывается также и о благородной личности нѣмецкаго ученаго, поставленнаго судьбою и любовію къ наукѣ въ негостепріимную, дикую и грубую среду, гдѣ мало было людей, которые могли бы оцѣнить его заслуги и защитить его самаго (74). Время сгладило обвиненія, такъ изобильно сыпавшіяся на него при жизни; оно отняло значеніе у тѣхъ нападеній, которыя часто повторялись его врагами, увлекавшимися борьбою. Странное дѣло, въ то самое время, когда Ломоносовъ и его сторонники обвиняли Миллера въ нелюбви къ Россіи, въ желаніи нанести ей вредъ и опорочить ея исторію передъ народами европейскими, за границею ходили о немъ слухи, что онъ особенно преданъ выгодамъ Россіи (75).

---

(73) Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1865 г., Кн. I. отд. V. стр. 141.

(74) «Никто не принималъ близкаго участія въ судьбѣ Миллера, говоритъ г. Соловьевъ, никто не заботился о его выгодахъ, и врагамъ его давалась полная возможность притѣснять его. Отчего же это происходило? оттого, что Миллеръ не былъ искателемъ, не умѣлъ напоминать о себѣ, лишній разъ побывать здѣсь и тамъ, лишній разъ поклониться; привыкши къ занятіямъ кабинетнымъ, къ жизни семейной, онъ былъ робокъ, застѣнчивъ; онъ думалъ, что исполняя честно свои обязанности, работая безъ устали день и ночь, можетъ этимъ ограничиться, не долженъ думать ни о чемъ другомъ, и видѣлъ какъ люди, думавшіе всего менѣе объ исполненіи своихъ обязанностей, о честномъ трудѣ, опережали его, и ставши на верху, ненавидѣли его какъ живой, хотя и молчаливый укоръ. Современникъ, Т. XLVII Отд. II, стр. 139.

(75) Тамъ же, стр. 138.

Шлецеръ говоритъ о немъ, какъ о поклонникѣ русской чести, какъ о человѣкѣ чрезвычайно сдержанныхъ мнѣній, которыя въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи легко могли быть очень рѣзкими (76). Главный недостатокъ Миллерова характера заключался въ излишней пылкости, и раздражительности, разумѣется еще увеличивавшихся отъ тѣхъ мелкихъ притѣсненій, которыя окружали его по возвращеніи изъ Сибири. Современники положительно также говорятъ о его самовластіи, деспотизмѣ и нетерпимости, которыя порождали ему множество враговъ. Но недостатокъ этотъ извинителенъ. Шлецеръ сравниваетъ его съ другимъ знаменитымъ нѣмцемъ въ русской службѣ, имѣвшимъ одинакія свойства характера, съ Минихомъ. Эти рѣзкія черты ихъ характера возбуждала и еще усиливала окружавшая ихъ тупая и извращенная среда. Ломоносовъ, имѣвшій такіе же недостатки характера, разъ столкнувшись съ Миллеромъ, долженъ былъ необходимо сдѣлаться врагомъ его. Частію ложно понятое патріотическое чувство, но болѣе всего другая, личная причина должна была послужить поводомъ къ этой враждѣ. Ломоносовъ столкнулся съ нимъ на одномъ поприщѣ, въ разработкѣ русской исторіи, въ чемъ они пошли совершенно по разнымъ дорогамъ.

Русской исторіей Ломоносовъ сталъ заниматься случайно, не по призванію и безъ всякой подготовки, а по вызову Шувалова, смотрѣвшаго на него какъ на литературный геній, который можетъ писать обо всемъ и во всякомъ родѣ. Вѣроятно Шуваловъ докладывалъ о немъ императрицѣ и она сама въ 1753 году объявила Ломоносову на придворномъ куртагѣ, въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ хлопотать о фабрикѣ, что «охотно желала бы видѣть Россійскую исторію, написанную его штилемъ» (77). Главное дѣло въ этой исторіи былъ слѣдовательно *штиль*, или образъ выраженія, тотъ условно-риторическій тонъ изложенія, которымъ отличались историки XVIII вѣка и которому не чуждъ и Карамзинъ. Изъ отчетовъ Ломоносова о

---

(76) S. 29: «Für Russlands Ehre, das ihn doch bis dahin sehr vernachlässigt hatte, war er ein warmer Patriot; und über die Gebrechen der damaligen Regierung, die niemand besser kannte, als er, war er äusserst zurückhaltend».

(77) Матеріалы, стр. 067 и 780.

своихъ занятіяхъ, подаваемыхъ имъ въ академію, видно, что онъ читалъ источники по русской исторіи: Нестора, Русскую Правду, Кромера, византійскихъ лѣтописцевъ и сѣверныхъ латинскихъ хронистовъ (78), стараясь по возможности скоро осуществить желаніе императрицы и Шувалова. Къ концу 1758 года была написана имъ первая часть «Древней Россійской исторіи», до смерти Ярослава или до 1054 года, но въ печати «сія желаемая въ обществѣ», по словамъ его книга, явилась уже послѣ смерти Ломоносова, въ 1766 году. При жизни своей онъ успѣлъ однако издать въ 1760 году небольшое руководство, названное имъ «Краткій Россійскій Лѣтописецъ» (79) и посвященное имъ будущему наслѣднику престола Павлу Петровичу, для того, чтобъ царевичъ могъ познакомиться съ «геройскими подвигами праотцевъ своихъ». Въ этихъ двухъ небольшихъ сочиненіяхъ заключались труды Ломоносова по русской исторіи, но изъ нихъ, при всей ихъ незначительности, можно составить понятіе и о взглядѣ его на русскую исторію и о способѣ пониманія ея событій и объ изложеніи ихъ.

Исторія Ломоносова есть трудъ ритора, панегирикъ прошедшему, возможный только въ эпоху похвальныхъ рѣчей и хвалебныхъ одъ. Торжественный тонъ ея, въ которомъ самъ историкъ и современные ему читатели видѣли главное достоинство историческаго изложенія, былъ необходимъ. Исходя изъ той мысли, что народъ россійскій уже «на высочайшій степень величества, могущества и славы достигнулъ», что герои темной русской старины въ величіи доблестей своихъ нисколько не уступаютъ героямъ древней Греціи и древняго Рима, Ломоносовъ увѣренъ, что о подвигахъ ихъ не знаютъ потому, что въ нашемъ отечествѣ « есть недостатокъ въ *искусствѣ*, каковымъ греческіе и латинскіе писатели своихъ героевъ въ полной славѣ предали вѣчности». Это *искусство*, блестящіе образцы котораго встрѣчаются между древними историками, гдѣ скульптурные образы героевъ были выраженіемъ соотвѣтствующей имъ жизни и дѣйствительности, а не риторскимъ украшеніемъ, составляло идеалъ Ломоносова. Имъ онъ думалъ замѣнить дѣйствительное, критическое изученіе исто-

(78) Стр. 163 и 187.

(79) Сочиненія Л—ва, изданіе Смирдина, Т. III. стр. 76.

ріи. Исторія съ этой точки зрѣнія получаетъ художественный и наставительный характеръ; къ звуку трубы этой вѣщей Кліи должно прислушиваться человѣчество. «Велико есть дѣло смертными и преходящими трудами, говоритъ Ломоносовъ, дать безсмертіе множеству народа, соблюсти похвальныхъ дѣлъ должную славу, и пренося минувшія дѣянія въ потомство и въ глубокую вѣчность, соединить тѣхъ, которыхъ натура долготою времени раздѣлила». Произведенія такого историческаго искусства тверже и долговѣчнѣе металла и мрамора; они «стихіи строгость и грызеніе древности презираютъ». Оттого исторія даетъ вѣчные уроки людямъ и на рубежѣ русской исторіи встрѣчается подобный урокъ. Ломоносовъ видитъ большое сходство ея съ римской исторіей и дѣлая сравненіе это, находитъ только одно несходство, «что римское государство гражданскимъ владѣніемъ возвысилось; самодержавствомъ пришло въ упадокъ. Напротивъ того разномысленною вольностію Россія едва не дошла до крайняго разрушенія; самодержавствомъ же, какъ съ начала усилилась, такъ и послѣ несчастливыхъ временъ умножилась, укрѣпилась, прославилась».

Въ изложеніи русской исторіи Ломоносовъ не ищетъ исторической правды, формъ быта или условій, изъ которыхъ слагалась минувшая жизнь, условій, знаніе которыхъ всегда будетъ поучительно. Живыхъ вопросовъ, которые родили бы прожитое съ современнымъ—напрасно искать въ его изложеніи. Цѣль его только славныя дѣла нашихъ предковъ, желаніе доказать, что въ Россіи «толь великой тьмы невѣжества не было, какую представляютъ многіе внѣшніе писатели». Задавшись этою цѣлію, конечно дѣлающею честь его патріотическому чувству, но нарушающею безпристрастіе историка, Ломоносовъ является очень легковѣрнымъ; онъ многому вѣритъ на слово, не повѣряя источниковъ; ему достаточно, если событіе или преданіе служитъ къ славѣ русскаго народа. Конечно, его талантливая натура сказалась и здѣсь, въ дѣлѣ случайно попавшемъ ему въ руки. Нѣкоторые выводы и заключенія его, основанные не на критическомъ изученіи, а на ясномъ пониманіи его геніальнаго ума повторяются почти слово въ слово современною наукою [80], но вообще историче-

---

[80] См. статью С. М. Соловьева объ историческихъ трудахъ Л—ва въ Архивѣ Калачова, Кн. II. 1., Отд. III, стр. 41.

ская попытка Ломоносова есть только переложеніе лѣтописи въ современную риторическую форму.

Понятно, что историку съ такими взглядами и достоинствами, далеко не была по сердцу критическая, сухая и недовѣрчивая манера соперника его Миллера въ дѣлѣ изученія русскоій исторіи. Онъ былъ незнакомъ съ нею, не понималъ и не цѣнилъ ея. Отрицаніе напр. происхожденія названія Москвы отъ Мосоха — должно было ему казаться отыскиваніемъ пятенъ на блестящей одеждѣ россійскаго тѣла. Здѣсь, въ этомъ, правда современномъ, но неправильномъ взглядѣ на задачу исторіи, надобно, по нашему мнѣнію, искать причинъ вражды Ломоносова къ Миллеру, постоянныхъ желчныхъ нападеніій и тяжелыхъ обвиненіій, взводимыхъ на Миллера. Точно въ такіе же отношенія Ломоносовъ долженъ былъ вступить и къ молодому ученику Миллера въ русскоій исторіи, отцу критическаго изученія нашихъ лѣтописей—извѣстному Шлецеру. Эти отношенія, тяжелыя и непріятныя для Ломоносова, набросили тѣнь на послѣдніе годы его жизни.

Гёттингенскіій студентъ Августъ Людвигъ Шлецеръ, долго мечтавшіій о путешествіи на Востокъ, а потому изучившіій основательно восточные языки, жившіій потомъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ домашняго учителя въ Швеціи, гдѣ онъ познакомился съ исторіей скандинавскаго сѣвера, человѣкъ вообще разнообразныхъ свѣдѣніій, которыя считалъ онъ необходимыми для своего будущаго путешествія и извѣстный уже въ ученоій литературѣ Германіи нѣсколькими историческими сочиненіями, былъ приглашенъ въ Петербургъ Миллеромъ, чрезъ посредство Бюшинга. Миллеръ, чувствуя уже старость, но не желая бросать своихъ многолѣтнихъ и любимыхъ занятіій русскоій исторіей, искалъ себѣ помощника; онъ выписалъ Шлецера въ Петербургъ на свой счетъ, далъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, познакомилъ его съ иностраннымъ обществомъ русскоій столицы, гдѣ Шлецеръ пріобрѣлъ вскорѣ сильныя связи и довольныій знаніями и способностями Шлецера, рекомендовалъ его въ маѣ 1762 года Разумовскому въ адъюнкты по исторіи, называя такое опредѣленіе «единственнымъ способомъ къ совершенному сочиненію исторіи для сла-

вы Имперіи и для пользы всенародной» (81). Разумовскій только на основаніи этого доклада Миллера, не спросясь конференціи, тогда же назначилъ Шлецера адъюнктомъ въ академію. Шлецеръ былъ человѣкъ въ высшей степени способный и дѣятельный. Изъ его автобіографіи, заключающей въ себѣ описаніе первыхъ (1761—1765) лѣтъ его пребыванія въ Россіи, можно составить понятіе о томъ, какъ постепенно знакомился онъ съ Россіею и ея исторіею, изучая сначала русскій языкъ, потомъ церковно-славянскій, лѣтописи, которыя онъ особенно полюбилъ, собранія Миллеровыхъ матеріаловъ и наконецъ византійцевъ. Нѣсколько мѣсяцевъ Шлецеръ находился въ очень критическомъ положеніи; онъ былъ готовъ воротиться въ Германію, но мѣсто адъюнкта въ академіи, знакомство съ вліятельнымъ и имѣвшимъ доступъ въ знатные дома Петербурга Таубертомъ и наконецъ мѣсто домашняго учителя, доставленное ему послѣднимъ въ домѣ самаго президента академіи и гетмана Малороссіи Разумовскаго—очень поправили его положеніе. Изъ записокъ Шлецера (82) о жизни его въ домѣ Разумовскаго, гдѣ было устроено нѣчто въ родѣ воспитательнаго заведенія для нѣсколькихъ дѣтей самаго гетмана и для нѣкоторыхъ сыновей другихъ знатныхъ русскихъ: Олсуфьева, Теплова, Козлова, можно видѣть какъ былъ доволенъ Шлецеръ своимъ мѣстомъ и какъ разнообразныя знакомства его въ этомъ домѣ впослѣдствіи были ему полезны.

Шлецеръ, какъ адъюнктъ, не могъ принимать участія въ засѣданіяхъ академической конференціи; въ чемъ положительно состояли работы, поручаемыя ему академіей, намъ неизвѣстно; почему Шлецеръ разошелся съ прежнимъ своимъ покровителемъ Миллеромъ — мы также не знаемъ. Единственный трудъ его, который долженъ былъ получить извѣстность, была его русская грамматика, писанная на языкѣ нѣмецкомъ, которой одиннадцать листовъ были уже напечатаны въ академической типографіи, когда послѣдовало столкновеніе съ Ломоносовымъ. Но и этотъ трудъ, по всему видимому, воз-

---

(81) Матеріалы, стр. 696.
(82) Schlözer, S. 119—145.

никъ безъ участія академіи. Онъ былъ условленъ между Таубертомъ и Шлецеромъ. «Съ моимъ *начальникомъ* (по педагогическому институту Разумовскаго, гдѣ Тауберть былъ главнымъ), говоритъ Шлецеръ, я много разъ разсуждалъ о русскомъ языкѣ. Не только при переводѣ указовъ, но и при пользованіи передаваемыми мнѣ рукописями, встрѣчались мѣста, которыя не могли мнѣ объяснить никакая грамматика и никакой лексиконъ. Тауберть зналъ языкъ, но безъ всякихъ философскихъ свѣдѣній; часто дѣлалъ ему я такіе вопросы и возраженія, которые приводили его въ затрудненіе. Естественно заходила рѣчь между нами о существовавшихъ тогда русскихъ грамматикахъ и чаще всего разумѣется о Ломоносовской, считаемой образцовою. Съ помощію моей общей граммтики, я указалъ Тауберту на множество неестественныхъ правилъ у Ломоносова, на ненужныя подробности, съ такою ясностію, что ему сдѣлалось досадно почему онъ самъ того не замѣтилъ». Слѣдствіемъ всего этого было то, что Тауберть поручилъ Шлецеру въ началѣ 1763 года написать русскую грамматику, обѣщаясь напечатать ее на счетъ академіи (83). Печатаніе это было пріостановлено нападками Ломоносова.

Если вѣрить собственнымъ разсказамъ Шлецера, то въ матеріальномъ отношеніи онъ былъ довольно обезпеченъ сначала, но иною представлялась ему петербургская жизнь для научныхъ цѣлей. Не покидая задуманнаго имъ давно желанія ѣхать на Востокъ, онъ смотрѣлъ на мѣсто адъюнкта при академіи только какъ на средство къ тому, но не нашелъ сочувствія къ своему плану ни въ Миллерѣ, ни въ Таубертѣ — двухъ близкихъ къ нему академикахъ. Они не понимали его и предлагали путешествіе по Россіи, но Шлецеръ, мечтавшій объ Аравіи и Палестинѣ, не могъ равнодушно слышать о курильцахъ и якутахъ (84). Больше всего въ научныхъ петербургскихъ занятіяхъ интересовало Шлецера изученіе русскихъ лѣтописей и вѣроятно, уже сознавая въ этомъ отношеніи успѣхи его, нѣкоторые академики обѣщали ему въ будущемъ мѣсто Миллера и званіе россійскаго исторіографа съ 1200

---

(83) Тамъ же, стр. 167—168.
(84) Тамъ же, стр. 193.

рублями жалованья, но Миллеръ былъ крѣпкій старикъ и не думалъ покидать свое мѣсто. Адъюнктскимъ жалованьемъ и положеніемъ Шлецеръ не могъ быть доволенъ; отъ разныхъ предлагаемыхъ ему учительскихъ мѣстъ въ кадетскихъ корпусахъ онъ отказался и наконецъ пришелъ къ тому убѣжденію, что и литературныя цѣли его и экономическіе разсчеты заставляютъ выѣхать изъ Россіи. Въ перспективѣ было давно уже обѣщанное ему мѣсто профессора въ Гёттингенскомъ университетѣ, гдѣ онъ учился.

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, въ началѣ мая 1764 года, онъ подалъ въ канцелярію академіи доношеніе, прося у ней во первыхъ трехмѣсячный отпускъ въ Германію для излѣченія болѣзни и во вторыхъ, представляя по латыни образцикъ своихъ занятій русской исторіей «опытъ россійской древности, собранной изъ греческихъ авторовъ» (85), просилъ академію высказать до отъѣзда его мнѣніе о его трудахъ и можетъ ли онъ въ будущемъ разсчитывать на мѣсто ординарнаго академика. Канцелярія, въ которой главнымъ членомъ былъ Ломоносовъ, не находя съ своей стороны препятствій къ отпуску Шлецера, перенесла вопросъ о заслугахъ его въ общее академическое собраніе. Шлецеръ говоритъ, что онъ вовсе не былъ знакомъ съ Ломоносовымъ и даже боялся его (86), но сверхъ его ожиданія, послѣдній не противорѣчилъ его отпуску. Собраніе потребовало отъ Шлецера плана его будущихъ занятій.

Исполняя это требованіе, Шлецеръ представилъ очень скоро два плана. Одинъ «Мысли о способѣ разработки древней русской исторіи» былъ обширный планъ ученаго и критическаго изученія памятниковъ русской исторіи, о какомъ и не слыхивали современные русскіе историки. Какъ пробу своей способности быть русскимъ историкомъ, Шлецеръ предлагалъ написать исторію только по собраніямъ и сочиненіямъ Ломоносова и Татищева. Другой планъ состоялъ въ изданіи популярныхъ русскихъ руководствъ или книгъ для общаго знакомства съ наукою. Главною дѣятельницею въ этомъ

---

(85) Матеріалы, стр. 698.
(86) Автобіографія, стр. 204.

трудѣ должна была быть богатая русская академія. «Ея призваніе, говоритъ Шлецеръ не состоитъ только въ томъ, чтобъ дѣлать открытія для всего міра и науки вообще; русскій міръ ближе къ ней». На себя Шлецеръ бралъ составленіе руководствъ по исторіи, географіи и статистикѣ и надѣялся вполнѣ на успѣхъ, разсчитывая на любовь русскихъ къ чтенію. «Я мечталъ, говоритъ онъ, какъ космополитъ и патріотъ».

Планы Шлецера получили сначала одобреніе со стороны большинства академиковъ, но противниками явились Миллеръ и Ломоносовъ, всегда расходившіеся въ своихъ мнѣніяхъ и только на этотъ разъ согласные. Едва только услышалъ Ломоносовъ, что рѣчь идетъ о русской исторіи и о занятіяхъ ею Шлецера, какъ тотчасъ же сдѣлалъ докладъ президенту, что Шлецеръ не имѣетъ свѣдѣній въ русской исторіи, что мѣста ему нѣтъ въ академіи, такъ какъ оно занято Миллеромъ и Фишеромъ; притомъ онъ самъ пишетъ русскую исторію (87). Тоже самое, но болѣе подробно и рѣзко высказалъ онъ и въ конференціи. Онъ сожалѣетъ о Шлецеровомъ «безразсудномъ предпріятіи» заниматься русской исторіей и извиняетъ его только тѣмъ, что онъ взялся за это дѣло не по своей волѣ, а по совѣту другихъ. Отрицая знаніе Шлецера русскаго языка, и защищая свою монополію въ русской исторіи, онъ обвиняетъ его въ «безмѣрномъ хвастовствѣ и безвременныхъ требованіяхъ» и выставляетъ себя и свои «филологическія познанія, какъ недосягаемый образецъ для Шлецера. «Онъ же, говоритъ о себѣ Ломоносовъ, и предъ прочими своими согражданами пріобрѣлъ въ отечествѣ своемъ особливую похвалу во всемъ, что до языка и древностей россійскихъ принадлежитъ; по сему не можно ли почесть за неразсуднаго и наглаго, ежели онъ (т. е. Шлецеръ) похочетъ сравниться съ вышеупомянутымъ» (88). Сравняться съ Ломоносовымъ, о чемъ конечно и не думалъ Шлецеръ, идя по совершенно противоположной дорогѣ,—безстыдство и наглость съ его стороны. Мнѣніе Миллера не было высказано въ такихъ рѣзкихъ

---

(87) Матеріалы, стр. 700.
(88) Стр. 704.

выражепіяхъ, но и оно было не въ пользу Шлецера; оно было даже гораздо опасиѣе, по собственному замѣчанію Шлецера, который считаетъ даже обязанностію подробно опровергнуть его въ своей автобіографіи (89). Миллеру не хотѣлось чтобъ Шлецеръ и остался при академіи и занимался русской исторіей, особенно по русскимъ источникамъ, имъ самимъ издаваемымъ и онъ вписъ, между прочимъ, въ свое мнѣніе темную фразу: «не должно совѣтовать, чтобъ иностранцу, ищущему своего счастія не въ Россіи, давать въ руки такія извѣстія, которыя онъ можетъ впредь употребить *не по здѣшнему намѣренію*».

«Едва только я успѣлъ проснуться, 3 іюля 1764 года, разсказываетъ Шлецеръ, какъ услышалъ съ шумомъ въѣхавшій на нашъ дворъ экипажъ. Таубертъ быстро вбѣжалъ въ мою комнату и встревоженнымъ голосомъ просилъ, чтобъ я какъ можно скорѣе собралъ все рукописное, что взято мною у него. Рукописи Вольтера лежали въ порядкѣ; разбросанное я собралъ немедленно, но особенно настоятельно Таубертъ требовалъ рукописныхъ фоліантовъ о козакахъ. Всѣ эти груды бумагъ слуга отнесъ въ экипажъ Тауберта и онъ тотчасъ уѣхалъ» (90)

Тревога эта и испугъ Тауберта произошли оттого, что Сенатъ, на основаніи «доношенія» Ломоносова, указывавшаго въ немъ на выѣздъ Шлецера за море, и на то что у него есть русскія рукописи, изданіе которыхъ за границею предосудительно для Россіи, далъ въ тотъ день указъ Канцеляріи объ отобраніи ихъ отъ Шлецера и немедленномъ представленіи въ Сенатъ. Доносъ Ломоносова, какъ онъ самъ сознавался потомъ, основывался на заявленіи Миллера. Началось формальное слѣдствіе о рукописяхъ. Оказалось, что у Шлецера были списаны только торговый уставъ царя Алексѣя Михайловича и новгородскій лѣтописецъ. Шлецеру дали вопросные пункты и Таубертъ, другъ Шлецера, желая помочь ему, сталъ распространять по Петербургу смѣлые отвѣты Шлецера на запросы академіи. Разумовскій, возвратившійся въ Петербургъ изъ Лифляндіи, узнавъ о городскихъ толкахъ, тотчасъ же взялъ

---

(89) Стр. 225—230.

(90) Автобіографія, стр. 233.

къ себѣ всѣ бумаги по этому дѣлу, а отъ Ломоносова потребовалъ отвѣта, для чего онъ мимо его «яко главнаго командира академіи» утруждалъ сенатъ. Въ отвѣтѣ Ломоносовъ говоритъ, что онъ имѣлъ «довольныя причины» для такого рода дѣйствія и доказываетъ, что Шлецеръ человѣкъ вредный для Россіи. Онъ былъ и рекомендованъ Миллеромъ, человѣкомъ, «которой въ двухъ коммиссіяхъ подозрительнымъ признанъ публично въ рассужденіи непозволенныхъ переписокъ и *запозливыхъ мнѣній* о Россіи»; въ самой грамматикѣ Шлецера «внесены досадительныя Россіянамъ мнѣнія»; въ ней показалъ онъ себя только способнымъ издавать о Россіи ругательныя извѣстія (91). Грамматика эта сильно раздражала Ломоносова. Онъ возмущался, что Шлецеръ, «зная свою слабость и вѣдая искуство, труды и успѣхи въ словесныхъ наукахъ природныхъ Россіянъ, не обинулся приступить къ оному (русскому языку) и какъ бы нѣкоторый пигмей поднялъ Альпійскія горы». Нападая на сравнительный методъ Шлецера, онъ обвиняетъ его и въ оскорбленіи религіознаго чувства народа (въ производствѣ слова дѣва) и въ оскорбленіи россійскаго дворянства, котораго высочайшій степень (Князь) онъ производитъ отъ слова Knecht, что по нѣмецки холопъ. «Изъ сего, оканчиваетъ Ломоносовъ свое мнѣніе, заключить должно, какихъ *гнусныхъ пакостей* не наколобродитъ въ Росскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ *скотина*» (92). Послѣднимъ обстоятельствомъ Ломоносовъ особенно думалъ повредить Шлецеру въ обществѣ своихъ знатныхъ покровителей. Слова его дѣйствительно произвели впечатлѣніе и о Шлецерѣ вездѣ заговорили (93).

Между тѣмъ время шло. Шлецеру не давали ни рѣшительнаго отвѣта, ни паспорта въ Германію. Снова подаетъ онъ двѣ просьбы въ академію, но и онѣ остаются безъ дѣйствія. Положеніе его было самое неопредѣленное; оно длилось

---

(91) Матеріалы, стр. 713—716.

(92) Сочиненія Л—ва, т. I, стр. 762—763.

(93) Автобіографія, стр. 254. За мнимое оскорбленіе дворянства русскаго, Шлецеру отмстилъ извѣстный Эминъ. Въ своей «Россійской исторіи» (СПБ. 1767, стр. 36) онъ, par représsailles, доказывалъ, что нѣмецкое названіе König (konung) сходно съ русскимъ словомъ конюхъ.

уже полгода; желаніе разстаться съ Россіей и академіей возростало въ немъ все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ препятствій, подымающихся со всѣхъ сторонъ и по мѣрѣ дѣйствій противъ него Миллера и Ломоносова. «Я не требую ничего, кромѣ *абшита* и *паспорта*, пишетъ онъ въ просьбѣ и чтобъ получить ихъ готовъ на всѣ требованія академіи согласиться». Снова президентъ поручаетъ разсмотрѣть дѣло Шлецера канцеляріи, состоящей изъ Тауберта и Ломоносова,—друга и врага его (94). Ломоносовъ, отзываясь презрительно о Шлецерѣ, называя труды его по русской исторіи *непадобными* и иронически подсмѣиваясь надъ его восточнымъ путешествіемъ, заявилъ однакожъ, что онъ желаетъ дать ему полную волю на всѣ четыре стороны, только чтобъ онъ не имѣлъ болѣе никакихъ отношеній къ академіи (95). Мнѣніе Тауберта, друга, было другаго рода. Онъ предлагалъ: 1) оставить за Шлецеромъ и званіе адъюнкта, и жалованье, давши ему на неопредѣленное время отпускъ въ Германію; 2) прикомандировать къ нему двухъ или трехъ отправляемыхъ за границу учиться студентовъ, съ тѣмъ, чтобъ они подъ его руководствомъ упражнялись въ языкахъ восточныхъ и знакомились съ сѣверною исторіею, что все необходимо для русской; 3) не отбирать отъ него никакихъ рукописей и только взять съ него слово, что онъ не будетъ печатать ничего безъ вѣдома и одобренія академіи и проч. Понятно какими глазами долженъ былъ смотрѣть Ломоносовъ на эти условія, составленныя Таубертомъ, по всей вѣроятности по соглашенію съ самимъ Шлецеромъ. Явилось его мнѣніе на мнѣніе. Онъ сильно возставалъ противъ каждаго предложенія Тауберта и желалъ только развязаться окончательно съ Шлецеромъ, хлопоталъ о томъ, чтобъ академія не заключала съ нимъ никакихъ кондицій. «Чтожъ до паспорта изъ иностранной коллегіи надлежитъ, говоритъ онъ, то исходатайствованіе онаго въ правительствующемъ сенатѣ я принимаю на себя, и неукоснительно обѣщаніе свое исполню, какъ только упомянутой Шлецеръ

---

(94) Матеріалы, стр. 726.
(95) Стр. 729.

увѣритъ, что онъ больше отъ академіи ничего не требуетъ, какъ своего отпуску (96)».

Самъ Шлецеръ не терялъ бодрости и сознанія своего достоинства. Чрезъ посредство Тауберта и другихъ, онъ нашелъ легко сильныхъ покровителей. Для нихъ составилъ онъ подробное изложеніе своей жизни въ Петербургѣ и своихъ отношеній къ академіи. Эта записка, переведенная по русски и по французски была распространена въ городѣ, при дворѣ, представлена даже англійскому посланнику, герцогу Бокингэму, обѣщавшему свою помощь. Ему предлагали мѣсто учителя исторіи и географіи при цесаревичѣ, но «такая жизнь, говоритъ онъ, была не по мнѣ. Для человѣческаго счастія и для жизненнаго наслажденія у меня былъ другой маштабъ (97)». Бецкой давалъ ему мѣсто секретаря при академіи художествъ или секретаря при только что основанной медицинской академіи, но Шлецеръ желалъ добиться того, что онъ задумалъ, что представлялъ академіи наукъ. Какими путями удалось ему представить записку о себѣ и о своихъ желаніяхъ Императрицѣ и заинтересовать ее въ свою пользу — объ этомъ можно найти любопытныя подробности въ его автобіографіи. По приказанію Екатерины II, которая на первыхъ порахъ своего царствованія старалась быть покровительницею ума и талантовъ, всѣ акты Шлецеровскаго дѣла были переданы на разсмотрѣніе статсъ-секретарю ея Теплову. Императрица спросила только чрезъ него у Шлецера объ условіяхъ его будущей службы и 3 января 1765 года подписала указъ Академіи Наукъ, которымъ Шлецеръ опредѣлялся ординарнымъ профессоромъ исторіи на условіяхъ, составленныхъ имъ самимъ и подписанныхъ Тепловымъ (98). Ему открывался полный доступъ ко всякимъ рукописямъ; ему давалось право писать все, только съ одного вѣдома Императрицы.

Тяжелый ударъ нанесенъ былъ этимъ указомъ Ломоносову, за три мѣсяца до его смерти, тѣмъ болѣе, что онъ, надѣясь на своего новаго покровителя Орлова, не ожидалъ ни-

---

(96) Стр. 733.
(97) Автобіографія, стр. 263.
(98) Матеріалы, стр. 733—734.

чего подобнаго. Давно ли онъ привѣтствовалъ стихами молодую Императрицу, называя ее «россійскою отрадою», давно ли онъ увѣрялъ себя и другихъ, что она

«Златой наукамъ вѣкъ возставитъ,
И отъ презрѣнія избавитъ
Возлюбленный Россійскій родъ»—

и вотъ ея указомъ нѣмецкій проныра и наглецъ, какъ смотрѣлъ на Шлецера Ломоносовъ, становится рядомъ съ нимъ, заслуженнымъ ученымъ, первымъ изъ русскихъ прославившихъ трудами свое отечество, становится выше его, потому что для Шлецера нарушается академическій уставъ, его сочиненія не разсматриваются академіей; онъ отнимаетъ у него любимое дѣло, исторію дорогой ему родины, дѣло, для котораго онъ забылъ давно уже химію. Еще разъ пытался Ломоносовъ выразить свое неудовольствіе на опредѣленіе Шлецера, которымъ разомъ подрывалось все значеніе его долгой и упорной борьбы за преобладаніе русскаго элемента въ академіи. Онъ доказываетъ, что опредѣленіе Шлецера есть «обида старшимъ, нареканіе природнымъ Россіянамъ, утвержденіе старыхъ академическихъ непорядковъ», съ которыми онъ такъ напряженно ратовалъ (99). Но его голоса никто не слушаетъ; его сторонники, если только они оставались у одиноkаго въ петербургскомъ обществѣ, больнаго старика, молчали передъ Высочайшимъ указомъ; его враги торжествовали. «Гонящій въ гробъ недугъ» и горькое сознаніе безплодности своихъ стремленій и борьбы—должны были наполнить послѣднія, тяжелые мѣсяцы жизни Ломоносова. Мы не знаемъ съ кѣмъ дѣлился Ломоносовъ своею скорбью, да и дѣлился ли еще? Русская жизнь и теперь не успѣла развить внутренней стороны человѣка, возможности дружбы, сердечно-сознательнаго чувства, которое необходимо ищетъ сочувствія другихъ, а тогда, въ XVIII вѣкѣ, она была еще жестче, еще грубѣе. И Ломоносовъ прибѣгалъ къ вину....

Академическая борьба, казалось, составляла всю жизнь Ломоносова, придавала ему энергію и силу. И вдругъ кругомъ

---

(99) Тамъ же, стр. 735—736.

его стало пусто. Еще за мѣсяцъ до смерти его, старшій врагъ его и соперникъ Миллеръ уѣхалъ въ Москву начальникомъ основаннаго Екатериной II воспитательнаго дома. На эту должность онъ долженъ былъ промѣнять свою многолѣтнюю академическую дѣятельность и любимыя имъ занятія русской исторіей. Назначеніе Шлецера должно было особенно сильно подѣйствовать на Ломоносова; его жизнь подорвана была разомъ; въ ней не было уже мѣста поддерживающей его борьбѣ и онъ очень скоро умеръ, 54 лѣтъ отъ роду, какъ Петръ В., замѣчаетъ Шлецеръ. Умирая онъ уносилъ съ собою въ гробъ и неосуществленныя надежды на преобразованіе академіи, и горькое убѣжденіе, что его борьба съ нѣмецкой партіей была безплодна, что послѣ смерти его все пойдетъ по старому. Академія тотчасъ же по смерти его задумала почтить память покойнаго торжественнымъ поминаніемъ его заслугъ; она поручила Штелину написать ему похвальное слово, но въ дѣйствительности это былъ только обычный decorum и нѣмецкая партія вѣроятно глубоко радовалась въ душѣ, что избавилась отъ назойливаго, рѣзкаго Ломоносова, который не пропускалъ ни одного случая насолить ей. Послѣ смерти его она явилась господствующею. «Замѣстить его въ канцеляріи медлили, говоритъ, Шлецеръ; Таубертъ остался одинъ директоромъ ея, т. е. дѣйствительнымъ правителемъ всей академіи и мнѣ, его тайному совѣтнику, было недурно при этомъ новомъ порядкѣ вещей» (100).

Эта безплодность борьбы Ломоносова, которую выставляли юбилейные восторги, какъ примѣръ и образецъ современникамъ—наводитъ на грустныя размышленія. Цѣлая жизнь тревоги—и никакихъ результатовъ, и все осталось по прежнему, какъ было до тѣхъ поръ. А между тѣмъ, у вождя этой борьбы были, кажется, всѣ задатки для успѣха: умъ чрезвычайно разнообразный и энергическій, неутомимое трудолюбіе и подвижность въ дѣятельности и наконецъ матеріальная сила. Правда въ характерѣ Ломоносова было довольно недостатковъ чисто національныхъ, сложившихся подъ вліяніемъ продолжительной и оригинальной исторіи родины, подъ вліяні-

---

(100) Автобіографія, стр. 302.

емъ общества и обстановки; правда, и другіе люди, выходившіе за нимъ на ту же дорогу, бравшіеся за то же дѣло, представляютъ подобные же общіе недостатки, но были еще другія причины, независящія отъ личной воли, которыя ставили неодолимыя преграды стремленіямъ, и дѣлали ихъ напрасными. Самое значеніе науки въ нашемъ отечествѣ совершенно иное, чѣмъ тамъ, гдѣ она создалась вѣковыми усиліями и выросла вмѣстѣ съ ростомъ общества, развиваемаго ею. Ломоносовъ, въ борьбѣ своей, будучи первымъ представителемъ у насъ науки, первымъ человѣкомъ, громко заговорившимъ о своемъ значеніи на основаніи умственнаго труда, не могъ вполнѣ опираться на науку, подобно врагамъ своимъ, болѣе счастливымъ давностію знакомства съ нею. Историческія условія дали наукѣ нашей иной характеръ и въ отношеніяхъ Ломоносова къ ней раскрывается его значеніе въ исторіи умственнаго нашего развитія, раскрывается смыслъ его жизни, смыслъ его труда. Большинство юбилейныхъ рѣчей, какъ и слѣдовало ожидать, обратило преимущественное вниманіе на эту сторону значенія Ломоносова. Надобно было показать связь, соединяющую Ломоносова съ нашею современностію, надобно было показать смыслъ его дѣятельности, показать за что цѣнимъ и уважаемъ мы Ломосова кромѣ безплодной борьбы его: иначе юбилей потерялъ бы свое значеніе и восторженныя рѣчи оказались бы пустыми словами.

Посмотримъ, съ нашей точки зрѣнія, въ чемъ заключается достоинство умственнаго труда Ломоносова и какія нити соединяютъ настоящее съ этимъ главнымъ и существеннымъ содержаніемъ жизни великаго русскаго человѣка.

III.

Очень долго, со времени еще жизни Ломоносова и почти до настоящихъ дней, на него смотрѣли исключительно, какъ на поэта, творца новаго періода русской литературы, соотвѣтствующей идеямъ реформы Петра В. «Онъ нашихъ странъ Малгербъ, онъ Пиндару подобенъ»! — слова похвальной надписи, сочиненной литературнымъ врагомъ его Сумароковымъ, — составляли главное и существенное опредѣленіе дѣятельности Ломоносова, выражали воззрѣніе на него всего XVIII столѣтія и частію нашего. Только въ тридцатыхъ годахъ начинается поворотъ въ другую сторону въ отношеніяхъ къ великому начинателю русской научной дѣятельности. Опредѣленіе смысла заслугъ Ломоносова и содержанія его трудовъ по тѣмъ наукамъ, которыя онъ представлялъ въ свое время въ академіи, — лежало на совѣсти нашихъ ученыхъ. «Не могу не сдѣлать замѣчанія, говорилъ въ 1831 году одинъ изъ представителей русской науки, о несправедливомъ равнодушіи русскихъ ученыхъ къ трудамъ знаменитаго соотечественника: разсуждая о теплѣ, всегда умалчиваютъ они о Ломоносовѣ, предупредившемъ Румфорда цѣлымъ полстолѣтіемъ. Для чего не слѣдуютъ похвальному примѣру иноземныхъ ученыхъ, которые всякое новое замѣчаніе своихъ собратій сохраняютъ тщательно и даже весьма часто о самыхъ мелочныхъ опытахъ пишутъ и говорятъ, какъ объ открытіяхъ, расширяющихъ предѣлы науки? Напротивъ мы рѣдко оцѣниваемъ труды своихъ согражданъ, хладнокровно уступаемъ иностранцамъ славу изобрѣтеній (1)». Упрекъ этотъ теперь, сколько

(1) Рѣчь профессора Московскаго университета Д. М. *Перевощикова*. «Разсмотрѣніе Ломоносова разсужденія: о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электричества происходящихъ». М. 1831. 4°.

намъ кажется, можетъ быть снятъ съ русскихъ ученыхъ, которые идутъ по одной дорогѣ съ Ломоносовымъ. Въ юбилейныхъ сочиненіяхъ, изданныхъ университетами Московскимъ и Харьковскимъ, читатель найдетъ характеристику Ломоносова въ его разнообразной научной дѣятельности. Представители русской науки на университетскихъ каѳедрахъ, старались изобразить Ломоносова какъ грамматика, физика, химика, миналога, старались раскрыть содержаніе и смыслъ его сочиненій по этимъ наукамъ, показать отношеніе его и къ наукѣ европейской, ему современной и къ нашему времени. Эти поздніе помишки послѣ долгаго и равнодушнаго молчанія весьма замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Они свидѣтельствуютъ и о ростѣ самой науки въ нашемъ отечествѣ, которая пытается связать себя съ роднымъ преданіемъ и о желаніи дать оцѣнку трудамъ Ломоносова въ самомъ существенномъ содержаніи ихъ. Значеніе Ломоносова, какъ сына поморскаго рыбака, какъ поэта и оратора, повторялось у насъ безчисленное множество разъ. Бѣдные великими людьми въ области духа, мы эту почти единственную народную славу свою, опошлили дешевыми восторгами и до настоящаго времени вообще мало сдѣлали для ея опредѣленія, для доказательства ея научнаго значенія. Наши физики и химики долго молчали о трудахъ Ломоносова и только въ виду всероссійскаго торжественнаго помнанія его заслугъ, они стали изучать его сочиненія въ тѣхъ отдѣлахъ, которые близко касаются ихъ профессіи, какъ бы устыдясь своего равнодушія. Но мы не станемъ обвинять ихъ за прошлое неуваженіе къ научному имени Ломоносова, за то, что они не хотятъ признать его своимъ родоначальникомъ. Возмездіе за забвеніе, кажется намъ, найдется въ ихъ судьбѣ: ихъ ждетъ та же участь въ будущемъ ходѣ русскаго духовнаго образованія. Можетъ быть имена ихъ и уйдутъ отъ забвенія, но смыслъ ихъ дѣла, значеніе трудовъ ихъ будетъ неясно потомству. Оно, занятое своимъ дѣломъ, пройдетъ равнодушно мимо ихъ, какъ сами они долго проходили мимо Ломоносова, не изучая его теорій и имѣя о немъ только школьныя представленія. Такое печальное явленіе зависитъ отъ историческаго положенія нашей русской науки и въ немъ приходится также искать смыслъ научной дѣятельности и значеніе Ломоносова въ наукѣ.

Время, посреди котораго жилъ и дѣйствовалъ Ломоносовъ, въ умственномъ отношеніи было то время, когда въ государствѣ и обществѣ разработывались начала, указанныя Петромъ В. и самодержавно вводимыя имъ самимъ въ русскую жизнь. Начала эти заключались въ признаніи несостоятельности старыхъ формъ жизни, сложившихся прежнею, почти тысячелѣтнею исторіею народа, въ отрицаніи ихъ и въ ускоренной погонѣ за чужимъ, за плодами чужаго развитія, за формами Европы. Все, что въ тогдашнемъ обществѣ было лучшаго, свѣжаго и развитаго, все, что смотрѣло впередъ,— было на сторонѣ Петровой реформы, особенно потому что она отвѣчала дѣйствительнымъ нуждамъ нашего отечества и давала то, чего недоставало намъ. Отсюда уваженіе въ тогдашнемъ обществѣ всего иностраннаго, высокое значеніе иностранцевъ, явившихся учителями, легкая для нихъ возможность сдѣлать быструю и блестящую карьеру въ жизни. Отсюда также и та глубокая и искренняя вѣра въ примѣнимость европейскихъ началъ и формъ къ русской жизни, которая не покидала представителей того времени. Въ ихъ дѣятельности и убѣжденіяхъ не могло быть болѣзненнаго разлада, составившаго умственное содержаніе цѣлой школы, намъ современной. Ломоносовъ искренно вѣрилъ въ свое дѣло и въ современность его окружавшую. Безусловно признавая совершившійся историческій фактъ реформы, онъ не задумывался надъ своимъ призваніемъ, бодро смотрѣлъ впередъ, опираясь на силу духа, на знаніе, которое тревожно, какъ бы не надѣясь на долгую жизнь, хотѣлъ примѣнить къ дѣйствительности, къ дѣлу успѣха горячо любимой имъ родины. Онъ вѣрилъ, что посѣянное имъ взойдетъ богатою жатвою, что ему найдутся прямые наслѣдники и не могло ему придти въ голову, что русскіе только чрезъ сто лѣтъ станутъ уяснять себѣ смыслъ его труда, примутся изучать его. Онъ не зналъ, что заимствованное насильственнымъ образомъ, не имѣетъ *корней* въ жизни и приводя слова Петра, что «въ пространномъ семъ государствѣ высокія науки изберутъ себѣ жилище и въ россійскомъ народѣ получатъ къ себѣ любовь и усердіе», Ломоносовъ утверждалъ, что это предсказаніе царя—преобразователя уже въ его время начинаетъ приходить въ исполненіе. «Збытіе премудраго его предсказанія, говоритъ онъ,

пріемлетъ уже свое начало не токмо въ тѣхъ, которыхъ должность есть въ наукахъ упражняться; но и въ оныхъ явно себя показываетъ, которые отягощены бременемъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Уже знатныхъ военныхъ, статскихъ и придворныхъ особъ, бесѣды рѣдко проходятъ, чтобы притомъ о наукахъ разсужденія съ похвалою не было (2)». Завидная вѣра въ окружающую дѣйствительность, которую мы даже не можемъ имѣть, если только она не была со стороны Ломоносова условною лестью.

Разсматривая общій характеръ дѣятельности Ломоносова, мы убѣждаемся, что выше всего въ этой дѣятельности стояла для него наука, вызвавшая его изъ отдаленной родины и выдвинувшая его впередъ. Наука была новымъ явленіемъ въ русской жизни; она была плодомъ реформы и поколѣніе, слѣдовавшее за временемъ переворота, въ людяхъ мысли и умственнаго труда, не могло не благодарить Петра за это благодѣяніе. Воспитанникъ европейской науки, Ломоносовъ понималъ ея значеніе для своей родины, призванной къ новой жизни; онъ говорилъ, что наука со временемъ должна раскрыть тайныя и пока еще никому незнакомыя богатства Россіи, онъ понималъ, что обширная страна нуждается въ дѣятеляхъ, ученыхъ и образованныхъ; онъ вѣрилъ,

«Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать».

Онъ утверждалъ, что «нѣтъ ни единаго мѣста въ просвѣщенной Петромъ Россіи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принесть науки». Такое убѣжденіе, развившееся въ Ломоносовѣ историческимъ характеромъ новой Россіи и знакомствомъ его съ западною наукою, было дѣломъ всей его жизни и всю эту жизнь онъ принесъ наукѣ и постоянному труду. Первый изъ русскихъ, подъ вліяніемъ преобразованія, съ энергіей и увлеченіемъ, онъ взялся за науку и не испугался того громаднаго развитія, которое она представляла въ Европѣ уже и въ его время и,—за что въ особенности поздніе потомки должны помнить его съ благодарностію,— онъ смотрѣлъ на науку

---

(2) Вольфіанская експериментальная физика. Спб. 1746. Посвященіе Л-ва графу М. Л. Воронцову.

съ точки зрѣнія пользы, какую она можетъ принести его отечеству. Онъ ждалъ отъ нея непосредственныхъ результатовъ и прямаго блага и желалъ поэтому, чтобъ она имѣла у насъ своихъ, національныхъ представителей, лучше понимающихъ Россію, чѣмъ иностранные наемники. Но дѣйствительность не соотвѣтствовала ни его вѣрѣ, ни его желаніямъ и этимъ можно объяснить его безполезную академическую борьбу съ нѣмцами, на которую онъ растратилъ очень много времени и силъ. Что бы ни примѣшивалось къ этой борьбѣ изъ времени и изъ обстановки Ломоносова, все таки она, какъ національный порывъ, должна быть дорога намъ и одно желаніе Ломоносова: «я видѣть россійскую академію изъ сыновъ россійскихъ желаю»—оправдываетъ Ломоносова.

Но, перенесенная изъ чужбины не путемъ свободнаго странствованія, какъ обыкновенно переходятъ науки изъ одной страны въ другую, а волею царя-преобразователя, насильно двинувшаго свой народъ, наука должна была получить у насъ своеобразный характеръ и форму, не совсѣмъ выгодную для дальнѣйшаго, прочнаго и полезнаго существованія. Жизнь Ломоносова, съ его жаждою знанія и съ любовію къ наукѣ, человѣка, полнаго силы духовной и воли, представляетъ намъ поучительное зрѣлище. Точно стоитъ онъ въ дремучемъ лѣсу, гдѣ ему приходится одному, безъ помощи и сочувствія, напряженно прокладывать дорогу къ свѣту. Жизнь требуетъ отъ него самой усиленной и разнообразной дѣятельности, требуетъ борьбы съ ея волненіями и ему некогда успокоиться, некогда отдаться по свободному выбору одному какому либо труду, которому бы онъ могъ посвятить себя всецѣло, не развлекаясь ни чѣмъ другимъ. Ломоносовъ вноситъ въ науку свой страстный характеръ, смѣло берясь разомъ за многое, неудовлетворяясь ничѣмъ и вѣчно порываясь впередъ, по мѣрѣ того, какъ въ душѣ его подымались вопросы за вопросами. Любопытно послушать въ этомъ отношеніи собственныя его признанія. «По разнымъ наукамъ, говоритъ онъ, у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній»... Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ опредѣляетъ свою дѣятельность: «Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и

проэкты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, *и долженъ еще на срокъ поставить*, отъ того я ничего больше требовать не имѣю».... «Голова моя много зачинаетъ, да руки одиѣ»—жаловался онъ. Иногда, увлеченный однимъ дѣломъ болѣе прочаго, онъ какъ бы забываетъ прежнюю работу и смотритъ на нее, какъ на что-то второстепенное. Занятый особенно сочиненіемъ русской исторіи, на опасеніе покровителя своего Шувалова, чтобы она не отвлекла его отъ главнаго дѣла, Ломоносовъ отвѣчаетъ ему слѣдующимъ образомъ: «Что жъ до другихъ моихъ въ физикѣ и химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія: для того оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времяни, чтобы ихъ вмѣсто бильяру употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкарства служить имѣютъ и сверхъ сего пользу и честь отечеству конечно принести могутъ, едва ли меньше первой» (3).

Трудъ по заказу, а не по свободному выбору составляетъ другую невыгодную сторону научной дѣятельности Ломоносова и по внѣшней волѣ онъ переходитъ отъ одного дѣла къ другому. За границею готовится онъ быть горнымъ практикомъ и металлургомъ; по возвращеніи на родину, онъ получаетъ въ академіи каѳедру химіи. Онъ химикъ, заваленный работою въ лабораторіи, кромѣ упражненій для лекцій, по поводу присылокъ изъ разныхъ вѣдомствъ, обращиковъ то рудъ, то минераловъ, а между тѣмъ Штатсъ-Контора только ему одному

---

(3) Сочиненія Л—ва, изданіе Смирдина, Т. III. стр. 661—662.

считаетъ возможнымъ заказывать постоянно стихи на иллюминаціи, которыя любилъ тогда дворъ. Ломоносовъ обязанъ, согласно господствовавшему тогда обычаю въ академіи, доставить къ каждому высокоторжественному дню оду и онъ ставитъ ихъ тремъ императрицамъ и двумъ императорамъ. Въ тѣже праздиества, онъ одинъ является ораторомъ въ академіи. Меценаты, которымъ онъ клапяется, рвутъ на части Ломоносова. Воронцовъ требуетъ отъ него мозаическихъ картинъ; Разумовскій — эмпирическихъ опытовъ и публичныхъ лекцій по физикѣ, Шуваловъ—русской исторіи и проэкта Московскаго университета. Въ то время какъ у него множество работы въ академіи, онъ получаетъ Высочайшее повелѣніе поставить въ срокъ для императорскаго театра двѣ трагедіи. Ломоносовъ печатаетъ грамматику и металлургію, реторику и физику, переводитъ Анакреона и пишетъ глубокія замѣчанія о нравственномъ и физическомъ состояніи народа, бытъ котораго ему вполнѣ извѣстенъ. Трудно представить, чтобъ посреди этихъ страшныхъ контрастовъ, изъ которыхъ слагалась дѣятельность Ломоносова, онъ могъ создать что либо долговѣчное, спокойно задуманное и спокойно выполненное. Честь и слава ему, если, несмотря на перекрестныя требованія, онъ сохранилъ въ трудахъ своихъ и умъ и геніальныя способности.

Самая форма научныхъ произведеній Ломоносова была такова, что указывала на спѣшную работу. Это—или академическія рѣчи, написанныя къ срочному дню, или простыя, короткія записки, приготовленныя частію для помѣщенія въ мемуарахъ академіи, частію для подачи разнымъ знатнымъ покровителямъ, которыхъ Ломоносовъ хотѣлъ заинтересовать въ пользу науки, или наконецъ учебники по разнымъ наукамъ, составленные и изданные въ виду настоятельной потребности русскаго общества, которой Ломоносовъ торопился удовлетворить. Изъ этихъ разнообразныхъ трудовъ, раскрывающихъ разносторонпія способности Ломоносова, трудно составить изслѣдователю цѣльное и ясное понятіе объ общемъ научномъ ихъ содержаніи. Ломоносовъ не представлялъ собою ученаго, который постоянно и спокойно работаетъ въ одной избранной имъ области научной, когда рядомъ съ нимъ работаютъ также и другіе, посвящая силы отдѣльному труду и сознавая,

что послѣдній имѣетъ связь съ цѣлымъ, что общими усиліями создается наука и цивилизація цѣлой страны. Ломоносовъ былъ къ сожалѣнію одинъ: вокругъ него были или враги или бездарные завистники или своекорыстные и равнодушные покровители. Въ странѣ не было ничего приготовлено для свободной научной дѣятельности и Ломоносовъ самъ долженъ былъ взяться за черную работу, въ то время, когда мысль его работала надъ общими представленіями, бралась за разрѣшеніе самыхъ спорныхъ вопросовъ науки, надъ которыми давно ломали голову европейскіе ученые и создавала смѣлыя теоріи. Можно было успѣть въ чемъ нибудь одномъ, но разомъ браться за оба дѣла, за трудъ синтеза въ наукѣ и за аналитическую разработку подробностей — едвали можно было съ успѣхомъ. А между тѣмъ, Ломоносовъ былъ поставленъ въ это невыгодное, двойное отношеніе къ научной дѣятельности и на его трудахъ должны были отразиться слѣдствія его невыгоднаго положенія.

Какъ бы ни были разнообразны ученые труды Ломоносова, все же главная его дѣятельность относилась къ наукѣ о природѣ и здѣсь, согласно общему направленію этой науки въ XVIII вѣкѣ (а Ломоносовъ учился у вождя этого направленія), передъ русскимъ ученымъ носился стройный образъ цѣлаго, общей гармоніи. Онъ, подобно своимъ современникамъ, смотрѣлъ на природу, какъ на цѣлую гармонію, вытекающую изъ одной зиждительной мысли и потому онъ приступалъ къ *Натурѣ*, входилъ въ лабораторію ея таинственныхъ силъ съ священнымъ трепетомъ. Передъ естествоиспытателемъ природа являлась, «какъ нѣкоторая художница, упражняющаяся безъ закрытія въ своемъ искусствѣ». Изученіе ея «трудно, однако пріятно, полезно, свято. Чѣмъ больше таинства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце». Въ природѣ и Ломоносовъ и наука его времени видѣли всемогущество, величіе и премудрость Строителя; она была теодицеей, раскрытіемъ его свойствъ. Съ этой цѣлью преимущественно изучали ее; такой взглядъ былъ какъ бы прикрытіемъ науки послѣ того, какъ церковь обвинила науку возрожденія въ атеистическихъ тенденціяхъ; это была реакція Лейбница противъ пантеизма его предшественника — Спинозы. Видимый міръ былъ книгою, которую Богъ от-

крылъ человѣческому роду, а потому знаніе натуры вело прямо къ Богу. «Кто притомъ, говоритъ Ломоносовъ, представляетъ еще всесильнаго строителя и начальника натуры, взираетъ просвѣщеннымъ и проницающимъ окомъ въ сокровенныя внутренности многообразныхъ тварей, видитъ взаимнымъ союзомъ соединенныя и стройнымъ чиномъ расположенныя ихъ части, таинства инымъ несвѣдомыя, въ которыхъ непостижимая Зиждителева премудрость тѣмъ великолѣпнѣе является, чѣмъ тончае есть оныхъ строеніе, тотъ не только легкими крылами благоговѣнія къ небу восхищается, но и самъ яко бы въ нѣкое обожаніе приходитъ». Наука о природѣ хотѣла разомъ уловить и усвоить эту гармонію, это цѣлое, вывести все изъ одного начала и, какъ въ началѣ науки, въ Греціи, передъ нею и теперь раскрывался цѣлый міръ въ образѣ живаго организма, въ которомъ каждая часть имѣетъ смыслъ, служащій цѣлому.

Но въ то время, какъ передъ Ломоносовымъ носился этотъ цѣльный образъ науки, возможный только послѣ продолжительной черной работы и мелочныхъ, подробныхъ изслѣдованій, въ Россіи того времени вовсе не было этой необходимой подготовки. Ученые не имѣли матеріаловъ, а общество не было приготовлено къ научнымъ изслѣдованіямъ и не понимало ихъ. Ломоносовъ, какъ и многіе другіе ученые русскіе, вывезъ изъ Европы только результаты ея науки, но онъ не зналъ, какимъ длиннымъ путемъ и какими тяжелыми усиліями достаются они человѣчеству. Когда ему пришлось работать, то онъ увидѣлъ, что для науки въ его отечествѣ не было сдѣлано ничего, что ему самому приходится и собирать матеріалы и дѣлать изъ нихъ общіе выводы. Естественно, что такая необходимость имѣла много невыгодныхъ сторонъ и мѣшала спокойной работѣ, сосредоточенію. Наука безъ своей предварительной исторіи являлась, какъ цвѣтокъ, выросшій въ чужой землѣ, случайно пересаженный въ нашу и не имѣющій въ ней корней. На каждомъ шагу Ломоносовъ долженъ былъ встрѣчаться съ необходимостію матеріальной подготовки и сознаніе ея выразилось у него въ значительномъ количествѣ проэктовъ, представленныхъ имъ академіи.

Часть проэктовъ этихъ касалась физики и химіи и конечно должна быть обсуждена спеціалистами. То были ни-

струменты и машины, имъ самимъ придуманные для наблюденій. Таковы: *анемометръ*, измѣряющій скорость воздуха и перемѣны въ его направленіи (4); машина, для наблюденія надъ преломленіемъ лучей, проходящихъ сквозь жидкія матеріи (5); одобренная тогдашними академиками, machina aërodromica—для изслѣдованія метеорологическаго состоянія верхнихъ слоевъ атмосферы (6); воздушный горизонтальный термометръ для измѣренія высшихъ градусовъ искусственной стужи (7); гусли, особаго рода, для наблюденія надъ движеніемъ эѳира (8) и нѣкоторые другіе. Какая судьба постигла эти изобрѣтенія Ломоносова, какое значеніе имѣли они въ тогдашней наукѣ,—объ этомъ ученые изслѣдователи трудовъ его не говорятъ ничего. Одно изобрѣтеніе Ломоносова, *ночезрительная труба*, было причиною ожесточеннаго спора съ нимъ академика Эпинуса, который доказывалъ всю невозможность этого инструмента и предлагалъ отправить дѣло на обсужденіе Парижской Академіи Наукъ (9). Другіе проэкты касались собиранія свѣдѣній о Россіи. Въ ней мало еще было сдѣлано для знакомства съ обширными областями, ее составлявшими, между тѣмъ въ свѣдѣніяхъ нуждались тогда на каждомъ шагу и Ломоносовъ, занятый въ академіи по разнымъ отдѣламъ ея, встрѣчающій безпрерывно надобность въ предварительныхъ матеріалахъ и свѣдѣніяхъ, необходимо долженъ былъ хлопотать о нихъ и представлять разные проэкты для ихъ полученія. Составляя атласъ Россіи, онъ убѣдился, что большинство главныхъ мѣстъ не было опредѣлено географически и вотъ самъ собою возникаетъ проэктъ географическихъ экспедицій по Россіи (10), проэктъ, задуманный имъ въ 1759 году. Для приведенія въ исполненіе этого проэкта, Ломоносову приходится говорить даже о пользѣ географіи. Онъ предполагаетъ послать три

---

(4) Матеріалы, стр. 117—118.
(5) Стр. 166.
(6) Стр. 271.
(7) Стр. 425.
(8) Стр. 347.
(9) Стр. 391—392.
(10) Стр. 397.

экспедиціи въ разныя части Россіи, подъ начальствомъ академическихъ адъюнктовъ. Всѣ академики, за исключеніемъ Миллера, видѣвшаго затрудненія въ недостаткѣ людей и инструментовъ и въ дурномъ состояніи дорогъ внутри имперіи, одобрили этотъ проэктъ (11). Тогда же было представлено отъ академіи въ Сенатъ доношеніе о приведеніи его въ исполненіе (12), доказывающее, что «оное дѣло для государства весьма потребно и полезно». Хотя Сенатъ издалъ въ скоромъ времени указъ начальствамъ губерній, уѣздовъ и городовъ о приведеніи въ исполненіе географическихъ экспедицій и объ оказаніи имъ всякаго рода содѣйствія, но еще прежде его, ордеромъ президента академіи, географическія экспедиціи откладывались, такъ какъ надобно было снарядить другія, въ помощь французскому аббату Шапу, отправленному изъ Парижа въ Сибирь для наблюденія прохожденія Венеры около солнца, которое должно было послѣдовать въ маѣ 1761 года. Такимъ образомъ это предположеніе Ломоносова было «приведено въ укосненіе» и черезъ четыре года, не задолго до своей смерти, онъ опять дѣлалъ о томъ представленіе президенту (13), но проэктъ экспедиціи, встрѣтившій сильное противодѣйствіе въ ученикѣ Ломоносова—Румовскомъ,—все таки не былъ приведенъ въ исполненіе (14). Точно такой же участи подвергся другой проэктъ Ломоносова о собираніи минераловъ, что было необходимо для знакомства «съ внутренностію россійской подземной натуры», «для приращенія государственнаго богатства, могущества и славы». Имѣя въ виду, что въ Россіи того времени нѣтъ достаточнаго количества знающихъ минералоговъ и что отправка ихъ стоитъ дорого и можетъ встрѣтить значительныя затрудненія, Ломоносовъ, по словамъ его, «сыскалъ легкой и краткой способъ» для полнаго ознакомленія съ минеральными богатствами Россіи. «Въ нашемъ отечествѣ, говоритъ онъ, имѣемъ мы сильныхъ и многочисленныхъ рудокоповъ и многія тысячи рудоискателей и ру-

---

(11) Стр. 461—462.
(12) Стр. 465—468.
(13) Стр. 674—678.
(14) Стр. 689—692.

докопателей, каждой сильнѣе тысячи саксонцевъ». Слова эти надобно понимать метафорически и за такое употребленіе ихъ извиняется самъ Ломоносовъ: рудокопы—русскія рѣки, а рудоискатели—крестьянскіе дѣти. Указомъ Сената должны быть собраны разные пески, камни, глины, такъ чтобъ изъ каждаго города вѣсъ посылки не превышалъ пяти пудовъ; собирать по деревнямъ должны старосты или соцкіе посредствомъ ребятъ и выбравъ лучшіе сорты, отвозить въ мѣста, гдѣ они подсудны, а оттуда по выбору въ губернскія канцеляріи или прямо въ Петербургъ. Ломоносовъ разсчитывалъ, что въ теченіе двухъ лѣтъ, для перевозки минераловъ потребуется только около двухъ сотъ подводъ и что собраніе ихъ произойдетъ безъ всякаго отягощенія для народа. Онъ надѣялся такимъ способомъ найти гдѣ либо въ присылаемыхъ пескахъ золотоносное содержаніе, обломки дорогихъ камней, которые укажутъ на ихъ природное мѣсто, лучшія глины для фарфора, руды и пр., что могло бы послужить также для сочиненія россійской минералогіи. Предоставляемъ судить знатокамъ дѣла былъ ли выполнимъ этотъ планъ Ломоносова въ дѣйствительности (15) и такимъ ли путемъ собираются геогностическія свѣдѣнія о странѣ, но онъ не былъ приведенъ въ исполненіе, какъ и многіе другіе проэкты его и въ послѣдствіи Ломоносовъ замѣнилъ его воззваніемъ къ заводчикамъ присылать ему образчики своихъ рудъ въ Петербургъ. Замѣтить слѣдуетъ однако, что тогда не одинъ Ломоносовъ увлекался научными проэктами всякаго рода и часто невыполнимыми. Примѣромъ можетъ служить указъ Императрицы Екатерины II о картахъ россійскихъ продуктовъ, къ которому очень дѣльныя замѣчанія написалъ Ломоносовъ (16). Почти такого же рода былъ проэктъ Ломоносова о россійской иконографіи (17). Онъ предлагалъ послать отъ академіи художника въ столицы и древніе русскіе города для снятія въ копіи имѣющихся въ

---

(15) Стр. 532—539. Г. Леваковскій (профессоръ геологіи въ Харьковскомъ у—тѣ) называетъ проэктъ Л—ва замѣчательнымъ и ставитъ ему въ достоинство, что Л—въ вызывалъ къ осуществленію его земство. См. Памяти Ломоносова. Харьковъ, 1865. стр. 82—83.

(16) Стр. 604—608.

(17) Стр. 463—465.

церквахъ изображеній великихъ князей, царей и ихъ женъ, для того, чтобъ «отъ снѣдающаго времени отнять лики и память нашихъ владѣтелей и сохранить для позднѣйшихъ потомковъ и чтобъ показать въ другихъ государствахъ россійскія древности и тщаніе предковъ нашихъ». Академія назначила для выполненія этого проэкта живописца, рашга порутческаго Андрея Грекова, Синодъ съ своей стороны разослалъ указы по епархіямъ, но что вышло изъ всего этого — неизвѣстно.

Надобно впрочемъ отдать полную справедливость Ломоносову, что составляя проэкты для собранія сырыхъ матеріяловъ науки, у насъ еще неизвѣстной, но образъ которой жилъ въ головѣ его, онъ думалъ не объ отвлеченномъ отъ жизни знаніи, а о практическомъ знакомствѣ съ родною страною, о раскрытіи невѣдомыхъ никому ея богатствъ. Таковъ проэктъ Ломоносова объ «экономическомъ лексиконѣ», въ которомъ должны быть указаны всѣ экономическія богатства Россіи, какъ естественныя, такъ и произведенныя промышленностію народа, какъ предметы домашняго потребленія, такъ и предметы торговли. Академія, съ своимъ нѣмецкимъ характеромъ науки, выражавшаяся на языкѣ латинскомъ, непонятномъ обществу, должна была, по его плану, издавать «Ученыя вѣдомости» на языкѣ русскомъ, которыя бы знакомили общество и съ трудами русскихъ академиковъ, и съ тѣмъ, что дѣлалось по наукѣ въ Европѣ (18). Проэктъ этотъ переданъ былъ канцеляріей академіи ея собранію, но что тамъ было сдѣлано для него — «о томъ не репортовано». Еще болѣе значенія долженъ представить другой проэктъ его «Внутреннихъ россійскихъ вѣдомостей» (19), въ которыхъ сообщались бы «знанія о внутреннемъ состояніи государства», на основаніи извѣстій изъ городовъ и губерній. Не смотря на то, что это предложеніе было «апробовано» президентомъ, но и по немъ «дальняго ничего не происходило». Ломоносовъ изъ множества неудачъ, могъ бы убѣдиться, какъ мало онъ сдѣлалъ проэктами, исполненіе которыхъ задерживалось съ од-

---

(18) Стр. 370—371.
(19) Стр. 392—393.

ной стороны печальнымъ недовѣріемъ власти къ попыткамъ русскаго человѣка, ненавидящаго иностранныхъ учителей, съ другой тупымъ равнодушіемъ самаго общества, для котораго долго еще не могла начаться сознательная жизнь. Но онъ не бросалъ энергіи и до конца жизни не терялъ надежды достичь осуществленія того или другаго проэкта. Онъ вѣрилъ въ силу регламентаціи, которая бы могла расшевелить инерцію, влить жизнь въ мертвое общество, его окружавшее, двинуть науку и науку русскую, о какой онъ мечталъ. Надобно удивляться этой энергіи и силѣ убѣжденій, незнакомой уже людямъ послѣдующихъ поколѣній, подорваннымъ напрасными усиліями, невозможной для нихъ, у которыхъ историческіе опыты замѣнили энергію — холоднымъ отрицаніемъ и безплоднымъ невѣріемъ. Посреди этой дѣятельной жизни, Ломоносовъ совершенно вѣрно говорилъ о себѣ:

«Мой покоя духъ не знаетъ».

Но, помнпая съ глубокимъ уваженіемъ и энергію и дѣятельность Ломоносова въ наукѣ, изслѣдователь невольно спрашиваетъ себя о томъ, какіе плоды остались для его соотечественниковъ отъ всей этой дѣятельности, какое содержаніе и какой смыслъ и для исторіи науки и для современности имѣютъ научные труды Ломоносова? Отвѣтъ на эти вопросы должны разумѣется дать представители тѣхъ наукъ, которыя разработывалъ въ нашемъ отечествѣ первый Ломоносовъ. Они его прямые наслѣдники; результаты научныхъ изслѣдованій его должны быть ясны для нихъ въ исторіи ихъ науки. Что же говорятъ они? Всѣ они сознаютъ одинъ фактъ, что дѣятельность Ломоносова въ наукѣ прошла какъ то незамѣтно, что она забыта теперь; всѣ они вспоминаютъ эту дѣятельность не потому чтобъ были соединены съ нею историческою связью, а по долгу, вызванные значеніемъ имени Ломоносова и характеромъ всероссійскаго торжества въ честь его (20); но

---

(20) Одинъ изъ нихъ (московскій профессоръ химіи Лясковскій) даже откровенно сознается, что имѣлъ подъ рукою скудные источники для опредѣленія значенія химическихъ трудовъ Л—ва. Другой (харьковскій профессоръ Бекетовъ) жалуется, что въ его распоряженіи было мало времени для болѣе глубокаго изученія сочиненій Л—ва. См. Памяти Л—ва, стр. 59. Можетъ ли такъ говорить ученый о трудахъ своего предшественника, если они имѣютъ историческое значеніе въ его наукѣ?

вмѣстѣ съ тѣмъ они всѣ высоко ставятъ научныя заслуги Ломоносова. Не говоря о томъ, что отзывы ихъ большею частію согласны съ отзывомъ Эйлера, свидѣтельствовавшаго еще въ XVIII столѣтіи о необыкновенныхъ, геніальныхъ способностяхъ Ломоносова, которыя давали ему возможность «открывать связь между отдѣльными и отрывочными фактами и приходитъ такимъ образомъ къ блестящимъ обобщеніямъ, которыя мы привыкли считать плодомъ современной науки» (21), даже въ спеціальныхъ вопросахъ науки, они отдаютъ полную справедливость трудамъ Ломоносова. Въ физикѣ, напр. взглядъ Ломоносова на явленія теплоты составляетъ принадлежность современной науки. «Ломоносовъ, говоритъ современный профессоръ физики, какъ бы отвѣчая на вызовъ Перевощикова, сдѣланный тому назадъ тридцать четыре года, опередилъ цѣлымъ столѣтіемъ своихъ современниковъ въ пониманіи физическихъ явленій, и долго послѣ него господствовало въ полной силѣ ученіе о *теплородѣ*, да и еще многіе ученые держатся этого воззрѣнія, которое Ломоносовъ, еще въ 1747 году призналъ несостоятельнымъ» (22). Въ теоріи свѣта, Ломоносовъ опровергаетъ мнѣніе знаменитаго Ньютона и «доказываетъ необходимость держаться теоріи волненій, принятой въ настоящее время почти всѣми физиками» (23). Въ минералогіи тоже самое. На нѣсколькихъ страничкахъ Ломоносова «вмѣщается много ясныхъ, здравыхъ, знаменательныхъ идей, которыхъ не признавала вполнѣ современная литература запада, и которыя только въ послѣдствіи, въ наше уже время, разрослися обработкою въ важныя ученія съ характеромъ доказанныхъ истинъ» (24). Въ наукѣ минералогіи Ломоносовъ «имѣлъ воззрѣнія, которыя только послѣ него получили полное господство въ наукѣ» (25). Въ металлургіи, по поводу ученія объ образованіи золотоносныхъ розсыпей, идея перваго русскаго писателя о разрушеніи коренныхъ мѣсторожденій, только по

---

(21) Тамъ же, стр. 58.
(22) Г. Бекетовъ, тамъ же, стр. 62.
(23) Тамъ же, стр. 63.
(24) Г. Борисякъ, тамъ же, стр. 72.
(25) Тамъ же.

прошествіи 85 лѣтъ «была блистательно подтверждена многочисленными фактами и наблюденіями» (26). «Многія идеи Ломоносова не только не устарѣли, но являются въ полномъ блескѣ новизны и знаменательности». Въ геологіи у Ломоносова также «много свѣдѣній и взглядовъ, которые служатъ основаніемъ современной геологіи» (27). Описаніе *рудоносныхъ жилъ* сдѣлано Ломоносовымъ такъ вѣрно, что «даже въ настоящее время можетъ быть помѣщено въ любое сочиненіе по горной части» (28). Мысль о происхожденіи *каменнаго угля* изъ торфяниковъ, обыкновенно приписываемая настоящему времени, принадлежитъ собственно Ломоносову; такимъ образомъ онъ предупредилъ нынѣшнюю теорію, какъ и относительно *нефти, горной смолы* и *янтаря*, гдѣ Ломоносовъ совпалъ съ нынѣшними понятіями объ этомъ предметѣ (29). «Доказательства Ломоносова, касающіяся образованія горъ, до того одинаковы съ нынѣшними, говоритъ представитель русской науки о геологіи, что перечитывая ихъ, невольно забываешься и воображаешь, что читаешь какое либо изъ лучшихъ произведеній нынѣшняго времени» (30). Теорія земныхъ переворотовъ Ломоносова также ближе къ намъ, чѣмъ другія теоріи, образовавшіяся въ наукѣ уже послѣ смерти его (31) и пр.

Таковъ общій голосъ русскихъ спеціалистовъ о научныхъ достоинствахъ Ломоносова и о современномъ значеніи трудовъ его. Всѣ они видятъ въ Ломоносовѣ геніальнаго ученаго, ставятъ его рядомъ съ Гумбольдтомъ и другими европейскими учеными, пріобрѣтшими себѣ знаменитое имя. Мы не имѣемъ никакихъ основаній не довѣрять этому общему голосу, заподозрить въ немъ понятное увлеченіе славою великаго русскаго человѣка и видѣть въ словахъ этихъ, какъ это часто случалось, одинъ условныя фразы, которыя забываются

---

(26) Тамъ же, стр. 75.

(27) Г. Леваковскій, тамъ же. стр. 81.

(28) Профессоръ Щуровскій. См. Празднованіе столѣтней годовщины Л—ва въ Московскомъ университетѣ, стр. 25.

(29) Тамъ же, стр. 38—39.

(30) Тамъ же, стр. 44.

(31) Тамъ же, стр. 52.

по миновании надобности. Самое достоинство науки требовало здѣсь голоса правды и убѣжденія и мы ничего другаго не видимъ въ словахъ ихъ. Русская жизнь, если юбилей Ломоносова не есть минутное и праздное увлеченіе общества, пріобрѣтаетъ въ немъ такимъ образомъ великаго ученаго, которымъ мы имѣемъ полное право гордиться, какъ нашею народною славою, ученаго, опередившаго свой вѣкъ и Европу, самостоятельнаго творца въ наукѣ. Если, по общему историческому закону, его не поняли современники, то намъ потомкамъ, приходится воздать ему по заслугамъ.

Нельзя однакожъ не задуматься надъ этою страшною судьбою научныхъ сочиненій Ломоносова, которыя прошли незамѣченными современниками его, не принесли никакой пользы нашему научному развитію, не легли въ него плодотворными сѣменами и только чрезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, какъ бы по заказу, являются передъ нами. Гдѣ имъ мѣсто? Принадлежитъ ли имъ историческое значеніе въ общемъ ходѣ умственнаго развитія человѣчества? Почему современная европейская наука не воспользовалась его геніальными открытіями, опередившими ее нѣсколькими десятилѣтіями и шла своимъ, привычнымъ путемъ развитія, гдѣ не было скачковъ, медленно, но терпѣливо успѣвая въ своемъ дѣлѣ? Почему русскіе ученые, шедшіе по одной дорогѣ съ Ломоносовымъ, не обратили вниманія на труды его, изученіе которыхъ разомъ дало бы имъ здравыя понятія въ наукѣ и избавило бы отъ тяжелой и ненужной необходимости изучать плохіе зады Европы? Вопросы эти невольно приходили въ голову тѣмъ ученымъ, которымъ привелось на юбилейныхъ собраніяхъ излагать передъ своими слушателями значеніе Ломоносова и отвѣчая на нихъ, они обвиняли русскихъ ученыхъ, что послѣдніе не понимали его завѣтовъ водворить въ наукѣ нашей самостоятельность, изгнать недобросовѣстное заимствованіе и вредное подчиненіе. Дѣйствительно всѣ эти недостатки досель составляли главное свойство нашей науки, но виноваты ли люди въ этихъ недостаткахъ, не сложились ли они помимо ихъ воли и ихъ желаній? Не укоренилось ли въ русскомъ обществѣ печальное убѣжденіе, что дюжинный иностранный ученый гораздо болѣе имѣетъ значенія и правъ на уваженіе, чѣмъ геніальный русскій ученый, подобно тому, какъ ино-

страшные подданные въ нашемъ отечествѣ имѣютъ больше правъ и льготъ, чѣмъ мы.

Историческій смыслъ труда Ломоносова надобно искать въ историческомъ положеніи нашей науки. Русское просвѣщеніе и русская наука имѣютъ чрезвычайно оригинальную судьбу; впрочемъ, она составляетъ свойство почти всѣхъ народностей, поздно вступившихъ въ связь съ народами историческими, поздно ставшихъ принимать участіе въ интересахъ общечеловѣческихъ. О какомъ бы другомъ европейскомъ просвѣщеніи ни заговорили мы — историческій и постепенный ходъ этого просвѣщенія ясенъ всякому. Французъ или нѣмецъ, англичанинъ или итальянецъ, очень опредѣленно сознаютъ весь ходъ своего духовнаго развитія; имена представителей его—ему и дороги и понятны: они доходятъ до него длинною цѣпью преданія. Въ нашемъ просвѣщеніи нѣтъ историческихъ преданій; одно поколѣніе, смѣняя другое, разбиваетъ старое зданіе до почвы, не довѣряя даже и фундаменту и выводитъ свое, столь же недолговѣчное, какъ и предшествовавшее, а потому ни въ одномъ народѣ нѣтъ такихъ недоразумѣній между смѣняющимися поколѣніями, какъ у насъ; ни въ одномъ нѣтъ такой вражды между ними, такого грубаго непониманія другъ друга. Наша наука, наши образованныя понятія развивались подъ чужими вліяніями и развивались, къ сожалѣнію, чрезвычайно случайно, а потому они не дороги у насъ никому. По большей части образованіе условливалось у насъ не дѣйствительною внутреннею потребностію общества, а внѣшнею регламентаціею, которая сама и ставила формы, сама и наполняла ихъ. Одинъ фактъ рѣдко вытекалъ изъ другаго и все зависѣло отъ того, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ, изъ какой европейской земли идетъ вліяніе, какое направленіе господствуетъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. При такихъ условіяхъ понятно, что въ нашемъ образованіи не было ничего прочнаго. Какъ волны на глубокомъ озерѣ, смѣнялись одно другимъ вліянія чужихъ теорій, занесенныхъ случайнымъ вѣтромъ, а глубина по прежнему оставалась невозмутимою и спокойною. Масса народа никогда не участвовала въ нашемъ образованіи, которое началось подчиненіемъ чужимъ формамъ Европы. Она не воспользовалась ничѣмъ отъ этихъ вывозныхъ пло-

довъ, кромѣ развѣ случайно заброшенныхъ въ бѣдную жизнь яркихъ, но безполезныхъ игрушекъ.

Историческій фатализмъ привелъ и Ломоносова къ тому же ученію въ европейскихъ школахъ, которое сдѣлалось неизбѣжнымъ для всѣхъ русскихъ, но онъ, какъ мы говорили уже, безъ раздумья подчинился своему призванію, указанному ему реформой. Онъ вѣрилъ и въ науку и въ свои силы и особенное отношеніе его къ наукѣ заключается въ томъ, что онъ искалъ ея непосредственнаго примѣненія къ жизни, обходилъ науку безполезную и брался за ту, которая можетъ принести пользу его народу. Но, согласно общему характеру нашей науки, и его труды были случайны, условливались всегда внѣшними обстоятельствами и не оставили прочныхъ слѣдовъ въ нашей дальнѣйшей научной дѣятельности. Пусть будетъ правда, что Ломоносовъ въ физикѣ, химіи и минералогіи опередилъ европейскія теоріи нѣсколькими десятилѣтіями, но эти открытія остались безъ вліянія и безъ значенія. Ими не воспользовались ни европейскіе ученые, которымъ не было надобности отрываться отъ дѣла, чтобъ изучать смѣлыя *предположенія* ученаго, принадлежащаго къ народу, никогда не принимавшему участія въ умственной жизни Европы; они не послушались даже голоса Эйлера; они вѣрили въ себя и въ свою науку и дѣйствительно дошли очень скоро до тѣхъ же результатовъ, которые *предполагалъ* и Ломоносовъ, даже опередили его. Русскимъ ученымъ и профессорамъ химіи, физики и минералогіи также некогда было изучать Ломоносова; у нихъ было свое дѣло — догонять европейскую науку, шедшую не случайно, не скачками, а неизбѣжнымъ историческимъ ходомъ развитія, медленно, но вѣрно; имъ нужно было учиться въ Европѣ, а не у Ломоносова. Это былъ единственно-возможный способъ пріобрѣтенія свѣдѣній и при томъ — необходимый. Случайному обстоятельству недавняго юбилея мы обязаны позднимъ признаніемъ научныхъ заслугъ Ломоносова, но справедливость и обстоятельства дѣла приводятъ насъ къ тому въ высшей степени печальному и крайне-обидному заключенію, что научные труды Ломоносова не имѣли и не могли имѣть никакого *историческаго* значенія. Его геніальные *выводы* были блестящею страницею въ наукѣ, но страницею вырванною изъ цѣлаго сочиненія и ни при его жизни, ни че-

резъ сто лѣтъ послѣ его смерти — никто не можетъ указать гдѣ надлежащее мѣсто этой блестящей страницы.

Въ этомъ фактѣ, по нашему мнѣнію, заключается грустная судьба нашей науки, о которой нельзя говорить безъ тяжелаго и скорбнаго чувства. Заимствованная изъ Европы со временъ Петра В., она не имѣетъ прямыхъ связей съ нашею историческою жизнію; она никогда не была у насъ національнымъ дѣломъ, какъ это часто случалось въ Европѣ, гдѣ цѣлыя страны и цѣлыя эпохи увлечены были умственнымъ движеніемъ. До сихъ поръ, кругомъ насъ, мы видимъ въ ней мало потребности и сознанія ея пользы; до сихъ поръ нашему обществу понятна только одна ея сторона — утилитарная. Идеи науки не разработываются у насъ національнымъ образомъ. Мы твердимъ зады Европы, идемъ за хвостомъ ея. А она, эта европейская наука, не имѣетъ надобности ждать нашихъ трудовъ, ей нѣтъ дѣла до нашихъ ученыхъ и ихъ сочиненій, если они разработываютъ одинаковое съ нею содержаніе и не берутся за какую либо область, еще неизвѣстную ей, или болѣе доступную русскимъ, по ихъ географическимъ и историческимъ отношеніямъ. Вѣковыми усиліями, трудомъ поколѣній и безчисленныхъ личностей, самыми разнообразными развѣтвленіями въ духовной жизни народа и безконечными примѣненіями на практикѣ, эта европейская наука сдѣлалась національнымъ дѣломъ въ своей родинѣ и все общество принимаетъ въ ней участіе. Неудержимымъ ходомъ идетъ она впередъ и намъ, конечно, не догнать ее. Усиленные труды наши въ погонѣ за нею невольно напоминаютъ тѣ миѳическія личности, которыя религіозная фантазія древнихъ заставляла дѣлать въ загробномъ мірѣ—безплодное, но тяжелое дѣло. И дѣйствительно, на долю русскаго ученаго въ этой постоянной погонѣ за европейскою наукою падаетъ слишкомъ много, не говоря уже о томъ грустномъ сознаніи, что трудъ его будетъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ оригиналенъ. Типомъ русскаго ученаго въ свое время былъ и Ломоносовъ. Онъ долженъ былъ браться за многое, а труды его проходятъ незамѣченными и долго не удостоиваются оцѣнки. Его судьбу въ этомъ отношеніи, кажется намъ, раздѣлятъ и тѣ представители наукъ, въ разработкѣ которыхъ Европа такъ далеко ушла впередъ. Русскимъ потомствомъ они забудутся, если

только въ жизни не останется практическихъ примѣненій ихъ дѣла, потому что и этому потомству придется догонять Европу, забывая тѣхъ, которые шли по тоїи же дорогѣ. Оно вспомнитъ своихъ поэтовъ, историковъ, ученыхъ, которые разработывали родное содержаніе и забудетъ своихъ физиковъ, химиковъ, математиковъ, какъ сами они забыли русскаго ученаго Ломоносова.

Въ виду такого отношенія нашей науки къ европейскоїи и къ нашему обществу, часто встрѣчаются голоса о возможности своеї, національноїи науки, *русскоїи науки*, голоса, у которыхъ нельзя отнять патріотическаго значенія. Говорятъ о *русскомъ воззрѣніи, о русскоїи мысли*, требуютъ оригинальности трудовъ. Требованія понятныя, но едва ли выполнимыя. Всѣ аутодидактическія попытки въ этомъ родѣ, которыхъ не мало можетъ представить русская литература, вызываютъ только невольную улыбку сожалѣнія и въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи доходятъ до смѣшнаго, напоминая собою знаменитаго Гоголевскаго мыслителя Кифу Мокіевича. Обширная страна наша, въ разныхъ слояхъ общества, представляетъ не мало такихъ оригинальныхъ, аутодидактическихъ личностеї, часто имѣющихъ даже притязаніе на рѣшительныїи приговоръ. Между ними нѣтъ ничего общаго; всякіїи изъ нихъ идетъ своимъ путемъ и до всего доходитъ собственнымъ умомъ своимъ, а потому понятно, какая существуетъ между ними разноголосица. Явленіе такихъ оригинальныхъ мыслителеї объясняется очень просто: слабостію нашего школьнаго образованія и пеимѣніемъ никакихъ историческихъ преданіїй въ нашеї школѣ, за исключеніемъ школъ духовныхъ прежняго времени, которыя оставляли продолжительныїи слѣдъ въ жизни. До сихъ поръ мы такъ мало связаны съ нашею школою, что выходя въ жизнь, не уносимъ изъ нея никакихъ живыхъ и благодарныхъ воспоминаніїи, потому что русская жизнь заявляетъ требованія противоположныя школѣ. Но кто виноватъ въ этомъ разладѣ?

При неизбѣжномъ подчиненіи нашеї науки—наукѣ европейскоїи, вслѣдствіе историческаго переворота, произведеннаго Петромъ В., все существенное значеніе ея, по нашему мнѣнію, сказывается только въ непосредственномъ примѣненіи ея къ родноїи жизни. Практическое направленіе науки завѣщано

было и самимъ преобразователемъ. У насъ нѣтъ тѣхъ благопріятныхъ отношеній, въ которыя поставлена духовная жизнь на западѣ, гдѣ и отвлеченная отъ жизни, кабинетная наука приноситъ пользу жизни. У насъ, чѣмъ отвлеченнѣе наука отъ жизни, тѣмъ она безплоднѣе и долго придется намъ ждать своихъ Платоновъ и Невтоновъ, которыхъ съ патріотическимъ чувствомъ вызывалъ въ стихахъ своихъ Ломоносовъ. Для этой роскоши цивилизаціи нѣтъ мѣста въ странѣ, гдѣ нужны простые работники. Ломоносовъ, и по своему характеру, и по своему положенію въ странѣ, не былъ, да и не могъ быть отвлеченнымъ ученымъ. Вся наука его клонилась «къ приращенію общей пользы», къ «дѣйствительному поправленію россійскаго свѣта». Къ сожалѣнію, согласно общему неизбѣжному свойству его научной дѣятельности, и въ этомъ стремленіи его не было ничего одноообразнаго и цѣльнаго, высказаны только отрывочныя мысли, но въ нихъ очень много содержанія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Шувалову, Ломоносовъ перечисляетъ слѣдующія записки, совершенно практическаго содержанія, написанныя имъ «къ дѣйствительному поправленію россійскаго свѣта»: 1) о размноженіи и поправленіи россійскаго народа; 2) о истребленіи праздности; 3) о исправленіи нравовъ и о бо́льшемъ народа просвѣщеніи; 4) о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ; 5) о лучшихъ пользахъ купечества; 6) о лучшей государственной экономіи; 7) о сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго міра.

Изъ одного перечисленія заглавій записокъ Ломоносова, видно, какъ обширно должно было быть ихъ содержаніе, захватывавшее почти всѣ стороны и государственнаго и народнаго быта; послѣдній особенно хорошо былъ извѣстенъ Ломоносову, самому вышедшему изъ народа. Вопросы, поставленные имъ и теперь имѣютъ свое значеніе, и теперь требуютъ настоятельно разрѣшенія. Для этого разрѣшенія, для развитія нравственнаго и экономическаго быта народа, Ломоносовъ хотѣлъ употребить свою науку и примѣнить идеи, вынесенныя имъ изъ наблюденія того, что онъ видѣлъ въ чужихъ странахъ, особенно въ Германіи, нравственный и экономическій бытъ которой онъ ставилъ очень высоко. Къ сожалѣнію, изъ восьми перечисленныхъ самимъ Ломоносовымъ запи-

сокъ этихъ, съ обширнымъ практическимъ содержаніемъ, мы знакомы съ одною только первою запискою: «о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа» ([32]), но изъ нея уже видно, что Ломоносовъ стоялъ съ своею наукою на дѣйствительной почвѣ, что онъ искренно любилъ свой народъ и желалъ ему счастія, понимая въ чемъ оно состоитъ.

Ломоносовъ понималъ существенный недостатокъ своего отечества, онъ видѣлъ, что эта обширная пространствомъ страна — пуста и безлюдна, онъ убѣжденъ, что въ числѣ народа «состоитъ величество, могущество и богатство всего государства, а не въ обширности тщетной—безъ обитателей», а потому правительство должно заботиться всѣми мѣрами объ увеличеніи народонаселенія. Много причинъ русскаго безлюдства, мѣшающихъ плодиться народу, уменьшающихъ жизнь. «Много есть человѣкоубивства и еще самоубивства, народъ умаляющаго, коего непосредственно указами, безъ исправленія или совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ и узаконеній истребить невозможно». Въ темныхъ народныхъ обычаяхъ, въ требованіяхъ закона, несоразмѣрныхъ съ сѣверною природою, Ломоносовъ видитъ причины безлюдства Россіи. Неравные по лѣтамъ браки между крестьянскими парами (что было отмѣнено потомъ правительствомъ), постриженіе вдовыхъ молодыхъ священниковъ, жалкое состояніе повивальнаго искусства въ деревняхъ, пренебреженіе и несмотрѣніе за дѣтьми, когда отцы и матери въ полѣ, крещеніе дѣтей въ холодной водѣ и въ особенности образъ народной жизни — составляютъ главныя причины больной смертности въ Россіи. Обычаи народа хорошо были извѣстны Ломоносову. «Вопервыхъ невоздержаніе и неосторожность съ установленными обыкновеніями, особливо у насъ въ Россіи вкоренившимися и имѣющими видъ нѣкоторой святости». Въ особенности масляница и Св. Недѣля *пожираютъ* у насъ много народа. «Легко разсудить можно, что готовясь къ воздержанію великаго поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частые похороны до-

---

([32]) Сочиненія Л—ва, изд. Смирдина. Т. I стр. 631—654.

казываютъ то ясно. Разговѣнье томужъ подобно. Да и дивиться не для чего». Ломоносовъ съ желчью и съ любовію къ народу нападаетъ на широкіе праздничные обычаи русскаго народа, на попойки, гдѣ неумѣренность бываетъ причиною смертности, на дурную и гнилую растительную пищу во время великаго поста, на овощи, которыя сохраняются съ осени. Онъ доказываетъ, что великій постъ въ Россіи приходится въ самое нездоровое время года, что христіанство, начавшееся въ южныхъ странахъ, могло постановить тамъ великій постъ въ эту пору года, при великолѣпной и богатой плодами весны юга и что у насъ въ это время не можетъ быть свѣжей растительной пищи, годной для употребленія. Здѣсь не принята въ соображеніе жестокая природа сѣвера. Ломоносовъ первыхъ учредителей постовъ заставляетъ выражаться слѣдующими словами: «А про ваши полуночныя страны мы разсуждали, что не токмо тамъ нѣтъ и не будетъ христіанскаго закона, но ниже единаго словеснаго обитателя, ради великой стужи. Не жалуйтесь на насъ! Какъ бы мы вамъ предписали ѣсть финики и смоквы и пить добраго виноградна вина по красоулѣ, чего у васъ не родится? Расположите, какъ разумные люди, по вашему климату; употребите на постъ другое способнѣйшее время или въ дурное время пользуйтесь умѣренно здоровыми пищами. Есть у васъ духовенство, равную намъ отъ Христа власть имѣющее вязати и рѣшити. Для толико важнаго дѣла можно въ Россіи вселенскій соборъ составить; сохраненіе жизни толь великаго множества народа того стоитъ». На духовенство возлагаетъ онъ заботы объяснить народу настоящее значеніе поста, доказать ему, что «обманщикъ, грабитель, неправосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель, прощенія не сыщетъ, хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичъ, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновъ». Записка Ломоносова обращаетъ вниманіе на жалкое состояніе врачебнаго искусства въ Россіи, отъ чего смертность увеличивается, на другія причины, мѣшающія увеличенію народонаселенія: на частые и великіе русскіе пожары, на драки въ народѣ, на разбои, на пьянство, на притѣсненіе раскольниковъ и рекрутчину, отъ которыхъ русскіе лю-

ди бѣгутъ за границу и вездѣ указываетъ на способы предотвратить зло, давая умные, практическіе совѣты. Жалѣть надобно, что не всѣ написанныя или только проэктированныя имъ записки дошли до насъ. Изъ этой одной видно, какъ хорошо онъ зналъ русскую жизнь, въ какихъ ясныхъ образахъ подымается она передъ нами въ его словахъ.

За одно это живое отношеніе науки Ломоносова къ народной жизни, за эту созпательную любовь къ народу — онъ стоитъ юбилеевъ и празднованіе его памяти должно возбуждать въ участвующихъ сознаніе единственно-возможнаго у насъ пока значенія науки—практическаго. Безъ своего отношенія къ жизни, наука Ломоносова, какъ наука, не имѣетъ абсолютнаго и историческаго значенія. Ей нѣтъ мѣста въ общихъ усиліяхъ человѣческаго ума. И здѣсь, въ народномъ содержаніи науки, Ломоносовъ является первымъ начинателемъ, какъ явился онъ первымъ русскимъ поэтомъ. Значеніе Ломоносова въ русской поэзіи, которая началась имъ — дѣйствительно историческое и слава поэта должна остаться за нимъ, какъ бы ни колебалось въ мнѣніяхъ русскаго общества значеніе поэзіи вообще. Ломоносовъ создалъ формальную сторону нашей поэзіи, какъ создалъ онъ формальную сторону языка, въ первый разъ въ своей грамматикѣ, отдѣливъ русскій языкъ отъ церковно-славянскаго. Для того, чтобъ сдѣлаться поэтомъ, ему прежде всего нужно было создать версификацію, форму стиха и вдохновеннымъ образомъ, онъ угадалъ свойственный языку нашему размѣръ, который навсегда усвоился нашей поэзіей. За это открытіе онъ стоитъ благодарнаго воспоминанія. Совершенно справедливо, что сочиняя свою первую оду, Ломоносовъ шелъ по ложной дорогѣ, что онъ открывалъ ею широкій путь заимствованному псевдоклассицизму, господствовавшему тогда въ Европѣ, который нахлынулъ на свѣжую страну и навсегда погубилъ въ ней народную поэзію, но этотъ путь подражанія и заимствованія былъ неизбѣжнымъ путемъ нашимъ, условливаемымъ исторіей. Съ одами Ломоносова пришелъ къ намъ весь поддѣльный и напыщенный восторгъ, которымъ въ особенности была богата литература французская, перешла вся тяжелая обстановка ложно-классической поэзіи, съ ея безжизненными копіями древняго Олимпа, героевъ и музъ. Долго наша поэзія играла этою шумихою словъ, паря-

жалась въ чужую одежду и слогомъ Пиндара, Малерба и Буало воспѣвала россійскихъ императрицъ, россійскихъ героевъ и доблести русскаго народа. То была темная сторона дѣла Ломоносова въ русской поэзіи. Чтобъ напустить на себя этотъ заимствованный восторгъ, надобно было совершенно забыть о народѣ и естественныхъ условіяхъ поэзіи и стихи Ломоносова, сформированные въ чужой школѣ, не имѣютъ никакого отношенія къ народу. Случайно только, между холодными образами его поэзіи, читателя поражаютъ и дѣйствительно поэтическіе, случайно пробьется неподдѣльное чувство и прозвучитъ отъ сердца идущій стихъ. Но Ломоносовъ никогда не думалъ о художественной отдѣлкѣ своихъ стиховъ; онъ не высоко ставилъ свою поэзію и писалъ оды, по заведенному обычаю — въ высокоторжественные дни. Торжественность повода невольно отрывала его отъ дѣйствительности и невольно придавала поэзіи напыщенное выраженіе. За стихи свои получалъ онъ награды и милости и это обстоятельство служило немаловажнымъ побужденіемъ писать оды. Но справедливость требуетъ замѣтить, что и въ эту заказную, холодную поэзію своихъ одъ Ломоносовъ влилъ живую струю своей дѣятельной жизни: любовь и уваженіе къ наукѣ. Почти въ каждой одѣ его встрѣчаются слѣды занятія наукою и даже теоріи о природѣ укладываются въ рамки стиха. Такое содержаніе можетъ спасти оды Ломоносова отъ забвенія: въ нихъ видна лучшая часть его.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ ораторскихъ рѣчахъ Ломоносова, достоинство которыхъ очень высоко ставилось въ XVIII вѣкѣ. Явившись случайно поэтомъ, Ломоносовъ случайно выступаетъ передъ русскимъ обществомъ и ораторомъ. Ни форма государственной жизни, ни форма суда, эти два главные источника вдохновенія европейскихъ ораторовъ, не требовали тогда у насъ этого искусства. Похвальныя слова и рѣчи Ломоносова вызывались не жизнію, а академическимъ, также заимствованнымъ обычаемъ. Въ рѣчахъ своихъ Ломоносовъ подчинялся также условнымъ, ложно-классическимъ образцамъ; вліяніе латинскихъ панегириковъ замѣтно на нихъ, торжественно-напыщенный тонъ ихъ — далекъ отъ жизни, но тѣмъ не менѣе, въ исторіи нашего слога Ломоносовскіе панегирики имѣютъ свое относительное значеніе. При

томъ, нельзя не замѣтить, что и въ декламаторскомъ тонѣ рѣчей Ломоносова звучитъ, какъ и въ одахъ его, по временамъ, живая струна: Ломоносовъ не вполнѣ чуждъ своему предмету и часть содержанія рѣчей его не заказана. Изъ двухъ похвальныхъ словъ его: Петру Великому и дочери его Елисаветѣ Петровнѣ, одно проникнуто неподдѣльнымъ восторгомъ, который всегда внушалъ Ломоносову царь-преобразователь, другое — полно любовію къ наукѣ и увѣренностію, что новое царствованіе, начавшееся вслѣдъ за долгимъ и тяжелымъ для русскихъ гнетомъ нѣмецкаго владычества, будетъ благодѣтельно для нашего отечества и не допуститъ погибнуть «начинаніямъ» Петра. Въ то время ожила русская партія, къ которой принадлежалъ Ломоносовъ. На нее стали смотрѣть благосклоннѣе. Панегирики Ломоносова были такимъ образомъ тѣми же одами его, только переложенными въ прозу. Въ нихъ также одно существенное содержаніе, которое всегда вспомнитъ историкъ русской литературы: похвала наукѣ, опредѣленіе значенія ея для молодаго русскаго просвѣщенія и искреннее желаніе, чтобъ эта наука была *русскою*, т. е. имѣла примѣненіе къ потребностямъ Россіи.

Въ этомъ, кажется намъ, заключается главное и существенное значеніе Ломоносова въ исторіи нашего образованія. Быть сыномъ поморскаго рыбака и уйти изъ края, обиженнаго природой, къ центру знанія, увлекаясь зовомъ внутренняго голоса, къ счастію страны нашей — не исключительное явленіе. Пусть, въ духовной дѣятельности Ломоносова все условливалось толчкомъ, даннымъ реформою, пусть его поэзія и даже самая наука была заимствованіемъ съ Запада, но не надобно забывать, что Ломоносовъ первый показалъ намъ тотъ неизбѣжный путь заимствованія, по которому пошла наша литература. Время ложно-классическихъ теорій, которымъ подчинялся Ломоносовъ, прошло вмѣстѣ съ существованіемъ общества XVIII вѣка и тѣмъ же путемъ шли къ намъ образы и идеи, болѣе глубокіе, болѣе содержащіе въ себѣ, безъ которыхъ не можетъ обойтись наша жизнь.

Начинателемъ этого неизбѣжнаго пути, въ духовномъ отношеніи, былъ Ломоносовъ. Его жизнію и дѣятельностію умственною реформа Петра получаетъ въ первый разъ настоящій смыслъ.

Гос. Историч. Нау. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
193 г.